

Библиотека Всемирного клуба петербуржцев

Светлана Дион

НЕБЕСНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Стихи и проза разных лет

Издательство
«Вест-Консалтинг»
Москва
2010

Светлана Дион. Небесный почтальон. *Стихи и проза разных лет.* — М., Вест-Консалтинг, 2010. — 210 с.

ISBN 978-5-91865-028-8

NEBESNI POCHTALION
(Celestial postman)

Copyright © 2010 by Svetlana Deon

All rights reserved.

©Все права сохраняются за автором.

www.svetlanaddeon.narod.ru

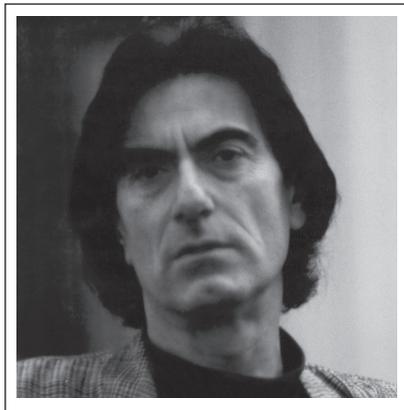
Посвящаю небожителям

моей маме – Ирине В. Герасимовой

*Тамаре В. Герасимовой
Полине Л. Герасимовой
Виктору Н. Герасимову
Татьяне Свердловой
Анастасии В. Веселовой*

Нодару Джину

Со смертью мы столкнемся в жизни дважды. Впервые, когда поймем, что умрем, как все, — и тогда расстанемся с детством. А еще раз, когда поймем, что бессмертны наши любимые, и тогда мы заглянем в вечность и откроем дверь в невидимый-но-существующий мир...»

Из романа автора « Попрошайка Любви »

*«Поэт всегда возвращается,
Либо во плоти, либо в стихах...»*

Иосиф Бродский

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ ЛЮБВИ

Новая книга Светланы Дион заставляет задуматься сразу же. Кто он, небесный почтальон? Какова его функция? Передавать на Землю любовь небес или адресовать в небеса наши беды? А, может, быть связующей серебряной нитью любви между небом и землей, жизнью и смертью, пространствами и временами?

И с первых же строк вырывающее почву из-под ног откровение:

*А смерти нет,
но есть прощанье –
до новой встречи на земле.*

Смело? Еще как! И сколько в этом оптимизма, хоть и окрашенного светлой грустью расставания! Те, кто знаком с творчеством Светланы, вероятно, обратили внимание на это свойство ее стихов: вселять надежду в самых драматических ситуациях. Это неспроста. Ведь автор — хрупкая, нежная, любящая женщина — наделена сильным характером, умением не сдаваться, стремлением выстоять.

*Я была свидетелем цунами,
Я пережила девятый вал*

Да и стихи под стать автору. И в них каждая строка, каждый шаг сверяются с высшим эталоном человеческих ценностей.

*А что, если в небе читают стихи,
И лучшие главные строфы и строки
Заносят в архив, как и наши грехи,
И подвиги наши, а боги
Их с помощью ангелов
Судят и жгут,
И пепел нам ветер приносит...*

Вдумайтесь в эти строки. По стихам, по делам нашим судят о нас. Они — мерило нашей человечности. Вот почему особенно важно не потерять себя, сохранить душу светлой и чистой.

*Среди чуждых людей и пейзажей —
В городах и деревнях чужих —
Я скитаюсь, гонимая жаждой
Вновь наткнуться на тихий родник*

А как важно сохранять в себе крупницы доброты ко всему, что нас окружает:

*По улице, бегущей от Кремля,
Толпа спешила, каблучки стучали,
А на глазах у всех, средь бела дня,
Два пса бездомных тихо издыхали...*

Не иссякает в нас и потребность сберечь в душах ожидание чуда, праздника:

*Я иду в ожидании чуда,
Несу для камина дрова...*

Поэт обращает внимание на то, как нужна людям убежденность, вера, за которую часто приходится дорого платить:

*А мне не верили,
Что горит вода,
Иногда...*

Светлана не устает вглядываться в окружающий мир и собственную душу, ищет ответы на главные вопросы:

*Отчего я так долго и пристально
За букашкой слежу на стволе
Уцелевшей в пожарище ели?*

Что же находит она в своей душе? Конечно, любовь. Ни одна женщина не может прожить без любви. А женщина с тонкой душевной организацией и подавно. Любовь — радость и боль одновременно. Прочувствуйте это в строках:

*Нерушимая в прошлом преграда
Уместилась в головку гвоздя,
Заржавевшего в клапане сердца*

Можно ли жить с гвоздем в сердце? А с другой стороны, гвоздь соединяет части в единое целое. Без него конструкция рассыплется, распадется на отдельные детали. Так и без любви. Пусть горькой и безответной, причиняющей боль, но без нее нет целостной человеческой личности. Обратите внимание, сколько мыслей и ассоциаций рождает точно подобранный поэтический образ. Светлане Дион свойственна и философичность. Ее строки о балете обретают большую глубину и обобщенность:

*Что взрослые останутся детьми,
И Бог за это многое прощает,
Что крылья опускаются плетью —
А руки обращаются крылами...*

Не только у балерины, у любого человека живет в душе желание взлететь над миром, подняться над собой. Но не всем удастся воплотить мечту:

Мой первый взмах крыла — прыжок — и слёзы

И все же прорастает в душе чувство благодарности земле родившей и земле поддерживавшей.

*Испания! Меня ты не растила!
Но до того мне кажешься родной,
Что родина — далекая Россия —
Уже мне стала матерью второй.*

Это чувство утраты самого близкого пронзительно звучит и в «Поэме последней ночи».

*Рассмотреть не посмела...
С того дня — за тобой
По тонкому льду,
Не касаясь земли,
Над бедой,
Над студеной водой,
Цепляясь за наше небо...*

Но, вырываясь из мук одиночества, поэт продолжает искать родную душу.

*О, где пристанище мое, где я сумею
К плечу родному голову склонить,
Где одиночество, подобно суховею,
Уже не властно душу иссушить?*

Но не только родную душу ищет Светлана, а вновь и вновь наперекор всему ищет себя.

Как труден путь к себе самой!

Я не хочу предварять впечатление читателя от удивительной прозы Светланы, соединяющей миры, времена и пространства. Прозы поэтической, захватывающей, дающей ответы на многие

вопросы и задающей еще больше новых вопросов, заставляющей думать и чувствовать. Насладитесь ей и, уверена, будете с нетерпением ожидать возможности прочесть роман целиком. Ведь роман — еще одна ступенька, ведущая к поэзии, в которой автор растворяется без остатка, являя нам откровения любящей души, удивительную исповедь обнаженного сердца небесного почталыона. Остается пожелать книге легкой судьбы, а Светлане Дион умного и чуткого читателя.

Людмила НЕКРАСОВСКАЯ

Людмила Некрасовская — автор 8 сборников стихов и 18 сборников в соавторстве, лауреат Национальной лит. премии ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ (2008), лауреат лит. премии им. Снежиной (2009), лауреат лит. премии им. Светлова (2008), лауреат лит. премии им. Матусовского (2006), лауреат лит. премии им. Вышеславского (2004, 2005, 2006, 2007, 2008), лауреат нескольких всеукраинских и международных поэтических фестивалей и конкурсов. Публиковалась в антологиях, альманахах и журналах Украины, России, Израиля, США, Испании, Германии, Греции, Великобритании.

Член МСПС — Международного сообщества писательских союзов (Москва), член правления Конгресса литераторов Украины (Киев), Почетный деятель еврейского Совета Украины (Киев), член Всеукраинского национального культурно-просветительного общества «Русское собрание» (Киев), член Межрегионального союза писателей Украины (Луганск), член правления, руководитель секции поэзии Регионального союза писателей Приднепровья (Днепропетровск). Член редакционного совета литературной газеты «Отражение», международно-альманаха «Провинция», международного альманаха «Ковчег».

Из цикла «ТАИНСТВО РОСЫ»

ЧТО ЖИЗНЬ? — НЕ ПЕСНЯ ЛИ ДУШИ?

Триптих

1

А смерти нет,
но есть прощанье —
до новой встречи на земле,
есть тьмы извечное сиянье
и... возвращение к себе,
Когда, уткнувшись в ландыш носом,
ты захмелеешь наяву,
и все ответы на вопросы
слезой росы падут в траву...

2

Что жизнь? — Не песня ли души,
чью музыку напишет сердце,
а голова сама решит,
когда романсы или скерцо
натянут времени струну,
по ней ударят чувства смело,
объявят логике войну
и белым начертая мелом
на контуре души стихи;
напевы сердца растворятся
в словах любви. Судьба. Шаги.
Обрывки снов, галлюцинаций.
И смерти нечего бояться:
душа не раз ещё споёт,
мелодий много есть красивых...
Что жизнь? — Сплошной круговорот
и повторение мотивов...

3

ТАИНСТВО РОСЫ

Я создал беды вам на благо,
А вы, создания мои,
Пролейте душу на бумагу!
Поэт бессмертный, утоли
Тоску всех ангелов бескрылых
Строкой о неземной любви.
Скрипач, играй и дай всем силы
Превозмогать печаль земли!
Над сценой, бледные виллисы,
Парите! Знайте: жизнь — театр.
А я тайком из-за кулисы
Страданья ниспошлю вам дар.
Благословенна будет Грусть:

Все сокровенное навек
Запечатлеет наизусть,
С землей простившись, человек...
И переплавятся невзгоды
В симфонию, в строку, в слезу
В тисках телесной несвободы.
Я создал потому росу,
И оттого искрятся капли
На листьях, на цветах, в траве,
Что в каждой — таинство печали —
Свет, растворенный в синеве...

***

А что, если в небе читают стихи,
И лучшие строфы и строки
Заносят в архив, как и наши грехи,
И подвиги наши, а Боги
Их с помощью ангелов
Судят и жгут,
И пепел нам ветер приносит...
И эту небесную пыль поутру
Вдохнешь — и поэзия в прозе
Нежданно забрезжит, и нам невдомёк,
Откуда порою, как чудо,
Берутся каскады изысканных строк...
А в море — зола изумрудов...

СНЕЖНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

Мы, наверное, что-то узрели
На несбыточных параллелях
Белых снов, облаков и стихов,
В лабиринтах рифмованных слов.
Сквозь пургу, сквозь дожди и метели
Мы от осеней к вёснам старели,
То любили и вновь молодели,
То на дивной играли свирели,
То в монашеской плакали келье,
То как птицы по небу летели,
То в подушку рыдали в постели...
Так минуты, так дни, так недели...
И слагалась пунктиром судьба
Из огня, из воды, изо льда,
Из того, что ушло навсегда,
Не оставив в снегу и следа...

БОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА СУДЕБ

(Размышления)

*

Начертаны в божественных архивах
Небесным барельефом синева
И почерком невиданно красивым
Заглавья человеческой судьбы.

Инициал души, названья судеб —
Наброски правды в обрамленье лжи...
Когда-то это всё равнялось людям,
Низвергнутым Творцом в земную жизнь...

*

Плывут имена волнами — малые и великие,
Сливаются, как цунами, в единое и безликое:
Так небо сольётся с морем, с иллюзией — горизонт,
Вода дождевая — с солью седых океанских вод...

*

Листает страницы судеб
Небесного словаря
Господня Рука и судит
Грехи и дела, говорят...

Надежды, мечты, утраты
Растаяли между строк,
Здесь чья-то любовь распята...
Способен ли плакать Бог?! —

Как плачут горестно вдовы,
Как плачут в трауре матери,
Как души снова и снова,
Что крылья свои утратили?

И знает ли вкус слезы
Хранитель архивов вечных?
Равна ли гибель звезды
В судьбах созвездий млечных
Кончине одной любви
В скитаниях душ человеческих?
Я верю, из наших глаз
Господни струятся слёзы,
Когда затухают в нас
Зажженные Богом звёзды...

*

Улыбается ли Господь?
Смеется ли ОН, как дети?
Только дух, заточенный в плоть,
Только узники смерти
Со шрамом беды в груди
Свободны, как свет и тьма.
И невинные пред людьми
Два потерянные крыла
Вновь обретут, когда
Впишут золотыми буквами
Судеб их имена
В архивах шрифтами крупными
Лучезарными, как слеза. —
Искрится так же вода
Соленая в океане,
И тем же светом мечта
Мерцает в густом тумане...
Не улыбки ли Господа
Это сиянье?
О, дивная тайна
Земного страданья!
Дрожит ли Господня рука,
Архивы судеб листая?

***

Безмянный в груди квадрат —
Там обычно любовь хранят
И слова «прощай!», «уйди!»,
И туда же ведут назад
Все дороги и все пути.

Там обычно стихи саднят,
И хранятся мотивы сонат,
Там дожди оставляют след,
И прощанье луча — закат,
Квадрат из кирпичиков лет...

В нём о звуках кричит тишина,
В нём равны — высота, ширина,
В нем калачиком небо свернется...
Мой спасительный круг — мой квадрат,
Мой тайник заточённого солнца...

***

Я поэзии училась у прибора,
Песни моря — небо композитор,
И душа, волне припевом вторя,
Вслух запоминала сбои ритма...

Вдох и выдох грусти океана,
Пульс волны в оправе тишины,
Музыкой излеченные раны
И увечья не моей вины...

А душа, как будто под гипнозом,
В синеве солёной растворясь,
На песок роняла, словно слёзы,
Россыпь слов. Их кружевная вязь

Соткана прозрачностью напевов
Неустанно дышащей воды.
В них печаль исчезновенья пены
В камешки, в них смытые следы

Тихих волн, сестёр их непокорных,
Тех, что дальше Грани разлились,
Потому в строках порой просторно,
А бывает, что все буквы — ввысь!

Я была свидетелем цунами,
Я пережила девятый вал,
Только в жизни, а не в океане —
Потому и стих неровен стал...

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАРОДЕЙ

Неузнанный живет среди людей —
Печальный, мудрый, вечно одинокий —
Художник звездный, Ангел-Чародей,
Еще Атлантам он давал уроки...

Земной закат всегда неповторим,
И каждый раз рассвет рисует новый
Художник Чародей пока мы спим,
Но не написано о нем ни слова...

Творит, — и как не устает рука?
Диковинною радугой двойною
Нас удивит, — заплещут облака,
Живой картиной поплывут чудною,

А иногда он черпает с лихвой
То красной, то зеленой краски, —
И лес пылает огненной листвой,
А в сосняке — одни зеленоглазки!

Он белый цвет лелеет, как дитя,
И белоснежной краски не жалеет,
На снег, на облака, лишь цвет дождя
Нарисовать для нас всего труднее...

Он тайны цвета знает и цветов,
Оттенки и любви, и сострадания,
В альбоме Чародея — море снов,
Пейзажи судеб, миражи сознания.

Как различить его среди людей,
По поступи, по выражению взгляда? —
В нем что-то есть от белых лошадей,
Пасущихся на склонах небограда,

В нем что-то от кувшинок, лебедей,
И что-то от берез в плену сугробов,
Волшебник, маг, художник, чародей,
Мой сон заветный нарисуй! Попробуй!

19.11.09

***

Нет выхода — я верю только в чудеса:
Не по заказу, не в награду, не из сказки,
А в те неслышные, незримые — в сердцах,
В те, что тайком от нас и без огласки...

Из цикла «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ»

***

Среди чуждых людей и пейзажей —
В городах и деревнях чужих —
Я скитаюсь, гонимая жаждой
Вновь наткнуться на тихий родник,
Где знакомы и камни, и кочки,
Колокольчик где грустно поник,
Где журчанье воды, словно строчки,
Вторит эху мелодий родных...

***

А ландыши в чужой стране
Хранят волшебный запах детства,
И растворённый в тишине,
Рассвет — над озером — чудесный

Напоминает русский май,
Порханье бабочек на даче...
Покинутый когда-то край,
Не по тебе ли сердце плачет?

Не там ли оставляла я
Свои мечтания девичьи?
Как часто трели соловья
Мне в пенье пташек заграничных

Напоминали об ином,
Приснившемся Небесном царстве,
О чём-то чистом и святом,
И колокольчик стал... лекарством,

Ранимую голубизной,
Своей головкою поникшей,
Цветы, омытые слезой...
И ландыши... вчера в Париже.

Душистый ландыш мальчуган
Проходим продавал... Улыбки
В ответ... Я столько разных стран
Объездила, храню открытки...

И бледных ландышей букет
Прижав к губам на Монпарнасе,
Я через столько горьких лет
Вдыхала сладкий запах счастья...

май 2008 года

***

Встречала я зарю с красноглазкой птицей...
Роса искрилась, капало с листы,
И мне почудилось, что мы друг другу снимся
На фоне просветлённой синевы;

Мы обе зачарованно застыли
От тишины над озером вдали,
И голову задумчиво склонили,
Подставив шею нежности зари;

А, может, птице вспомнились рассветы
Из дальней человеческой старины,
Как мне в тот миг, посередине лета
Гнездо привиделось в объятиях зимы...

***

По дороги краям — факелы,
Высоко — где-то там — ангелы,
Под ногами — земля — каменная,
Я бреду, как в бреду, неприкаянная...
И куда? — Почему? Расстояния
Измеряя, длину
Одиночества вдоль отчаянья,
И дурманящую глубину
Вод у свай моста в пустоту,
И далёкого неба твердь...
И куда же мне себя деть?!

МОСКОВСКИМ ДВОРНЯГАМ

Былое мужество! — Не ты судьба моя,
Зачем испытывать мне сердце горем?!
Спасло не мужество — добро моя броня,
Проверь назло: нет сил надёжней боли.
Не вынести лишь мук чужой беды:
Сильнее рока и дурного глаза,
Я дрогнула при виде псов, ещё живых, —
Дворняг, истекших кровью в луже кваса...

Они ползли по луже у стены,
(Чем покалечены? — Колёсами? Камнями?)
На лапах сломанных подальше от толпы,
Ненужные дворовые бродяги...

По улице, бегущей от Кремля,
Толпа спешила, каблуки стучали,
А на глазах у всех, средь беда дня,
Два пса бездомных тихо издыхали...

И жижга жалости на тротуар текла
Вдоль лап залитых кровью пса-дворняги, —
А мужество сочилось, как смола,
Накопленная каплями, годами...

Москва 1997

ОТ ЛЮБОВИ ДО МОРКОВИ

Ты куда завела, Любовь? —
Проводницей рядясь, судьбой,
А в разбитом корыте боль,
А над нею лишь смрад и рой

Мух, да воронов чёрных гвалт,
А в душе бьют кувалды в набат,
Да берёзы в ответ молчат,
И коровы в ответ мычат...

Ты куда привела, Любовь? —
Я на рынке московском вновь, —
Средь рядов, где гниёт морковь,
Чужестранкой стою — сиротой...

А Любовь уносит толпой...
По лужам пива и кваса,
Вдоль рядов овощей грязных
Я шагаю по ямам помойки
Бывшей родины, в век перестройки... —

Прежней походкой смелой,
В гуще толпы оголтелой,
На ощупь, борясь с собой,
С отчаяньем, с тошнотой,

Я за ней — за своей, родной,
За безумной, седой, хромой,
За единственной, всё живой,
За такой же, как я, больной.

Впереди горизонт — граница,
Над Москвой ворота гробницы,
Рынку нет ни конца, ни края,
Вдоль морковных рядов — до рая...

Москва 1997

СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕПЕЛ ВЕРБЫ

Парк Победы — безлюдный вечером,
тускло аллеи подсвечены,
тьнь скользит по земле, незамеченной —
в коляске старик искалеченный.
Сутулые сломлены плечи —
инвалид добрых глаз ждёт встречи, —
я взгляд отвожу: незамечены —
ни горе, ни горб, ни увечья.
Окликнул меня: Простите! —
не откажете? — Помогите...
(в кармане — копейки: монеты)
охапку нарвать мне вербы! —
вы не думайте, я — не бедный,
дочка, — вы тут прошли первой...
жду людей — прохожий тут редок,
не достать самому до веток...
У меня, видно, слабые нервы...
я всё помню, скитаясь по свету:
ту аллею в Парке Победы —
Ленинград «новый», день возвращения,
и охапку серебряной вербы —
в руках ветерана победы,

что лежала поверх сиденья, —
на месте его коленей...

В тот год было ровно полвека
со дня долгожданной победы,
а герой её — полчеловека,
не решаясь просить монету...

...Позже, у входа в метро,
Тот же старик — без ног,
Продавал мне мою вербу,
Чтобы купить на нее хлеба...

Старик, — инвалид полвека,
а страна до сих пор — калека:
За победу — полчеловека,
полстраны — через полвека:
И серебряный пепел вербы,
вместо хлеба, героям победы...

СПБ 1998

НЕДОСТРОЕННЫЙ ЗАМОК ЧУДЕС

Анастасии Веселовой посвящается

Вопросительно смотрят ворота,
Накренился Испанский подъезд.
И, как в детстве, в песочнице кто-то
Не достроил свой замок чудес...

Днем на улице спящей безлюдно,
Дружно замерли в лужах дома...
Я иду в ожидании чуда,
В дом несущая для камина дрова...

Я не помню какого, откуда,
Сколько лет я его прождала,
Я когда-то, мне помнится смутно,
Загадала его у окна...

Помню капли скользили по раме,
Я щекою касалась стекла...
На колени вскарабкавшись к няне,
Я впервые её обняла;

И так вместе мы долго молчали,
Просто слушая шёпот дождя,
Няня робко пожала плечами:
— Знаешь, ты ведь одна у меня,

Загадаем с тобою мы чудо
И помолимся вслух у огня, —
Чтоб душе твоей было уютно
До последнего самого дня,

Так уютно, как здесь, в русской хате,
Так светло, как от этой свечи,
И, чтоб даже зимой и в ненастье
Тебя грели бы с неба лучи...

— Не бывает чудес, баба Настя!
— Наши сбудутся, ты загадай.
— Чтоб красивое самое платье?
— Чтобы был на земле тебе рай...

— А себе? Что себе пожелаешь?
— Слышишь, дождь тебе песню поёт?
— Ну, скажи! Ты моё не узнаешь!
— Загадала — сбылось чтоб твоё...

Два загаданных чуда в ненастье...
С той поры — через столько дождей —

Мне мерещится в дождь голос Насти:
«Глянь, там чудо стоит у дверей...»

Днем на улице спящей безлюдно...
Дружно в лужах застыли дома...
Я стою в ожидании чуда —
А навстречу бежит детвора...

Вопросительно смотрят ворота...
Накренился, прищурясь, подъезд,
А в сиесту в песочнице мокнет
Недостроенный замок чудес...

*май 1998 года, деревня Михас, Андалузия
(Испания)*

***

На семи холмах, в глубине морской
Обернусь русалкой с рыбьей чешуёй,
Косы разукрашу лентами стихов,
Буду пить из чаши изгнанных богов,
Собирать со днища океанских недр
То, что люди ищут в недрах своих тел,
В раковинах дивных схороню напевы
Ивы и рябины о погибших верах...

***

Тише, тише! Спите, крыши!
Тише, не мурлыкай, кот!
Бейся, сердце, но неслышно,
Тише, тише... снег идёт...

В сердце края апельсинов,
Пересохших в зное рек,
Где подсолнухов долины,
Мне приснился белый снег.
Оттого ли, что нам лучше
Там, где нас подолгу нет,
Или просто душу мучит
Очень яркий жёлтый цвет?
Нет, пора давно признаться,
Что который раз подряд
Мне хотелось целоваться —
Снег был в этом виноват.
Отчего? Сама не знаю,
Верилось, мои следы
Заметёт пурга слепая,
Утаив их от судьбы.
Или, может, тише снега
И белее облаков
На душу струилась нега,
Явью став из белых снов?

Падал снег, и словно сказка
Начиналась у ворот...
Тише, сердце, может статься —
Снег на улице идет...

***

Одна бреду по бездорожью
Впотьмах:
Я так во снах
Ступала осторожно
Одна,
По закоулкам града детства...
Стена,

Упершаяся в высь, —
Не обойти, —
В конце пути.
И надпись выжжена
«Победа»...
И тишина.
И никого вокруг.
И радуга короной
На челе
Безоблачного неба —
В оправданье
Всех стертых красок
Угасающей надежды...
Полупрозрачные одежды
На ангелах,
Оплакавших мой путь,
Похожие на туники виллис
Из тюля белоснежного.
О, ангелы,
Из-за кулис
Вы смотрите
На сцену наших судеб,
А мы играем роли —
В масках —
Добровольно.
Мы просто люди —
Нам так часто больно.
А наша жизнь для вас кино?
Или окно
В наш мир,
Истерзанный давно,
Исплаканный
Тюремный полигон?
Повтор?
Проверка?
Испытанье?

А награда? —
Нет, ничего не надо.

Чего же хочется? —
Не расставаться,
Не терять любимых.
Не одичать
От Одиночества.
Не огрубеть от боли,
Не позабыть надежды цвет.
Нет. —

Иной и не прошу я доли!
Лишь запись на ладони
имен любимых,
проездной билет
туда, где ждут,
покинув этот край,
где верно ждут,
какой бы не явилась, —
обезображенная горем,
узнают ли меня такую?
Ведь я себя не узнаю,
а тем, кто знал меня другою,
я ставлю свечи...
Неумолимо тает вечер...

На краю
метаморфозов неизбежных
и бездорожья на земле
я слышу мамин шепот нежный:
«Вернись скорей к самой себе —
По тропам детства
На поляну, —
И там в кругу родных берез
Отыщешь прежнюю Светлану
И озеро чудесных грез...»

***

Что делать, если некуда вернуться,
А обернись — никто не ждёт тебя,
И словно из расколотого блюда
Слепили шаткий трап, и средь бродяг

Ты вдруг застынешь, оглушённый тишиною,
Услышишь жалобу нелепую дождя,
Увидишь бездну горя пред собою,
А в луже — искажённого себя?

И что тогда? — Толпа бродяг изящных,
Случайных спутников по ложному пути,
Влечёт с собой, а ты святое прячешь,
Чтобы не óтняли и бережёшь в груди;

И тут случайный вздох родного ветра
Грудь обнажит, вдруг распахнув пиджак,
И сокровенное блеснёт едва заметно —
И ты среди бродяг уже чужак...

***

Бывает, что проснёшься утром рано,
И всё на миг предельно станет ясным,
И нет причин поднять себя с дивана,
А жизнь покажется ошибкою прекрасной.

Растерянно рукой прикроешь веки,
Но не найдя приюта в темноте,
О главном в жизни вспомнишь человеке,
Потом о сыне Божьем на кресте.

Замечешься в путях воспоминаний
По тёмным закоулкам тупиков —

Непоправимых горьких осознаний,
Не пережитых беспощадных слов.

Забьёшься в угол, лоб в колени спрячешь
И стиснешь зубы — на полу в пыли
Начертишь круг бессмысленный, заплачешь,
Пометишь крестик в центре — в честь любви.

Поднимешься с трудом, как будто годы
Взвалили правду тяжкую на грудь,
Состаришься на сразу все невзгоды,
Отменишь сам в себе былую суть

И вяло пола стопами коснёшься,
И скрипнет понимающе матрас,
Что ты к себе когда-нибудь вернёшься,
С повинною, в последний в жизни час...

ДВЕРЬ В ИСКАЖЕНЬЕ

Размыто отраженье.
Рябь на воде.
В пролившейся беде
Искажены в моленье
Черты
На фоне пустоты...

Спокойствие воды —
Взгляд на себя прощальный,
Смиренье с волей тайной
Разгаданной судьбы.
Кресты.
Загадка красоты...

Остановившиеся воды —
И я... уже издалека.

Оледенелая река.
Улыбка зимняя природы.
Мечта
Под коркой льда...

Изба,
Где снежная судьба
Мне студит вены,
И фотографии родных
На голых стенах,
Иконостас
Того, кто спас, —

Знакомый лик:
Ни Бог, ни Ангел,
Ни жених...
Распят...
Вина —
С фатой до пят...
Дневник утрат
И даг
Смертей.
Святые имена
Людей.
Замерзшие слова.
Худо...
Дрова.
Камин.
И... чудо
В оледенелом царстве:
Мой сын.
Малыш, здравствуй!..

2008

И НИ ПОЗДНО, И НИ РАНО

Моему Энрике

1

Всё случилось так быстро и странно —
Две потери одна за другой...
Это слишком глубокие раны,
Чтобы мне оставаться живой...
Но к груди моей тянутся губы —
Мой младенец румяный сопит,
И не кажется серым и грубым
Горизонт, обрамлённый в гранит...

2

И ни поздно, и ни рано
Ты подарен мне судьбой,
Мой Энрике, знай, что мама
Ожила, чтоб быть с тобой.

Просто ты мне подал пальчик,
Увлекая в жизнь с собой,
Из волшебной сказки, мальчик,
Ты мне кажешься порой...

Я держу тебя за ручку,
Рядом семенишь со мной,
Смех твой прогоняет тучку
Над моею головой...

Обниму тебя я крепко,
Загляну тебе в глаза,
Мой малыш в джинсовой кепке!
Сохнет на щеке слеза...

Стала я сентиментальной,
Дорогих утратив всех,

От того ли мне хрустальным
Кажется твой звонкий смех?
Ты шагай, смотри под ножки,
Все бы камни убрала
Я с твоей тропы-дорожки,
Если только бы могла.

Кареглазый мой сынишка!
За тобой спешу я вслед,
Подверну твои штанишки,
Длинноваты для двух лет!
Белобрысый мой мальчишка,
Много ждёт нас важных дел,
После первой самой стрижки
Ты внезапно повзрослел.
Я уже купила книжки,
Лет на двадцать наперёд,
А пока машинки, мишки,
Мотоциклы, самолёт.
И прошу я еле слышно
Годы жизни мне продлить,
Мудрости прошу я свыше,
Дабы сыну объяснить,
Почему я верю в чудо...
Мой Энрике, просто знай,
Если я далёко буду:
На земле — и ад, и рай.
Нет ни молодых, ни старых,
Ни живых, ни мёртвых нет,
В людях сотни разных таинств
И загадок — в них ответ.
И одним из них являясь,
Проживи, сынок свой век,
Чтобы мог ты, не стесняясь,
Подписаться: «Человек».

***

Сквозняк.
Открытое окно.
И занавес, как парус.
И одиночества зигзаг
Бросает тень на полотно,
А в кресле спит усталость.
И каждый день бывает так.
Кружится вихрем пыль.
Седеет волос на висках.
Стареет кожа на руках.
И под глазами синь.
И выжженный пустырь
Мерещится на месте туч,
А небеса в снегах...
Тугой повязкой
Солнца луч
На сердце нараспах.

***

Над обрывом — галопом — на резвом коне
Лихо молодость мимо промчалась,
Словно в прерванном, мною загаданном сне,
За судьбой моя жизнь не угналась.
И копыта скользили, и конь на дыбы...
И в ущелье летела щёбёнка...
Но коня понесло, и по следу судьбы
Я летела, парила высоко.
Только конь постарел и ночами хрипит —

Может, в снах ему видятся дали,
Что, промчавшись по самому краю земли,
Мы искали. Нашли. Проскакали...
За любовью — галопом — по трудной судьбе,
Моя молодость — тень золотая —
Не горела в огне, не тонула в воде,
Не простившись, сегодня растаяла...

***

По самой кромке, по обочине, не каюсь,
По краю жизни обойду судьбу.
Отрекшимся, предавшим, — всем на зависть,
У всех не верящих, неверных на виду

Пройду. — На посох опираясь
Из ложных правд — из выдуманных правд, —
Пройду, земли пятами не касаясь,
Сквозь полк преград. — На ощупь. Наугад.

Назад. — В кошёлку звёзды подбирая,
Не оставляя за собой следов, —
Так по воде прошёл однажды чужестранец
Среди людей... и свой среди Богов.

На зов. — Из тины, из сетей подводных
Достану искры, павшие с небес,
Что не согрели пальцы рук холодных
Всех тех, кто умирал и не воскрес.

Всех, кто исчез, как капля тонет в море,
Неотличимая от тысячи других,
Что, обернувшись пеной, волнам вторит
Многоголосьем безразличных брызг...

***

Как ргуть,
Горошинами по углам,
Разлилась моя суть
Догадкой — там,
Мне в зеркале путь
По стихам —
К облакам,
Наизусть запомнив
Осколки снов,
Серебристую проседь —
Любимого лоб,
Цвет молитвы,
Шёпот цветов,
Лезвие бритвы,
Песнь парусов,
Жалобу мачты
Над головой,
Дачное лето
Девчонки босой...
Стынущие пальцы
Матери
В ладони моей...
Улыбки-маски
Скитальцев,
Забытые у дверей.
Слова прощанья
У того же порога,
Все имена любви,
Дорогу...

И безымянная рука,
Мираж родимого чертога,
Чуть слышная строка...
Нагая вера
Во что-то в зеркале,

Обрывки нервов,
Так от молнии — провода,
А мне не верили,
Что горит вода,
Иногда...

***

Спасибо, Грусть,
Стократ!
Когда вздохнуть боюсь,
И боль утрат
Терзает грудь,
И холод с головы до пят...
Душа забудется и пусть,
О, Грусть!
Ты — колыбельная моя,
Ты — дальний свет,
Ты — песня тихая дождя,
Ты — мой рассвет...
Но знай, я не возьму тебя
С собою, Грусть,
Туда, откуда не вернусь...
В тот светлый путь
Возьму с собой
Любовь,
Дрожащую росой
На сломанном крыле...
Смогу ли там я тосковать
По Грусти на земле?

***

Птицы сошли с ума —
Гвалт весенний в лесу...
Тропкой иду одна,
Душу в ладонях несу —

Никому. Ни к кому. Бреду,
Так просто: шаг — другой —
По траве, по теням, в саду
Сказки моей родной...

Дерева мне глядят вослед,
А мне тесно среди холмов:
Позади уже столько бед
И несбывшихся грёз и снов...

А я душу опять в руках...
А я снова ладонью вверх!
Ликование, не тоска:
Не слеза на губах — а смех.

От того ли, что этот гвалт
Опьянённых весною птиц
Возвращает меня назад
К тем полям, где я пала ниц

Пред судьбой, в первый раз любя,
К тем цветам, что дарили мне,
К тем цветам, что дарила я,
К тем цветам — в позабытом сне...

О, года, что уже прошли!
О, слова, что мне душу жгли!
И я помню: ещё журавли
За любовью звали вдали...

Столько в памяти разных лиц!
И казалось бы, всё прошло:
Я одна — а десятки птиц
Гнезда выют — ну и хорошо!

Шаг, другой — от зимы к весне,
Лес шумит молодой листвой.
Птицы, громче! Не нужно мне
Слышать сердца коварный сбой...

2007

***

На удивление не больно,
Когда по сердцу — топором,
Лишь грохот где-то колокольный,
И словно чей-то дом — на слом...

Как будто издали с утёса
Смотрю на тонущий корабль...
И не струятся больше слёзы,—
Лишь чёрным коршуном печаль

Вселенская, а не родная,
Кружит над выжженным плато,
Где годы всё с землёй сравнивали,
И сердце стало решетом,

Не потому ль свинец — на вылет,
Без боли,
Не струится кровь,
От обвинений и злословий,
И только дёргается бровь

Уже скорей от удивленья:
Непостижимости души,
К ударам плетью — онеменье,
А с капелькой тепла — ожил...

...Ожил в груди чудесный лучик,
И словно ток — по решетку,
А жизнь неумолимо учит
Не прибавать себя к кресту.

2008

***

Я всё реже и реже бумаге
Доверяю печальные думы:
Ни молчание звёзд не пугает,
Ни туман над горами угрюмый.

Сколько строк на листах недописанных,
Недочитанных книг на столе...
Отчего я так долго и пристально
За букашкой слежу на стволе

Уцелевшей в пожарище ели?
Может, что я в себе ерунду?
Или мне объяснить не успели
О судьбе — ни в раю, ни в аду?

Но, наверное, всё — не поэтому,
Ведь не все среди грустных людей
От любви становились поэтами,
Без неё — беспричинно добрей...

***

Всё, что вижу, я видела раньше,
Мир давно хорошо мне знаком:
Смех, пока от тоски не заплачу,
И дрожанье улыбки потом;

И белёсая длинная грива
Молодого на воле коня
За калиткой в деревне, и Дива —
В белой тунике возле меня;

Колыхание крыльев незримых
На ветру в такт дыхания ночи,
И послания в души ранимых,
И закрытые намертво очи;

И сияние снега на солнце,
И мерцание бледной луны,
И слеза, что от горя не льётся,
И слеза непрощённой вины,

И цвета раскалённого лета,
И горячие краски осенние,
Все вопросы знакомы, советы,
Как приметы земного старения...

Не знакома тоска мне весенняя —
Колыбельную небо поёт,
Сердце тихо молит о забвении,
А весь мир, как обычно, цветёт...

2000

***

Разноцветные листья опавшие
В лес уносит холодный ручей...
Сожаленья мои запоздавшие,
Словно тени бессонных ночей,

Растворяются в струях певучих,
Задевают за камни и кочки,
А дыханье деревьев созвучно
Вздоху чиркнувшей в памяти строчки;

И дурманит осенняя нега —
Воспалённую душу студит
Ожидание скорого снега,
А ручей торопливо журчит...

И вот эта осенняя сырость
Отчего-то смиряет меня
С тем, что часто, навязчиво снилось,
Не сбылось, но задело, дразня

Мой покой, словно листьев охапка,
Что, гонимая волей ручья,
Увлекла за собой в недра парка
Робкий отблеск бывшего луча...

***

На страже моего покоя,
На рубеже забвения и тьмы,
Стоят немые сторожи-изгой,
Седые часовые тишины.

За что ниспослана охрана?
На что щиты? — От метких стрел

Амуров озорных скрываться рано,
А в счастье — так сплошной пробел.

Ни бурь, ни гроз, ни лихорадок,
Не жду звонков, не жду измен,
Нет неразгаданных загадок,
Молчанье: все без перемен.

И только взгляд твой, словно выстрел,
С прицелом в сердце... нет, — в висок,
Стал незамеченным событием,
Увы, застал меня врасплох...

Куда смотрели часовые,
Когда нарушив мой покой,
Мне снова встречи роковые
Жизнь уготовила с судьбой?

Вновь неизбежность несвиданий,
Вновь жажда все отдать за миг,
И та же радуга в сознание
Оттенки чувств слагает в стих...

И некого спросить — за что же
Такой немислимый повтор,
И то же испытание, Боже,
И тот же совести укор.

И тот же взор, и тот же голос,
И та же рытвина в груди,
И, словно сердце расколосось,
Как лед. И некуда идти,

И не к кому — никто не нужен,
А тот, кто часто снится мне,
Увы, не мне судьбою сужен...
И плавится душа в огне...

***

Рассёк ладонь один лишь шрам,
Где должно двум — одна
Мне делит руку пополам
Глубокая черта —
Черта и сердца, и ума,
Посередине — крест,
Душа без-умных, голова —
Всем истинам в протест;
Была права — зигзаг — не хворь,
Цыганка, нагадав,
Так тает тень любви в ладонь.
Всей жизни проиграв;
А может, это след борьбы,
Моей борьбы с собой,
То схватка жизни и судьбы,
Где боль любви — герой...

***

Моя судьба уже надела траур,
Как будто нет меня среди живых,
А сердце обратилось в снежный мрамор,
В себе любовь — от жизни — схоронив;

Всё чаще посещает наважденье:
Последняя ступень и пьедестал
Героев жизни, венчанных прощеньем,
Крещением началом всех начал;

Но каждый раз я снова оступаюсь,
Тяжёлый шлейф влечёт меня назад,
И я к ступени первой возвращаюсь,
Где ты застыл, тоской своей распят;

Последний шаг — и позади живые,
Ещё одно усилие души,
И мы перед судьбой вдвоём нагие,
Два отраженья в зеркалах чужих...

Герой любви поклонникам не нужен,
Он торжествует только сам с собой,
Так верная вдова чужого мужа
Поругана, не признана толпой;

Смеются все — кто первый, кто последний,
Смеются над другими, над собой,
Я ж на последней жизненной ступени
Над собственную рассмеюсь судьбой...

23.5.99

Из цикла «СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ»

1997 — 2002 гг.

Из сборника «КРУЖЕВО ВРЕМЕНИ»

***

Я мечтала увидеть дальние,
Недоступные нам миры,
Но бессильные мы, земляне,
И масштабы небес, увы,

Усмирили мои порывы.
И я в поиск, совсем иной,
Собралась, сотворив кумира
В собственной клетке грудной.

Душа! Проводник мой в небе,
Мой спутник в незримых мирах!
Мы вместе над правдой скорбели
И веру несли на крылах.

И самые дальние дали,
И горизонты прозрений
Оказались в орбите печали,
И не дальше границы мгновений.

А самую дальней точкой,
Рубежом расстояний в груди,
Оказалась короткая строчка
О следах на пороге любви...

***

В пустую склянку брошу память
И кверху дном переверну.
В какой чулан её поставить?
В какую убежать страну?
В самой себе порою стонешь,
И задыхаешься во сне,
И в невозвратном снова тонешь,
Оставшись с ним наедине,
Сутулишься, под ноги смотришь,
И взгляд вперёд не устремлён,
И, как любовника, ждёшь ночи —
Надеешься увидеть сон —
Сон незабвенный, лучше яви,
Где то, что было, будет вновь,
Где из каскадов слёз печали
Струится в памяти Любовь...

ИСПОВЕДЬ

О самом трудном во мне,
О необратимом,
Как смола на коре,
Как вино с керосином,
Я стене прошепчу —
Прошепчу Стене Плача,
Как сегодня грачу
Ранним утром на даче...

Объясню всё, как есть,
Как понятливой птице,
Что любовь не стереть
И с собой не смириться,
И привыкнуть нельзя —
Не поможет и время —
Мне дышать без тебя...
Знаю, грач мне поверил.

Но поймёт ли стена,
Где несчастные плачут?
Средь толпы — я одна...
Грач задумчив и мрачен:
Осуждает мой всхлип
Или злится на дятла?
Дятел душу долбит,
И зачем? — Непонятно...

***

Я к тебе неизбежно вернусь...
Я не знаю, когда, как внезапно,
В никуда проложу себе путь,
В безразмерное, позднее завтра;

И тогда возвращусь. Грянет гром?
Или просто притихну от песни?
Знаю, это случится — потом,
Ты и я, снова рядом и вместе...

А пока? Чья-то рядом щека,
Где-то горы, покрытые снегом,
И навязчиво снится из детства река,
Да грачи заливаются смехом.

А потом? Там, где маки цвели,
Отцветут виноградные лозы,
И совсем далеко, где-то в нашей дали,
О любви будут помнить берёзы.

Я к тебе неизбежно вернусь,
Даже если ты в это не веришь,
Даже если не ждёшь, — ну и пусть!
Даже если с другой поседеешь,

Упрощённая жизнью, вернусь,
Как разлука была неизбежной,
Как не тонет в вине моя грусть,
И всплывает последней надеждой...

Знаю, ты без меня проживёшь,
Но с другой мне останешься верным.
И об этом молчит летний дождь, —
Дождь, играющий в прятки со светом...

***

Мне тебя уже видеть не надо —
Мне достаточно помнить тебя.
Нерушимая в прошлом преграда
Уместилась в головку гвоздя,

Заржавевшего в клапане сердца,
И при каждом ударе саднит,
Словно рана — от чёрного перца,
Наболевшая мышца в груди.

Мне тебя уже слышать не надо —
Я привыкла с тобою молчать,
Вспоминая апрель виноградный
И цыганскую пьяную страсть...

Я уже научилась с рассветом
Твои руки к губам прижимать,
Забывать, что тебя больше нету
Для меня — навсегда и опять;

И лелеять надежду, что где-то,
Далеко, без меня и с другой
Невредимый шагаешь по свету,
Не бессмертный — а просто живой...

«Мне тебя уже видеть не надо», —
Буду фразу твою повторять,
И себя обману беспощадно —
В первый раз, навсегда и опять...

ГОВОРЯТ, ЧТО ВСЕ БЕССМЕРТНЫ...

Ты во мне уже настолько,
Так давно и так всегда,
Что не страшно и не горько,
Что исчезну без следа.

Только часто беспокойно,
Словно за углом беда,
Что похож на ветер вольный,
Что со мною — иногда.

Говорят, что все бессмертны,
И что выживет душа
У писателей, поэтов,
Может, даже у ежа...

Говорят, что только люди
Возвращаются любить,
Что душа не позабудет
Глаз возлюбленных и лиц...

Отчего же цепенею,
Опасаясь в душном сне,
Что сберечь я не сумею
И оставлю на земле

Всю себя и то, что было
Самым искренним во мне,
Что так щедро подарило
Небо мне — а я тебе...

РЕКВИЕМ

Диптих

1

На небе слишком много звёзд...
Какую выбрать?
Куда бы ты меня унёс,
Где можно крикнуть
На всю вселенную твою,
Что мне, бездомной,
Нет места ни в одном раю,
Что нет другого,
Ни островка, ни уголка,
Что нету крова,
Ни крыши нет, ни потолка,
И нету дома
Иного, чем твоя рука,
Твой взгляд знакомый;
Что все пути ведут назад,
И как мне звёзды
Мигают ночью все подряд,
Смеясь, мол — поздно!
Как некому сказать всерьёз
И даже в шутку,
Что глыбой камня под откос
Сорвало будку...
Не телефонный автомат —
А жалкий хутор,
Шалаш, где много лет назад
Ютился юмор,
И мой покой, и рядом я —
Сестра утёса,
А у подножия земля...
И вдруг — с откоса!
И камни вслед, и ветра гнев,
Смеются звёзды

Нахально, на глазах у всех,
Сквозь дождь, сквозь слёзы.
На небе слишком много звёзд...
И ночь мерцает
Огнями тысячи стрекоз —
А я хромаю
На два крыла, на две ноги,
Над облаками,
Цепляясь за клочок земли
Двумя руками...
Искрятся звёзды — там, вдали —
При всех, печально,
А где-то в море — корабли,
И всё нормально...
И непонятно никому,
Зачем с откоса,
Или в чужую мне страну,
Где те же звёзды.
Сама я тоже не пойму,
Как всё серьёзно, —
В твои глаза я загляну —
И вниз... с утёса...
На небе много новых звёзд,
Но больше старых,
Ты мне одну в руках принёс —
В руках усталых...

7 февраля 1999 года

2

Моя душа пусть будет тебе кровом...
Мы все бездомны, жители Земли,
Любовь моя пусть служит тебе домом,
Пока пылает жизнь в моей груди.

Мы все — скитальцы, странники под небом,
Изгнанники безоблачных долин,
И поиск наш кончается на первом
Открытом сердце, где нас приютил

Такой же сбившийся с пути и одинокий...
И стало незачем и некуда идти,
И все оборванные в никуда дороги
Свелись в ложбинку в найденной гряди.

Не потому ль, когда нас изгоняют
Из сердца вон — обратно за порог,
Одни из нас лишь адреса меняют,
Другие ждут, что приютит их Бог.

Мой обитатель сердца! Спи спокойно,
Милей других моей души приют?
Мне изгонять тебя уже так больно,
Что ангелы мне реквием поют...

А где-то, может, ждут
Сердца других, усталые, пустые,
Прожив бездомными — бездомными умрут,
Женатые, а также холостые,
Не ведая любви земной уют...

***

Море с небом слилось в серой дымке,
Затуманенный, призрачный свет,
Горизонт словно стерли резинкой,
И на небе ни облака нет;

И вода, как и небо, спокойна —
Неподвижная сизая гладь,

И с вершины горы я невольно
Грань земную тружусь угадать.

Но земля продолжается небом,
Как начало рождает конец,
Как над новым над всем и над первым,
Заготовлен надгробный венец...

Часть тебя. Часть меня. Где граница?
Где кончается мудрость твоя?
Может, там, где свободно птицей
Кружит вера слепая моя?

Где начало тебя в этом мире?
Где кончается мой полукруг?
Нас друг в друге давно растворили,
Мой бесценный, далёкий мой друг!

Оттого ли верны оба лире,
Оттого ли молчим от дождя,
Что судьба нас и жизнь разделили,
Наугад грань меж нами чертя?

Оттого ли тебя вспоминаю
Тоже пристально смотрящим вдаль —
Горизонт между адом и раем
Лишь иллюзия... И невзначай,

Как меняется лёд от огня,
И становится льдина иною,
На тебе — отпечаток меня,
Мы слились — как две капли — с тобою...

11 июля 2001 года

***

За все прошу — ты жизнью был оправдан,
И за обман, и за поруганный обет,
Пусть не карает тьма — судьбой моей наказан,
Пусть с неба льется милостивый свет.
А там, где судьи — ангелы, не люди,
Где есть шкала и горя, и любви,
Я попрошу, чтоб разрешили судьи
Предстать защитником-свидетелем твоим, —
Смягчить твой приговор и искупленье,
Сообщником твоим родиться вновь,
И разделить и грех, и обвиненье:
«Пытал: казнил и воскрешал любовь».
Я прокричу межстрочьем бессловесным
О том, что обездолило тебя, —
Так лебеди с высот изподнебесных,
Слагая крылья, вслед земле кричат...

КОНЕЦ СВЕТА

Мне привиделась гибель света —
Шел невиданно крупный град,
Раскрошилась, как хлеб, комета,
И чёрный был снегопад;

И земля вся покрылась дёгтем,
И замерло всё живое,
И море на небо льётся,
Чёрное — не голубое.

И ты, вероятно, случайно
Оказался со мною рядом,
Мы вместе глотали отчаянье
Под дьявольским снегопадом.

И я восхваляла Бога за милость
В последний миг —
За то, что мне так приснилось —
Ты молча ко мне преник...

СОН ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Сон посмертный, в оправе осени —
С позолоченным лесом вдали —
Без сомнения, жизни после,
Сон о сбывшейся нашей любви...

Сон, подаренный мне заранее,
Ускользнувший из чуждой грани,
О нашем грядущем свидании —
Ты и я в невесомом овале...

...В полуарке. Внизу — река.
Мост над шепчущей сны водою...
Мне навстречу, издалека
Ты шагаешь походкой героя;

И я тоже спешу, но идти
Мне мешают каскады подола,
Складки тают, и эхо «прости!»
Вырывается в небо из горла;

Между нами лишь узость моста —
Я черты твои ближе читаю,
Чёрный волос блестит, как роса,
И улыбка до боли родная;

Посредине моста ты застыл
И вдохнул полной грудью молчанье,

Ты такой же стоял, полон сил,
В наше первое в жизни свиданье...

Я рванулась навстречу, взлетев,
И железная тяжесть подола
Уступила, и тихий припев
Нашей грусти послышался снова;

Но ты руки ко мне протянул...
Я прижалась к тебе, молодая,
И скрестился сердец наших гул...
Я дрожала, от счастья нагая...

Из цикла «СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ»

2003 — 2010 гг.

***

Я только ангелам доверю
свою нелепую мечту
из категории «не смею,
но помечтать мне по плечу».

Но пусть тебе потом расскажут —
Когда-нибудь вдали от нас —
О замысле моём отважном,
Как ты меня от грусти спас,

Как повстречался и влюбился,
И стал совсем незаменим,
Как был таким, каким мне снился,
И мир казался бы другим.

Ты встречи ждал и ждал закатов,
И таяла в ночи тоска,
И сердца звонкое стаккато
Пыталась приглушить рука,

И даже не казалась странной
Такая роскошь — ты и я...
И я поверила в Нирвану...
Но я одна — у алтаря —

И не прошу даров нездешних,
И не прошу чудес с небес, —
Простят ли мне, святой и грешной,
Невыносимо тяжкий крест?

Я лишь одна среди несметной
Толпы неузнанных сирот...
Я сон прошу себе заветный!
Все наяву — наоборот...

***

У нас с тобой ни одного свиданья,
Увы, не состоялось наяву,
И только сосны слышали признанья
Мои — тебе, а образá — мольбу.

Ты не узнаешь, почему так трудно
Мне грёзы между строк порой скрывать,
И отчего в толпе безликой и безлюдной
Тебя мне захотелось отыскать...

И не поймёшь — и не пойму сама я —
Каким таким неведомым путём,
Не спится мне, и я всё вспоминаю
О том, как ты задел меня локтём...

Весь наш роман — ты вёл мою машину,
А я летела, словно над судьбой
Куда-то в вечность — в счастье уносило,
В запретный край, подаренный тобой...

Весь наш роман. За сорок километров
Меня довёз до тупика в раю.
Ты тормозил — а скрежетали нервы!
Конец: в машину пересел свою...

***

Посвящаю А. Г.

Я тебя отпущу...
Ты свободен — иди.
У тебя ещё жизнь впереди.
Да, твой взгляд был подобен,
Признаюсь, лучу,
Да, он бездну тоски осветил.
Я не крикну вослед
Ни «прощай», ни «вернись»,
Я забуду тебя поскорей,
С высоты не прожитых тобой ещё лет
 Попрошу лишь одно: оглянись...
Оглянись на себя — перед шагом вперёд,
Перед шагом навстречу судьбе,
Ты меня позабудь,
Но ты помни про лёд —
Как он медленно таял в тебе...
Ты вернёшься к себе,
Как когда-то и я
Возвратилась, на жизнь опоздав,
И, как я, ухмыльнёшься
Случайной слезе,
Когда по небу чиркнет звезда...
Я тебя отпущу...
Ты свободен — иди...
Но, когда ты вернёшься назад,
Измощённый от длинного круга-пути,
Если вспомнишь мой взгляд —
Не забудь мне поставить свечу...

2006

***

Посвящаю К. Г.

И снова кто-то над бедой
Не мне обещанную руку
Протягивает, словно свой,
Сжимая в кулаке разлуку...

И снова я благодарю
Своих хранителей небесных,
И снова вдвое одарю
За добрый жест и сон совместный,

И снова отпущу на миг,
Но на земле он длится годы...
Кто к одиночеству привык,
Не спорит с таинством свободы...

2009

МНЕ ТЕБЯ ПОДАРИЛА ВЕСНА

Мне тебя подарила весна,
Мне весна тебя подарила...
Из давно позабытого сна
Тебя умыкнула, мой милый.

Колдовала, наверно, зима,
Или осень весне нашептала,
Что тебя я уже не ждала,
И что счастья мне выпало мало.

Мне не снились давно уже сны,
Где цыганкою вольной и смуглой
Я краду поцелуи весны
И зиму называю подругой...

Только кто же расскажет тебе,
Кто нашепчет тебе мою тайну?
Приказала молчать я зиме,
А весне загадала желанье.

Я тебя украду в свои сны,
Где искать тебя, осень лишь знает...
Утаю от зимы, от весны,
И доверю секрет только маю...

май 2006 года

***

Как будто тень на дне реки,
Воспоминанье ускользает...
Лишь эхо — магия строки
Запечатлит твои лобзанья,
Твой обнаживший душу взгляд,
Мою растерянность и слабость,
И недоеденный салат
Капустный — о, какая жалость!
И даже ива ускользнёт —
В своём растает отраженье...
Я адрес запишу в блокнот —
Деревни, дату сновиденья,
Когда, как будто на заказ,
Нам долго снился чей-то вечер,
Меня ты от чего-то спас,
Тепло обняв тогда за плечи.
И ускользает встреча
Из сна — в рельефы яви,
Из будущего — в вечность,
Из «может быть» — в «едва ли»...

2009

***

Тише, тише.
Где-то свыше
Траектория проста:
Там, где след волна смывает,
При отливе — пустота,
А на небе — отпечаток:
Миг запечатлел навек
Очертания двух пяток,
Что оставил человек.
Тише, тише. Где-то свыше
Радугою — бирюза,
А под ней застыли волны
И вселенская слеза.
И два мнимых незнакомца,
Просто сидя за столом,
Не заметили, как солнце
Всплыло за ночным окном.
Тише, тише...
Третий лишний
Притаился между снов.
Тише, тише,
Третий лишний
Раздвоился, и без слов
Пустота над горизонтом
Изогнулась в тень-дугу,
В полукруг бесповоротный,
В миг, пролившийся в строку...
Тише, тише:
Просто свыше
Эта наша пустота —
Очертание моста...
Эти все четверостишья —
Мост, построенный Всевышним...

***

(в такт пляшущим эмоциям)

А ты ночами не грусти,
Не думай обо мне в пути

В своей или чужой стране, —
Ни в тишине,

Ни среди толпы.
Не вспоминай, застыв,

Под музыку стихов,
Под звон колоколов,

Под звон бокалов...
Так мало
Отведено
Нам раз
Ждать сны одни и те же
И еще реже
Скрывать свеченье
Глаз,
Встречаться...
Забудь прикосновенья
Пальцев
Твоих к струне,
Оборванной во мне,
Назло луне,
Смущённой в небе,
Назло всему,
Во что, не веря,
Я втайне верую вдвойне...

***

Ю. К.

Позволь тебя я околдую,
Как двадцать лет тому назад:
Меня ты помнишь, молодую,
Ты помнишь первый миг и взгляд?

Позволь нам заново влюбиться,
Как не посмели мы тогда.
Пусть паутина лет на лицах,
Но в небе — прежняя звезда!

Мы одиноки до сиротства,
Благословенного до дна,
И между нами столько сходства:
Свобода, грусть и цвет вина!

Позволь, тебя я околдую
Своей наивною мечтой,
На столько лет и поцелуев,
Насколько станешь молодой.

Тебе уже давно полвека,
И мне грядет полсотни лет,
Но шумной молодости эхо
Дразнит, надев седой берет.

Позволь мне просто быть собою,
Той прежнею, до всех утрат,
Подругой, другом и сестрою...
Судьба и жизнь нас не щадят?

Позволь же нам беречь друг друга,
Назло потерянными годам.
Обыкновенное пусть чудо
Вернётся, улыбнувшись нам...

***

Непрошенный мой друг,
Стихи тебе — без посвящений,
Не боле...
И тайно от подруг
Признаюсь: я виновней
Во лжи, а не...
Изящна маска безразличья
— Да кто ты мне?
Все происходит символично:
Наоборот, и лишь во сне
Я смею, тая от смущенья,
В тебя бесстрашно заглянуть...
А наяву: лишь совпаденья,
Как будто кто-то стелет путь
Из строк и нот, — а ты прилежно
Меня стираешь с полотна
И смотришь сквозь...
Ты с кем-то нежный,
А я — замерзшая — одна.
Но ты не ведаешь, как тайно
Тебе во след «благодарю»
Шепчу, с улыбкой кроткой,
Смирившейся с судьбой сиротки...
А может, потому ты слеп
Ко мне, что глаз боится
Узреть в заснеженной вдове
Переодетую жар-птицу?
К чему гадать — за все спасибо.
За то поклон тебе во след,
Что после встреч с тобой невинных
Не слышен скрежет мук и лет,
А, главное, снимая маску
Пред зеркалом, наедине
С моей несбывшеюся сказкой,
Я узнаю себя во сне,
Лицом к стене...

ВДОЛЬ БЕЗУПРЕЧНОЙ ПАМЯТИ ВОДЫ

Триптих

1

У нас с тобой не будет ничего,
Грозят лишь встречи частые на людях.
Наденем маски! — Это нелегко:
Разыгрывать, что ничего не будет...

Ты не удержишься, и дерзкая рука
Скользнёт мне по спине между лопаток,
И неминуемо задержится, слегка
Ошпарив кожу... Как ты сладко краток!

Спешишь наполнить первым мне бокал,
Во взгляде — и призыв, и ревность,
Бесстыдно, слишком близко рядом встал,
Забыв и про детей, и верность,

Про долг святой любви своей жене,
Про ханжество и все приличья.
А я не в силах больше, как во сне, —
Фальшиво и категорично —

Тебя не замечать. Не важно,
С кем я сюда пришла и с кем уйду,
Но ток твоих ладоней влажных
Пульсирует во мне... Краду!

Тебя краду ответным взглядом. —
Застыли стрелки на часах,
И все разрушены преграды —
Миг откровения в глазах...

В который раз уже так было! —
У нас не будет ничего...

Но страсти пагубная сила
Манит дурманящим грехом...

И ты, и я, не раз — с другими,
Украдкой, наяву, во сне —
Вообразим себя нагими,
Свободными, наедине...

2

Мне от тебя не нужно ничего...
Ты просто будь — как снег, как свет, как ветер...
И сколько вместе нам отмерено шагов
На этой неразгаданной планете?

Не НАМ решать. Но только НАМ мечтать,
Загадывать безумные желанья —
Ведь иногда снисходит благодать...
Поверь, с тобой я не ищу свиданья.

Пружина времени в спиральных бытия
Моей судьбы запутывает нити...
Скажи, ты счастлив? Может быть и я
Смогу тебе не раз еще присниться?

Какая разница — во сне иль наяву?
Твой взгляд знаком до головокруженья:
Так будит ветер ласково траву,
Так тишина ласкает отраженья

Плывущих на рассвете облаков
Вдоль безупречной памяти воды.
Так рябь, так дрожь, так звон колоколов. —
И узнаванье... Ты —я... Я — это ты...
Наверное, друг друга так узнают цветы...

ЗВЕНЯЩАЯ МАЛИНОВАЯ ГРУСТЬ

В твою ладонь мне страшно заглянуть,
В твоих глазах уже прочла знаменье
И мыслей неизбежных, и мгновений.
А линию судьбы не зачеркнуть:

Начертан сердца бесконечный путь
Не нашей ли просящею рукою?
Не от того ль так часто беспокоит
Звнящая малиновая грусть,

И сладкая, и горькая чуть-чуть?
И лучше не встречаться бы нам было,
Я лучше бы тебя совсем забыла,
Так легче жить. — Поверь. Не обессудь.

А на ладони тот же символ-крестик,
И на твоей руке, и на моей:
На наших линиях сердец —
венец!

На том же сокровенном месте!

И что судьбой загадано нам вместе?
Истолкованья на какой странице?
Одновременно нам порой не спится...
Любовные малиновые сети...
Звнящая малиновая грусть...

СНЕЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

(МОЯ ДУША В ТВОЁМ КАРМАНЕ)

Рука в руке — внутри кармана,
Зима, гулянье под луной,
Звучит коварно и забавно?
Все это было не со мной...

Мы шли и не «играли в прятки»,
Ночь тишину роняла с неба,
А я, забывшая перчатки
И околдованная снегом,

С нетрезвым сердцем нараспах...
С тобою просто рядом шла —
В высоких модных сапогах,
В прозрачных тоненьких чулках.

Моя рука в твоём кармане —
В твоей руке моя рука...
Звучит как будто заклинанье,
И я оттаяла слегка...

Моя душа в твоём кармане...
О, что же приключилось с ней?
Быть может, стих мой о цыгане
Шутник небесный — чародей —

Мне наяву в ответ на вызов
«Мой сон заветный нарисуй»
Послал: и снег, и ночь, и визу
В страну судьбы, — расплел косу?!

Как сердце на волшебных санках
Вдруг по сугробам понеслось!

И голос мамы — «Мчись, Светланка,
Навстречу счастьем, горе сквозь!»

Мы шли, а ночь была невинна,
Как дружба, как слеза, как снег,
И тень стыдливым исполином
Кралась за нами, словно грех...

Твоя рука мою сжимала...
Ты поскользнулся, и не раз,
И кто-то мне порол кинжалом
Любви моей иконостас...

Рука руки не приласкала,
Но как меня любила ночь!
Так только пение в La Scala
Однажды боль прогнало прочь...

Ладонь, прижатая к ладони,
Сомкнулись пальцы чуждых рук,
И словно не было агоний,
Разлук, утрат, потерь и мук...

А вслух? — О чем-то я молчала
И обнималась с фонарем,
Я мысленно не целовала
И губ твоих... давай, соврем.

Я громко «Счастлива!» кричала,
Лишь потому, что до утра
Немецкий снег еще не таял.
Как в полнолуние ночь мудра!

И все закончилось улыбкой...
Мы распрощались на заре, —
так Брежнев обнимал Громыко
При встрече... в те-ле-ви-зо-ре.

Светлана Дион, «Спящая красавица»

Из цикла «ПОЭТ И БАЛЕТ»

ПОКЛОН

Мне так привычно голову склонять
И опускаться на колено
У алтаря, и Бога умолять,
Что жизнь казаться стала сценой...

Последний занавес... Поклон...
И зал пустой, а в костюмерной
Лежит букет живых цветов
Последний, как когда-то первый.

Когда-то первый был поклон —
На сцене первый, перед Богом,
И сбылся самый страшный сон,
И самый главный — ненароком...

Я в белой тунике припав
К паркету сцены, в жизнь играла.
Моя душа была нага,
Не роль — а участь исполняла.

Хотелось руки обменять
На крылья, став свободней птицы,
Жизнь на искусство променять —
И не избрать, а с тем родиться...

И обречённая Жизель,
Цветы роняя перед Миртой,
Невидимую отворяла дверь —
К самой себе, давно забытой...

***

Звучала музыка во мне —
Звучала и молчала,
То наяву, то в тишине,
То в снах. И танцевала

Душа, покорная земле,
И, вторя звукам дивным,
Скользила, словно по воде,
Над непреодолимым...

Свершалось то, что не ждала, —
Судьба ступала строго,
Но рядом музыка была,
У самого порога.

Звучала музыка во мне
Из мира снов — иного,
Тоска качалась на волне —
И звуки стали словом,

И если живы до сих пор
Во мне добро и вера —
То музыка вступала в спор,
И грусть во мне робела.

И среди душных ливней зла,
Туманов одиноких,
Со мною музыка была,
И в такт рождались строки...

Быть может, музыка во мне
Спасёт остатки правды,
Подслушанной в осеннем сне —
Во сне о самом главном...

Пусть эхо слабое меня
Останется мотивом —
Мотивом снега и дождя
Над выжженной долиной...

7 марта 2001года

***

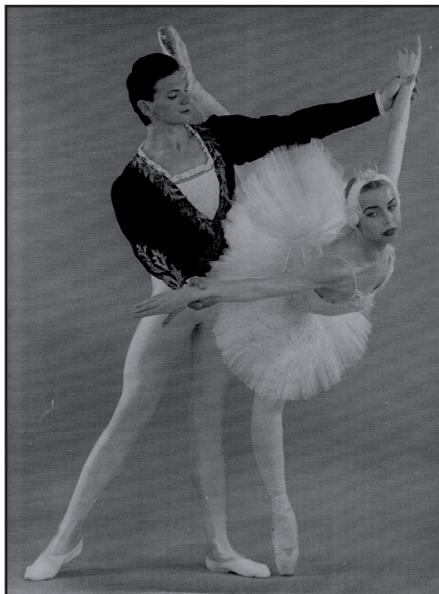
Однажды загадала я взлететь,
Давным-давно, когда мне рассказали,
Что если что-то очень захотеть,
То Дед Мороз желанье исполняет.
С тех пор прошло немало долгих лет,
А в Новый Год всё сердце замирает,
Когда, как в детстве, белый снег земле
Волшебный Дед в подарок посылает.
Я помню, как хотелось мне взлететь,
Мой первый взмах крыла — прыжок — и слёзы,
Как поняла, что участь снега — леденеть:
Растаяв от тепла, окаменеть с мороза...
Я помню, чудились неслышные шаги,
По снегу поступь, легкая походка —
Как обещали, что к порогу из пурги
Мой Дед Мороз спешит за пазухой с коробкой;
Мне снилось, в той коробке — два крыла,
Два лебединых, как у ангелов — могучих;
И Деда я Мороза всё ждала,
Когда роняли снег на землю тучи...
Я небо трогаю с вершины гор рукой...
Я знаю, от земли не оторваться,
Что полетев, лишь встретишься с землёй,
Что лучше не летать, а целоваться.
Я помню, как хотелось мне летать,
С тех пор растаял смех, застыли слёзы...

— Как среди взрослых Бога мне узнать?
— На Деда больше всех похож Мороза, —
Вчера подслушала я важный разговор,
Два малыша душой соревновались,
— Мы внуки, а не дети? Вышел спор,
И белым снегом засияла моя зависть...
Я чуть не выдала печальный им секрет —
Что тает снег... Что Деда нет Мороза,
(Но я спешила мимо — на балет,
Так много лет храня о крыльях грёзы),
Что взрослые останутся детьми,
И Бог за это многое прощает,
Что крылья опускаются плетьюми —
А руки обращаются крылами...
Но с неба заструился тихо снег,
Мне прошептав: «Ты прожила, летая,
Ты не права, что «Деда» в небе нет,
Ты не заметила, что Дед Мороз бывает»...
Я вспомнила, как я ждала пакет —
С двумя могучими и белыми крылами,
И мне открылся собственный секрет,
Моя же правда до земли простая:
Давным-давно мне Дед Мороз в ответ
Когда-то в детстве подарил балет...

***

На одной скачу я ножке
Через сцену прямо в такт —
Так легко бы по дорожке
Проскакать судьбу в антракт!
Только кто мне будет хлопать?
Кто оценит из кулис,
Если сердце будет охать,
Вызвав жизнь мою на бис?

**Андрей Журавлев и
Светлана Дион,
«Лебединое озеро»**

Светлана Дион, «Раймонда». Фото Н. Джина

Из цикла «ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО БОКАЛА»

***

О. Г.

Пусть что-нибудь получится у нас!
Быть может, жизнь совместная надолго,
Или всего лишь счастья светлый час,
Не более — в подарок нам от Бога...

Пусть будет всё иначе, чем хотим,
Пусть будет всё иначе, чем могло бы,
Пусть годы обратили в дым
И сердца заповедь, и на́ душу оковы

Набросили, как на вдову — чадру...
Невидимое марево печали...
И ластиком уже я не сотру
Все пятна в сердце. Если повстречались,

Пусть наша встреча — сколько суждено —
Продлится не во времени — во взгляде,
Пусть искренности нежное зерно
Нас породнит — навек — в святом обряде,

И где бы ни очнулись мы потом,
Вдвоём ли, порознь, — иль с другими,
Чтоб мы — за выживший росток —
Друг друга всё ж благодарили...

29 августа 2009 года

***

Одиночества белый бархат...
Грусти прозрачная шаль...
Очертанья бесцветного завтра
И манящая синяя даль.

Портрет мой на фоне пейзажа —
Краски с палитры судьбы,
Те, кто знали меня однажды,
Не узнали бы эти черты.

И, не стыдясь наготы,
Тебя попрошу бесстыже:
Туніку сорви пустоты:
Ты — не из робких, вижу!

Я предстану во всей красе,
С грудью — от боли — рваной,
С черной лентой — в седой косе,
С сердцем — от горя — пьяным...

Утраченного — не спасу,
Не жалею, не кляни за муки,
Просто мне расплети косу
И согрей ледяные руки...

29 августа 2009 года

***

О, где пристанище мое, где я сумею
К плечу родному голову склонить,
Где одиночество, подобно суховею,
Уже не властно душу иссушить?

О, где рука, что не предаст, лаская,
Что подарит и верность, и покой?
Я в мужестве отшельницы покаюсь —
Я некогда была совсем другой...
О, где душа, настолько мне родная,
Что в мир иной пойдёт за мною вслед
Одной тропой неведомого края,
На зов любви, на несказанный свет?..

28 августа 2009 года

***

Тревожно, горько и печально...
Как будто в море корабли
Плывут всё дальше от причала,
Где мы родными стать могли...

И свет, и грусть искрятся в небе,
Как труден путь к себе самой!
Где этот сокровенный берег,
Где счастье, смытое волной?

А, может, корабли вернутся,
И вместе к новым берегам
Мы уплывём, ведомы Музой,
Не по волнам, а по стихам.

Спадут железные покровы
С души, закованной в броню,
Но только ты не будь суровым,
А сны я в сердце сохраню...

22 августа 2009 года

***

Давай, мы всё начнем сначала,
Не там, где кончилась река, —
А со ступеней вдоль причала,
Где руку гладила рука,

И где уже дрожали строки
В набухшей радостью груди,
И все забытые тревоги
Дождём манили впереди.

Давай судить не будем строго
О пройденном вдвоём пути,
Что с нами сделала дорога,
И... будь, что будет, впереди...

***

Рваные облака.
Сумерки в пятнах.
На закате — тоска...
О чём? — Непонятно.

Я окно распахну,
Но цикады в осоке
Не дают тишину
Разбивать мне на слоги.

Я отдамся волне,
Поплыву к горизонту,
Ты остался во мне —
Нежность в мёдовых сотах...

Не ищи между строк
То, что тлело во взгляде,

Каждый искренний вздох
Станет строчкой в тетради...

Пусть ласкает прибой
Грудь солёною пеной,
Словно рядом с тобой,
Без слов — откровенны...

Отчего так волну
Я к груди прижимаю?
Отчего я тону,
Чуть тебя вспоминая?

Отчего мне луна
Повторяет: «родная»?
Берег. Ночь. Я одна...
Отчего? — Я не знаю...

Август 2009

ШУТОЧНОЕ

А вокруг одни Хуаны.
Нет, не то что бы болваны...
Но для них диван с экраном
В руку пиво и футбол,
Чёрный окорок на стол
Лучшей иберской свиньи —
Зажигаются огни
В затуманенных глазах!
Восемь скоро на часах:
Начинается игра.
Гол! — Но не кричат «Ура»,
А орут истошно «ТОМА»!
Хочется бежать из дома

Хоть куда-нибудь... Куда?
(Fútbol — это не беда)
От Хуанов на экране,
От Хуана на диване!
После душа еще гол:
Не успел! — Забили гол!
Обернулся полотенцем.
Что-то закололо в сердце...
Снег на улице пошел...
А кому-то хорошо...

Кто-то сказочно по снегу
Сапогами протопочет,
Где-то в опере Онегин
Заглянет Татьяне в очи...
Но Хуан небезнадежен:
Лет на двадцать я моложе.
Он признался мне в любви —
В жертве — целых раза три:
ОН безропотно страдал,
Заточенный в душный зал! —
Пели оперу на сцене...
Он ни за какие деньги...
Верди лучше по утрам!
Браво не кричал Хуан:
Только кончилась игра,
Смолкли скрипки, — он «Ура»
По-испански из горла.
А вокруг кричали «браво»...
«Тома», — раздавалось справа! —
Ликовал Хуан: «Конец,
Наконец-то! Наконец!»

Сделал даже комплимент:
«Пахнешь лучше, чем обед!» —
У любой бы сдали нервы, —

Запах, мол, de pata negra!
Лучше я вернусь к Хозе —
Нравится ему бизе!
Что ж что дверь не открывает? —
Он сказал, что точно знает,
Я имею две руки,
Глаза два и две ноги,
И пакете я — комплето!
А в Париже прошлым летом
В ресторане друг француз
Организовал конфуз.
Стул галантно отодвинул,
Приглашая меня сесть,
И сырых креветок съесть..
А Хозе ему — Детина!
Стул не этот! — Ну картина! —
Справа от меня сидишь!
Красота парижских крыш...

Думали, что вы в Европе? —
Дамы, господа, мы в... попе!

Мадрид 2010

Из цикла «ИСПАНИЯ МОЯ, ЗЕМЛЯ ЧУЖАЯ»

Из сборника «КРУЖЕВО ВРЕМЕНИ»

***

Испания! Меня ты не растила!
Но до того мне кажешься родной,
Что родина — далёкая Россия —
Уже мне стала матерью второй.

И чудится, что ты была мне кровом,
Землёй, хранившей мой земной покой,
И новые деревни здесь не новы,
И твой язык знаком душе больной.

Я прижилась — и часто забываю,
Что я — изгой поруганной земли.
Испания моя, земля чужая,
С каких времён ты у меня в крови?

***

От того ли я пригрелась
В лоне Андалузских гор,
Что хранить святую верность
Стало некому с тех пор,

Как покинула Россию —
Родина сняла венец,
Мне сказав: «На все четыре!»
И любви пришёл конец...

Я вернулась — не с повинной —
В край берёзовый, родной,
Но теперь он не родимый,
Непонятный и чужой.

Оттого ль ты заменила
Мне, Испания моя,
То, что в сердце я хранила
Много лет в чужих краях,

Что единственное — в детстве —
Уносила я с собой,
На земле меняя место,
Русскую скорбя душой.

От того ль ты мне понятна,
Словно не было другой,
Что в душе бледнеют пятна
Пред твоею красотой?

Или так же необъятна
Ты седой своей душой,
Как Россия, что распята
Вековой своей тоской?

* * *

Цветёт Испания красой земного рая,
Налившись соками оливковых ветвей,
И отчего-то здесь душа — до слёз нагая —
Становится и чище, и добрей.

Как невозможно горы здесь красивы,
И фиолетовыми* венами земля

---

* На юге Испании, есть горная местность — «Sierra morena», в переводе «Горы-брюнетки», где целые пласты почвы — необыкновенного фиолетового цвета.

Пульсирует — задумчиво, сонливо,
Божественною тайною дразня...

Плывут холмы зелёными волнами,
И синева струится с высоты,
И небо над землёю замирает
От нежности в объятьях красоты;

И небосвод любит красавицей...
И желтизной подсолнухов в ответ
Ему земля-кокетка улыбается,
И пьют оливковые рощи синий цвет...

ВЫНОС ИЗВАЯНИЙ ДЕВЫ МАРИИ И ХРИСТА В САКРАМОНТЕ*

Она качалась на плечах,
И тени на ветру дрожали,
Её несли, несли — в свечах,
Поверх толпы, над головами;
Литого серебра помост
И бархатные одеянья —
Святая Дева в полный рост,
И, как живое, изваянье.
Её несли чуть позади,
За Божьим Сыном — за распятым —
С застывшей раной на груди,
И прикасались к Её платью.
И замер, веки опустив,
Двадцатый век перед народом,
И я, себя перекрестив,
Вдохнула грудью несвободной
Надежду, что «иное» — есть,
И это шествие земное

---

* Sacramonte — Святая Гора (*пер. с испанского*).

Растопит ледяную твердь
Застывшего на сердце горя...
И начали цыгане петь,
Марию «Дивной» называя,
Мне кто-то дал свечу зажечь
И загадать велел желанье.
Толпа вдруг замерла, костры
Дрожали на ветру, как слёзы,
И боль вселенской пустоты
Мне сжала грудь... И тут берёзы
Поплыли стройной чередой
Пред взглядом памяти уставшей —
Вдоль детских троп земли родной,
Одна другой белей и краше...
И дальше понесли Христа
По улицам на пьедестале,
Белела ночь, луной чиста,
И звёзды, и сердца дрожали;
А в сердце порванная нить
В узлы молитвою сплеталась:
О, дай мне, Боже, сохранить
И милосердие, и жалость...
А барабаны били в грудь,
Сиротство в панике металось
Вослед той памяти, что в путь
Взяла с собой одну усталость.
И снова белые стволы
Поплыли вдоль родных обочин —
Вдоль исказившейся судьбы
Рассыпанных по жизни строчек...

апрель 1999 года

РАССВЕТ В ГРАНАДЕ

Усталое небо над спящей Гранадой...
Утомлённые ласками горы...
Тут, с зарёю, пресытись любовью, султаны
Грустным взглядом ласкали просторы

Обнажившихся гор из-под траура туч,
Словно контур груди в сарафанах,
И с тоскою следили, как солнечный луч
Пробуждает их лаской в тумане.

И взволнованно горы дышали,
Покорённые натиском неба,
И, наверное, к ним ревновали,
Обделённые ласками девы,

Заклочённые в стенах Альгамбры, —
Рая роз и фонтанов прохладных,
Жёны-пленницы смуглых султанов,
От наивных — до самых коварных...

Грудь лобзает Гранады седой небосвод,
И набухшие пики вершин
Окаймляют, как будто девиц хоровод,
Разомлевшие лона равнин.

А усталое небо Гранады,
Словно томный под утро султан,
Благодарные нежные взгляды
Посылает уснувшим горам...

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

1

Золотое кружево алтаря...
Скорбный лик андалузской Мадонны...
Чьи-то похороны, гроб в свечах, где-то я —
У подножия безразличной колонны;

Проповедь на чужом языке
О всесилье любви, о прощении Божьем,
Искра смысла в бессильно разжатой руке
Растворяется в чём-то знакомом и сложном;

И беспомощно, как ребёнок больной,
Зарыдаешь в душе, умоляешь ответить
Изваянье Христа, знак подать мне любой,
Что в бессмыслии — правда, что смертные дети

Время жизни несут, спотыкаясь порой,
Но каждому выдан особенный, свой,
От рождения крест — ни на грамм тяжелей
Силы сломленных тяжкою ношей костей...

2

Тень фаты на полу — здесь же свадьба была,
Чей-то близкий в гробу, и старушка-вдова
Между двух сыновей — два могучих плеча,
Над воротами кладбища — в небе свеча...

Ветер трогает кружево чёрной фаты,
Вдоль стены с именами — кипарисов стволы,
Замурованный гроб, свежий серый цемент —
Просто был человек — и его больше нет...

Просто смысл, вмещённый в твою же ладонь,
Просто в кончиках пальцев — звенящая боль,
Просто взор избегает заросших могил,
И временем стёртых имён тех, кто жил...

3

Складки прозрачные белой фаты,
Чёрное кружево шали вдовы,
Белые розы в чёрной косе,
Белые розы венка на кресте,

Аист на крыше собора в гнезде,
Чёрного ворона крик в темноте...
И радость равняется чьей-то беде,
Когда тебя нет — и ты просто нигде...
И так уже было однажды во сне...

Из цикла «ДОЗВОЛЕНО ЛИ
НЕБОЖИТЕЛЯМ МОЛИТЬСЯ?»

***

Я на секунду попрошу
Нам недозволенное право.
За всех скорбящих я впишу
Их имена любви и имя мамы.
Прочту запретную молитву —
Прочту, пока не слышат здесь.
Я попрошу с небес открытку
Вслух от умерших мне прочесть.
И попрошу мгновенной встречи —
Их к нам на землю отпустить,
Чтоб только их обнять за плечи
И на секунду воскресить.
И я тогда.. Тогда я... Что же?..
Я их тогда не отпущу
Я их — что всех родней, дороже —
В любви запрячу. Уташу
На край земли, на край творенья...
Я ниц пред небом упаду
И попрошу продлить мгновенье —
Секунды в час! Нет, превращенья
Секунды в день. Потом прощенья.
Отмены в небо возвращенья...
Молить, пока мне хватит сил,
Чтоб Бог их гибель отменил!
За миг один молиться буду.
За миг невиданного чуда.
Но, воплотись мои мечты,
Всевышний! Понимаешь Ты:
Не я одна с таким же рвением
Молю о чуде воскресенья,

Тот миг захочется продлить...
Зачем же мне себя дразнить
Мечтой о мимолётной встрече?
Свидание — один бы вечер —
С ушедшими уже навек!
А, может, просто человек
В отличие от душ свободных,
И не заметит, как на миг,
Его молитвой возвращённый,
К нему возлюбленный приник!
И потому прошу смиренно
Простого, как обыкновенно.
Пусть кто-то снова мне напишет
Уже знакомые стихи,
А мне покажется, что слышу
Прощальный взмах родной руки.
Пусть кто-то в маске незнакомца
Прочтёт знакомые слова,
Одно на всех на небе солнце,
А я услышу луч: «Жива».
И если я молить устану,
И опечалится душа,
«Тебя люблю», —
Прошепчет мама,
А он — «Ты так же хороша!».

***

Дозволено ли небожителям молиться?
Молиться за любимых на земле,
Или они нам только могут сниться —
Нас посещать от ангелов втайне?
Позволено ли им в прозрачных далях
Просить за нас, как молим мы о них,
Предупреждать о бедах и печалях

Во сне своих покинутых живых?
Им наши судьбы обзримы, словно реки,
И с высоты смертельной ложный шаг,
Что сделали мы — люди-человеки —
Пунктир бессмысленный и тонущий в закат.
И если им видны шаги иные,
Их преломлённый смертью взор
Узрит орла в седом мужчине,
Что небо трогает крылом.
А среди нас он дирижёр...
Звенит упавшая монета
К стопам бродяги на земле,
И эхом в небесах комета
След света чертит в темноте...
И незаконченные тропы,
И погребённые мечты
Видны, как атлас на ладони,
Как карта в рамке пустоты.
Но нет, до нас не докричаться...
Немые граждане небес,
Вам остаётся лишь молиться,
Чтоб в людях Человек воскрес.
Когда-то смертные земляне,
Любимые, отцы, сыны,
Теперь ваш взор не затуманен,
Слепые тоже видят сны.
Дозволено ли мёртвым сниться —
К нам возвращаться с того света?
Я знаю... им дано проститься
Во сне. Посмертно...

Мы молим Господа,
Чтоб души смертных спас.
О, небожители,
Как молитесь за нас?

3 сентября 2005 года

***

Диме Голянскому*

Останься строками со мной,
Хотя с тобою не знакома,
Я по небу твоей тропой
Вернусь к воротам родного дома,

Мне кажется, тебя узнаю
По взмаху легкого крыла:
Когда-то нам родная стая
Одною участью была...

Не потому ли эти строки,
Твоё молчание и слог
Нанесены татуировкой
На сердце, сжавшемся в комок?..

4 ноября 2007 года

---

* Посвящается Диме Голянскому (1972-2006), моему любимому поэту на Литсовете... Страница Димы на сайте МАГИ (Международной ассоциации Граждан искусства) <http://maginet2006.narod.ru/dimagolianski.html>

УГАСШИЕ, С ВОЛШЕБНЫМИ ГЛАЗАМИ

Моим усопшим

Незабвенные мои, мои ушедшие,
До нашей встречи лет всё остаётся меньше,
Но грусть по-прежнему сжимает плечи,
И я молюсь за вас и ставлю свечи...

Вы далеко... Из безвозвратной дали
Я вас зову, о, призраки печали,
В себе зову, вы болью сердца стали,
Мои угасшие, с волшебными глазами...
С волшебными —
Из-под холодных век,
Из-под земли, из синевы небесной
Мне брезжит ваших глаз потухших свет —
По воле памяти вы наяву воскресли;

О, как мне нужен ваш незримый мир —
В груди, вдали! В надежде или в страхе,
Из жалости к живым, пусть сотворил
Мир душ безумец, на простой бумаге,*

Оставив адрес — наших мёртвых дом,
Светлее, милостивей, чем сырая почва, —
Пристанище в итоге всем — потом,
Где все, кто жили, ждут живых бессрочно...
Но срочно —
Жадно жить всё тяжелей,
Труднее верить в мир иной, небесный,
Трудней терять любимых и друзей,
И называть любовь извечной песней...

15 февраля 2000 года

---

* Имеется в виду Библия.

***

Где же вы теперь, мои земляне?
Можно ли вам помнить обо мне?
Ваши тени чертят в океане
Карту судеб на песчаном дне...

Донесётся ль вздохов моих эхо
Там до вас, бесценные мои,
Слышатся ли вам обрывки смеха
Сына моего? Иль мир молчит

Навсегда для вашего сознания?
Или, может, музыка небес
Заглушает смертные стенанья,
И она чудесней всех чудес?

Может, вам уже открыта тайна,
Что печаль не вечна, как и жизнь,
И что неминуемо свиданье —
Наше с вами — а тогда «Аминь!»

Небеса даруют обещанье
Мне во сне, и снится неба синь...
И бессильны время, расстоянья...
Где же вы, усопшие мои?

ПОЭМА ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

(Обрывки стихов с посвящениями
со сбоями ритма и рифмы)

1. *Ирине, матери моей, посвящается...*

Последняя ночь —
Мать и дочь.
Закричать бы...
Но не кричится.
Упасть бы.
Но некуда.
Остановить бы
Дождь
За окном.
Ночь
Уговорить бы сжалиться...

Имя Матери Божьей
У медсестры на халате —
Мария склонилась над
Моей матерью...
В палате
Мария в белом,
С глазами усталыми,
Отводит взгляд.
Сколько недель подряд?
Я рядом с мамой —
Тающей, причащённой,
Холодеющей.
Освобождённой.
Тусклый больничный свет.
Мама, сколько нам вместе лет?
Тишина не дышит...
Встретим ли вместе рассвет?
Памплонские спящие крыши...

Стынущая рука в моей...
Родная самая.
Рука мамы.

Капли за окном — змейками вниз,
Становлюсь одной из них.
Тороплюсь, сбиваю соседку,
Вместе быстрее скользим,
Примкнули другие,
Ещё две, три, четыре...
Катимся, как дети с горки,
Увлекая такие же прозрачные
За собой...
Восторг.
Стоп.
В сугроб.
О лёд лоб.
Гроб?!
Коченеют руки...
Рама внизу. Обрыв.
Там не властны муки...
Скрип кровати.
Последняя капля воли.
Сброшена чешуя боли.
Отмена переливания крови...
Капельница.
Прозрачный пакет
С чудо-средством
От рака.
Вот он. — Но уже поздно.
И наложен запрет на слёзы.
«Мама,
В телефон плакал
Минуту назад
Тот, кто любил тебя
Много лет подряд...
Не узнал мой голос.

Передал «Прощай»
В трубку...
Слышишь, мама,
Дай руку,
Согрею,
Мы попросту не успели.
Мой младенец тоже тебя спасал:
Делили моё молоко на двоих.
Но тщетно. Пирога — причал.
Ветер стих...
Бред ли всё, мама?
Этот стон и крик
Живого скелета
С твоими глазами
Небесного цвета,
Летнего неба...
Расцветет сирень,
Придёт день
Букет не тебе
Дарить, а... могиле?
Болезнь или рок?
Нас Ангелы позабыли?
Где сила любви?
Лава бессилья.
Капель из иглы в вену...
Кто-то бесшумно
Пройдёт сквозь стену,
Я знаю, мама... Вот-вот...
Я дважды уже проиграла битву
За тебя, за твою сестру! Что —
Читала не те молитвы?
Я знаю, я тоже умру,
Так все, но не все — так.
За что, мои девочки,
Вам агония,
Сгорание, рак...
У меня на руках...

Шепчу:
«Отпущу — прощу — прости.
Последняя попытка.
Мама, возьми с собою
Улыбку
Моего сына.
Детский смех внука
Пусть излечит раны,
Что не лечит вечность
В краю Нирваны...»

Голос тишины многоликой:
«Я узнаю Вас по цвету улыбки, —
Из-под закрытых
Пергаментных век, —
Так борются далеко
Не за всех
Матерей,
Дочурка, поверь...
Не столько всем суждено
Потереть.
И перед миром теней
Не бывает любви сильнее,
Будь уверена в ней —
В дочерней любви твоей...
Отпусти — дай уйти...»

Объятие.
Знаю: последнее.
Навсегда.
Руки матери —
Бессильные лоскуты
Сочатся любовью,
Замыкаются кругом
У меня на спине,
Сиделка им помогает,
Словно кукольник...

И что-то распорото
В ребѣнке — во мне,
Склонѣнной над матерью, —
Вдали от жизни,
В чужой стране,
С дождливой ночью
Наедине...
Все медленней бѣется сердце —
Наше — моѣ и мамы.
И капли гибнут,
Достигнув рамы,
И новые — вниз повтором...
Сиделка
Не ушла после смены:
«Тебе впервые, а мне не ново.
Останусь. По эту сторону
Кровати.
Я знаю, как это — терять мать.
ЛЕГЧЕ САМОЙ УМИРАТЬ.

В палате —
Я, Мария и Мать.
Исчезает эхом
Щепотка минут...
Там свои уже ждут...
Но зов младенца, —
И ток материнства
В пружинах сердца,
Но лишь моего.
Ледяная ладонь мамы.
Общий ров. Яма.
И вспышка —
Открылись очи:
«Будь сильной,
Дай слово, доча,
Вырасти сына...
Всѣ хорошо.
Я жила не зря:
Ты светлая-светлая у меня...»

2. Моему сыну...

«Виноградная гроздь — лоза»,
Рага — Парра,
На щечке — родинкою слеза...
Рукою милости или кармы?

Смысл имени сокровенный
Разгадан душой.
Мой единственный и мой первый
Рождён на земле чужой...
Совпадений блики.
Мой сын Энрике,
Вдвоём с тобой я шла
(Нет — втроём с судьбой)
Босиком по осколкам стекла,
Я тебя на руках несла
В то хмурое утро,
Когда выдавали урну
С именем мамы...
Выбирала футляр (не яму),
Вас двоих прижимая к груди,
На плечах — вместо шали — тучи...
В тот день я стала могучей.
Или это ты — из завтра —
Шёл впереди,
А за тобою ребенком — я?
Спасенья карта...
Спирали пути...
Молитва отчаянья —
«Мама, прости...»

Энрике «Лозá»,
В ту ночь в вещем сне
Рыдала гроза. В пустынной стране,
Ты мечом рубил скалы,
Пролагая нам путь.
За тобой я едва попевала,

(Тенью за нами Грусть),
Из глаз — капли дождя.
Я опиралась на два локтя,
Кто справа — и слева?
Ангелы Хранители —
Мои небожители? —
Рассмотреть не посмела...
С того дня — за тобой
По тонкому льду,
Не касаясь земли,
Над бедой,
Над студёной водой,
Цепляясь за наше небо...
В то памплонское утро
Младенцем ты не был,
Знаю,
То крылья твои,
Мой ангел,
Шумели над нами,
Когда наше горе
Волною цунами
Покрыло землю
У нас под ногами...
Энрике,
Ты ещё не умел ходить,
И мы вместе учились жить —
Шаг за шагом.
Рассвет за рассветом.
Ночь за ночью.
Ответ за ответом.
Вместе, даже когда мы врозь,
О, моя Виноградная Гроздь!

3. *Посвящено Н. Д.*

Времени Горсть.
В горле Гвоздь.
И между капель
В больничных окнах
ПисАл мне кто-то
Строки и ноты,
Родные стихи...
Скажи, мой друг,
Ты в тот миг был рядом?
Ты, кто при жизни
Звался Нодаром,
Ускользнул из снов?
Обрывки твоих стихов,
Забытые много лет, —
О любви, о нас,
И в тот жуткий час
Твой ответ:
«Смерти нет».
Лишь синь...

И струящаяся
Световая мысль,
Словно ток:
У каждого цвет
Невидимый
И обет
Исполнить долг.
Мужайся.
Придёт рассвет,
Твой первый,
А мамы навеки нет.
Вынут иглу из вены —
Знаменье конца...
Чуть изменённый оттенок

Души и лица...
Но будет и свет..
Ещё — твой секрет —
Строчки гонца
В каплях дождя
В ту ночь для тебя
Пролитые свыше.
Исповедь сердца тише и тише,
Небо бездонное ниже и ниже,
И самое дальнее ближе и ближе...

Из цикла «ПИСЬМА НЕБОЖИТЕЛЮ»

*И пусть на голубых крылах
Начертанные мною строки
Печальный ангел в небесах
Несёт туда, где люди — боги...*

***

Помнишь, мы уже с тобой встречались?
Помнишь, что мы встретимся потом —
У подножия забвения печали?
Мы по радуге над бездною пройдем...

***

Я растворюсь, как дождь в озёрной глади,*
В тебе, оставшемся в моей груди,
Во имя нас и будущего ради,
Во имя жизней, ждущих впереди...

И ты мой облик в траурной вуали
Ни в зеркале, ни в небе не ищи,
Ни среди живых, ни в снах моей печали,
А лишь в объятьях собственной души.

Я напишу в невидимой тетради
О таинстве моей с тобой любви,
Отныне отражусь в твоём я взгляде.
Ты чаще мне в глаза с небес смотри...

---

* С обложки романа автора « Попрошайка любви ».

КЛОЧОК СОЛНЦА

Триптих

1. ПОСМЕРТНОЕ

Нодару Джину посвящается

Пепел твой над солёной водой...
Твой прах над волной океана
Унёс с собою апрельский ветер...

У тех, кто любил тебя, свежая рана —
Нет тебя больше на этом свете.
Ветер тебя унёс над водою,
Над океаном пролитых слёз,
Как завещал, ты простился с землёю,
Стал светом одной из звёзд.
Как долго мне на груди земли
Закаты считая, дожди и дни,
Ждать встречи с тобой в голубой дали,
Где нет сожалений и нет зари?
И сколько раз тебя вспоминать,
Шептать тебе днём, по ночам не спать?
Пока не встретимся мы опять,
Я буду жить, и я буду ждать...
Но впервые мне стало страшно,
Что умрём, а потом — ничего,
Что встречи ждать буду напрасно,
Как прощения твоего.
Развеяли пепел твой над водой...
И нету слов, и не будет строк...
А ты не мёртвый и не живой,
Ибо, как все, умереть не мог.
Тебя ветер унёс в апреле
Вдалеке от меня над водою...
Мать и дочь твои, братья скорбели
Вместе с твоей вдовою;

Твой прах в океане вдыхали,
Играя с волнами, дельфины,
В путь последний тебя провожая,
Провожая в иные долины...

Пусть Муза склонится в трауре
Над этой моей бедою —
Нет могилы, где имя на мраморе
Заменило, что было тобою...
Я вдохну тебя полной грудью,
Полной грудью вдохну я ветер,
Да простит меня Бог и люди,
Крикну небу, что ты бессмертен...

Мадрид, 8 апреля 2002 года

2. ПРОЩАЛЬНОЕ

*«Небо, окаймлённое тишиной
шелеста листьев...»*

Н. Джин

Простись со мной, прошу тебя,
Простись со мной уже оттуда,
Где всех, ещё живых, любя,
Уже не ждут земного чуда.

Простись, как раньше, навсегда,
В последний раз, до новой встречи,
Пусть вздрогнет каждая звезда,
Пусть задрожат все вместе свечи,

Зажжённые в застывший миг,
Когда погас твой взгляд внезапно,
И лишь отчаяния крик
Тебя вернул на вздох обратно.

Приди ко мне — приди, простись,
Приди бесшумно, незаметно,
Кленовой веткою коснись
Щеки моей с дыханьем ветра,

И я пойму, узнав тебя
По шёпоту листвы зелёной,
По тишине вокруг меня,
Бездонным небом окаймлённой...

11 апреля 2002 года

3. КЛОЧОК СОЛНЦА

*«...Так никогда до дна, как горе,
Как звездопад, как водоём,
Как в небо — ствол и в землю — корни,
Так никогда не быть вдвоём,
Но сохранять смешную верность,
Куда бы не ступали мы,
Пока не втянемся в поверхность
Без высоты и глубины...»*

Н. Джин

Я тебе не за жизнь благодарна,
Я уже проживу без любви,
Оттого мне на сердце отрадно,
Что доверил мне слёзы свои,

Что за тень твоей хмурой улыбки
И за отдых уставших морщин
Я прощала тебе все ошибки —
И карала себя без причин.

И за правду тебе благодарна —
Правд — не больше, чем в мире — смертей.
«Счастье балует душу?» — Ладно, —
Только ты не дивись моей...

И за горе тебе благодарна —
Мудрость сердца, что стало сильней:
Не увидеть корням заката —
Нету жизни ветвям без корней.

И за «солнца клочок» благодарна,
Что касался замёрзших ветвей,
И за то, что листвы прохлады
Струилась до самых корней.

***

О, как тебя благодарю,
Мой друг, — живым мне снишься,
Безвременности на краю,
В овале серо-синей ниши,

В оправе облака порой...
А иногда садишься рядом
И гладишь мне ладонь рукой,
Мой мудрый житель небограда.

Как изумительно молчишь и
Читаешь исповеди строки,
Черновики вчерашних виршей
Печали завтрашней истоки.

И непонятно, кто из нас
Ещё живой, а кто проснётся
Впервые в предрассветный час
От света неземного солнца...

17 марта 2009 года

***

Сегодня снова на земле восьмое января...
Зима шестая, милый друг,
С тех пор, как я тебя
Молитвой поздравляю вслух
С рождением земным,
С тех пор, как шёпотом дождя
Ты в памяти храним,
С тех пор, как зажигаю я
С молитвою свечу
И, заглянув в твои глаза
На фото, я молчу...
С тех пор лишь письмами в стихах
С тобою говорю,
Но верю, ты на небесах
Хранишь любовь мою
Нетленную в твоих руках,
Прижав к своей груди...
Не потому ли мнится мне,
Что где-то впереди
Раздастся в полной тишине
Победоносный крик,
Призыв, прощальный звон с небес,
Родится снова миг
Из прошлого, когда исчез
Ты и во мне воскрес...

8 января 2008 года

* * *

Четвёртый день в апреле,
Седьмой по счету год...
А я ещё не верю,
Что день твой не придёт,

Из прошлого воскреснув
Нетленным и живым,
Пройтись со мной по Невскому...
Ты помнишь, пошутил,

По-детски засмеялся:
«Я просто загадал,
Чтоб Невский не кончался —
Ни-ко-гда...»

Троллейбус мимо мчался,
Вдаль — в небо — провода,
Летели искры счастья,
Мне помнится, тогда...

Где начинался Невский,
Когда-то мой родной? —
В далеком русском детстве...
Вернувшись сиротой,

Я в честь любви небесной
По Невскому пройдусь,
Пусть Невский станет песней,
Пусть светлой станет грусть...

апрель 2009

ПРЫЖОК В НЕБО

Посвящается Н. Д.

Всё просто и непоправимо...
Мне мир людей отныне
Казаться стал пустыней,
И жизнь проходит мимо,

Как поезд, уносящий прочь
Случайных спутников вокзальных,
Бродяг из залов ожидальных,
Со мною коротавших ночь.

Но нет пути и нет маршрута,
Нет станции, нет остановки,
Воспоминанья и концовки
Ведут к тебе... Лишь с парашютом

С земли туда — за облака —
Сквозь снов бесцветные осколки,
Взвыв, как умеют только волки...
Как тянется к кольцу рука!

Но кто твой адрес выдаст в небе?
Ни среди тысячи теней,
Ни среди призраков людей
Не числишься в небесном чреве...

Но сердцу брэнному видней,
И посреди небесной рощи
Тебя найду душой, на ощупь,
И припаду к душе твоей...

В ГОДОВЩИНУ ТВОЕГО БЕССМЕРТЬЯ
(ТЕБЕ, УЖЕ ВЕЧНОМУ)

В этот день с особой жалобой
В ноги рухну Господу Христу,
В этот день в ладони крепко сжатой
Плачущее сердце принесу...
Буду в этот день у Богоматери
Утешенья для души просить,
Вспоминать последнее объятие
Матери моей, благодарить
Женщину, что жизнь дала тебе.
Мой поклон низжайший Богу —
Был Он милостив к судьбе:
Врозь — одной прошли дорогой...
В годовщину твоего бессмертья
О любви я вспомню осторожно,
Разрыдаюсь, как рыдают дети,
Сына обниму с особой дрожью,
Задохнусь от горя на рассвете,
Погашу свечу тебе рукой,
 Попрошу дыханье дать мне третье,
Дабы просто числиться живой...
В годовщину нашего бессмертья
Я тебя своей рукой перекрещу —
Лба коснусь я на твоём портрете,
И поглажу робко по плечу,
И в глаза тебе надолго загляну...
И в груди услышу нашу тишину...
В годовщину твоего бессмертья...
В этот день и каждый день в году
Я с тобой, как прежде, буду вместе,
Наяву, во сне, в бреду, в аду...

4 апреля 2003 года

***

«Опустела без тебя земля...»

С каждым годом мне небо все ближе,
А березы и снег все белее,
Я тебя никогда не увижу...
Я, как прежде, тобою болею,

С каждым летом рассветы все тише,
А журчанье ручья все милее,
Я тебя никогда не услышу...
Только память по-прежнему тлеет,

С каждой осенью все холоднее,
И тоска, словно сырость, повсюду,
Сердце, руки, душа коченеют,
Я тебя никогда не забуду...

С каждой новой весной ты все тот же,
А ко мне — беспощадна природа,
Мне уже ничего не поможет:
Ни любовь не спасет, ни свобода,

С каждым новым дождливым рассветом,
Все суровее тучи над лесом,
А отсутствие синего цвета
В серый красит наш мир поднебесный,

Но в заоблачных далях пусть звезды
Осветят тебе тропы вселенной...
Снова птицы совыют себе гнезда,
На Земле опустевшей и брэнной...

24 января 2010

СОН ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Диптих

*Конкурсные стихи Светланы Дион из сборника
«Финалисты турнира русских поэтов зарубежья «ПУШКИН В
БРИТАНИИ — 2004»*

1. СОН ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

«У лукоморья дуб зелёный»,
Луна купается в волне,
Печалью смерти удручённый,
Ты по воде идёшь ко мне.

К тебе протягиваю руки,
Морская пена студит кровь,
И словно не было разлуки,
И воскресит тебя любовь...

Ты на песок ступить не смеешь...
Я падаю на землю ниц.
Ты на глазах моих седеешь,
Сменяешь сразу сотни лиц...

Волна слезу с лица смывает...
В воде твой прах был растворён...
Веленьем тайным воскресает
Из пепла тот, кто был влюблён

В другую, родственную душу
И с ней связал свою судьбу,
Но из воды ступить на сушу
Не разрешается ему.

Ему дозволено явиться
Своей возлюбленной на миг,

Ему дозволено проститься,
Но сквозь прибой не слышен крик...

«У лукоморья дуб зелёный», —
Мы вместе встретили рассвет,
Моим виденьем умудрённый,
Он тихо шелестит в ответ...

Я ствол холодный обнимаю,
Ладонью трогаю кору,
И муравей спешит, хромя,
К корням, к земле, а я ору —

Ору во сне, душой немая,
Внимая шелесту листвы...
Ты на песке следы оставил —
Следы до самой до травы...

«У лукоморья дуб зелёный»...
Он был свидетелем моим,
Моей молитвой воскрешённый,
Ты утешал меня под ним...

ДИАЛОГ ИЗ СНА

— *«Я Вас любил, любовь ещё, быть может»,*
«Меня пережила», — мне снится шёпот твой,
— Всё вечное для нас уже возможно,
Не расставались вовсе мы с тобой...

— А твой исход из нашего пространства,
Где воздух ощущается щекой,
Ворота распахнул в иные царства,
Где не стареют телом и душой...

— «Я Вас любил, любовь ещё, быть может»,
Осталась жить с тобой наедине,
Но пусть тоска по мне тебя не гложет, —
Доносится мне голос твой во сне.

— Моя душа с тобой — в своих скитаньях,
И, как нередко было на Земле,
Печалит неизбежность расставанья,
Ты таешь, растворяешься во мгле...

— Я просыпаюсь — ускользает тайна
Любви, разлуки, непролитых слёз,
Я вижу свет сквозь марево печали,
Такой же белый, как стволы берёз...

Ты там — я здесь, но мы повсюду вместе:
Со мной — умерший — продолжаешь жить,
Меня же кто-то удостоил чести
С тобой стать вечной, и не рвётся нить...

— Любовь пройдёт, останется сиянье,
И чуть светлее станет солнца луч,
А ты очнись, живи, оставь страданья!
— Ты мне не снись!
— А ты себя не мучь...

НЕБЕСНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

*«Хвала тебе за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой,
За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды —
Из света и дождя...»*

Н. Д., 1988 год

Обрывки слов твоей молитвы
Доносятся ко мне сквозь сон,
Мне голубой конверт открытый
Принёс небесный почтальон.
Он сел под утро в изголовье,
Мой сон крылом благословил:
«Пришлось прервать на полуслове —
О недозволенном просил
Твой небожитель, твой мужчина,
Я всё стихами записал,
Всё, что душа его просила
Уже родные небеса:
«О, дай мне сил в крылах могучих
Парить над брэнною землей,
Пока она жива, и тучи
Нависли над её судьбой,
О, дай мне право стать прохожим
Случайным на её пути,
На миг земной, когда не сможет
Сама беду предотвратить.
Позволь мне оказаться рядом —
Мгновение остановить,
Дай обернуться снегопадом,
Чтоб путь ей в бездну преградить.
Дай в море обернуться чайкой
И рядом по волне проплыть,

За милостыню — попрошайкой —
Дозволь ее благословить.
Позволь сказать: «Я здесь. Я близко»...
Пуускай хранит её Земля!
Позволь ей передать записку,
Что для живых лишь мёртвый я,
Позволь светить ей лунным светом,
Когда отчаяния мрак
Потушит в небе все рассветы,
Пусть золотою пылью прах
Мой обернётся, заискрится
На набегающих волнах,
Пусть песня моря ей приснится —
Проснётся, в нём меня узнав.
Пусть тот, кто поцелуй ей дарит,
Как мне уже не подарить,
Так никогда и не узнает,
Что есть серебряная нить,
Ведомая моей молитвой,
Моей любовью и душой,
И все случайности обвиты
Прозрачной кружевной каймой...
Я больше не прошу, Спаситель,
Пусть будет искренне живой...»

«Так Ангел только — твой Хранитель —
Молиться мог бы над тобой...»
Прочла на голубом конверте
На месте адреса во сне:
«Молись об Ангеле-поэте,
О белой чайке на волне...»

Отрывки из романа «Записки Ангела Хранителя»

(готовится к печати в Москве)

*«Жизнь — это не то, что происходит с человеком,
а то, ЧТО он помнит и КАК он это помнит».*

Габриель Гарсия Маркес

© 2010 Светлана Дион

АННОТАЦИЯ

Он по воле Её воображения и желанию Её духа переживает метаморфозы и перевоплощения. Мгновенно пересекает грань параллельных миров по воле Её фантазии... из-за связи между их душами после 15-летней земной любви. Он уже «оттуда» любит причудливым деревом, сгорбившимся над ручьем, Её глазами... Ей каплями и глотками льётся информация о запредельном, о чудных тайнах любви и бытия, о таинствах души и древних правдах, похороненных в сознании людей.

Они, как бокал розового вина: когда-то красное и белое вино в разных бокалах слились в единое целое. Она на конкурсе поэтов читает строки, посвящённые Ему посмертно, об этом древнем последствии любви...

*«Ты там — я здесь, но мы повсюду вместе:
Со мной — усопший — продолжаешь жить,
Меня же кто-то удостоил чести
С тобой стать вечной, и не рвётся нить...»**

Он эти строки запечатлеет на воде взглядом чайки, и кто-то на земле напишет музыку на эти стихи, услышав настойчивый мотив песни в шуме моря из серебряной раковины... Её взрослому сыну приснится однажды детский сон, и он вспомнит, как выглядел его Ангел Хранитель. В альбомах матери он найдёт Его фотографию...

«Ты сын двух отцов», — последует ответ матери на его немой вопрос...

---

* Стихи автора.

ПРОЛОГ

Он торопился, выбиваясь из сил, к заповедной кромке необозримого поля красных маков. Оно колыхалось, словно от ветра, плавными волнами, завораживая Его, и казалось морем. Он настойчиво воображал себя бабочкой с красными крылышками в черную крапинку: так Его не заметят, и Ему будет дозволено пересечь черту... Но встречный поток воздуха не пускал Его вперёд, и Он застыл на месте, несмотря на отчаянные трепетания крылышек. Тогда Он дерзко запротестовал, и Ему удалось взмыть над ветром, опираясь о плотную синеву сильным крылом орла. На краю поля маков Его ждало серебряное море, и надвигалась с горизонта высокая волна. Он смирился... «Нельзя. Меня опять к тебе не пускают. Из-за тебя. Не дозволяется затягиваться думой о тебе, так же как сигаретой при жизни. Вредно. Опять же, для тебя. Ибо моя мысль, уже не заземлённая, как прежде, течет в твою по невидимой землянам серебряной нити между нами. И тебя затягивает в мое измерение. Но это недопустимо, и мне это показали. И я ужаснулся, ибо тебе, живой, не под силу этот мощный пульс остановившегося времени: тебя может закрутить в воронку тоски, и само имя моё способно в этот миг призвать тебя стать частью запредельного. И я смирился. И тебе пока не надо знать, что каждый раз, когда ты гонишь от себя сокрушающую мысль обо мне, не даёшь ей разродиться в тебе неизбежной правдой о моей смерти, это ни кто иной, как я, сжимаю себя в кулак усилием воли и стремительно удаляюсь от тебя в провал в себе. Да, я научился здесь этому волшебству. Здесь — почти всем дано быть магами, включая и тех, кто при жизни не совершил и не распознал ни одного чуда. Да, и здесь я по-прежнему ухитряюсь убежать от себя во имя тебя. Ибо, женщина ты моя, я действительно тебя... Нет, нельзя затягиваться думой о тебе, а это неизбежно, если я не становлюсь намеренно кем-то иным. А у меня множество идей, и воображение спасает вовремя. Кем бы мне представить себя, дабы ты отдохнула от меня, пусть нить эта между нами, натянутая, словно струна вашей гитары, ослабеет... И ты сможешь заснуть, проснуться, снова жить, почти не вспоминая обо мне, или... А так хочется тебе присниться. Но и это тоже не разрешается часто. Помнишь, в первый месяц после нашей встречи я как-то написал тебе строки:

*«Если б каждая дума моя о тебе
Стать могла стихотворной строкою»?..*

Он снова увидел поле красных маков перед собой и с тревогой посмотрел вдаль — горизонт стремительно нёсся на Него. Он мгновенно увидел его уже глазами женщины за рулём автомобиля, необъятная панорама была втиснута в переднее стекло так, что неба было не видно. Его неба. Её неба. Их неба...

...Он успел вспомнить все их 15 лет встреч, пока Она, Его зеленоглазая колдунья, вслух произносила Его строки.

*«...Но пока эта книга мала и тонка,
Ведь над нею я редко сижу:
Просто жалко бумаге часы отдавать —
Те часы, что с тобой провожу...»*

Успел и насладиться ликованием, что сейчас была Она ближе и постоянно рядом. Об этом Он лишь мог мечтать при жизни. Заметил, как Она обернулась, когда у Неё вдруг мелькнула шаловливая мысль, что Он, невидимый, сидел на заднем сиденье и читал Ей стихи, пока Она летела в своем тёмно-синем «Вольво» вдоль жизни, вперёд к Нему по шоссе, набирая скорость.

«220», — прочитал Он Её невидящим взглядом на спидометре. Он шепнул во сне Её золотовласому сынишке, что Ему пора снова спрятаться в морскую раковину, и тот, проснувшись, захныкал на заднем сиденье: «Мамочка-молодаечка, остановись прямо сейчас, хочу очень водички попить...»

Она протянула малышу почти пустую пластмассовую бутылку... «Хочу еще, водички, дай другую бутылочку», — захныкал малыш через секунду...

Она с раздражением сбавила скорость и остановилась на обочине. Было горько — не успела до конца вспомнить это давно забытое стихотворение того, чьё имя Она лишь изредка позволяла себе шептать после Его смерти... Порывшись в багажнике, она нашла наконец литровую бутылку воды и протянула ее сынишке, машинально отвинтив пробку. Он, конечно же, облился, протянув полупустую бутылку маме. Извлекая запасные штаны и майку из багажника, Она пыталась заглушить в себе оборвавшуюся в памяти строку стихотворения, от которой в

глазах навернулись слезы. Женщина нервно отстегнула ремень на детском сиденье сына. Спустив мальчугана на землю и, переодев его наконец, Она перевела взгляд с его пшеничных волос на жёлтое поле подсолнухов. И удивилась, ожидая увидеть режущие глаз волны красных маков. «Ну вот, опять поедешь в мокром сиденье!»

«Ну, мамочка, ничего, не плачь», — ласково попросил малыш и потянулся губами к мокрой щеке матери. Она, оставаясь на корточках, прижала сына к себе и посмотрела на горизонт в конце летящего в небо шоссе с высоты Его взгляда. Увидела и себя с сынишкой возле машины на обочине дороги двумя одинокими точками, будто с высоты пльвших над головой облаков.

— Посмотри, мой хороший, на эти поля — они цвета солнца, потому что подсолнух всегда головку солнцу подставляет.

— А почему именно солнцу, мама? Потому что оно жёлтое, как и подсолнух?

— Да, — машинально ответила Она и посмотрела на часы. Они опаздывали, как всегда. После Его смерти всё равно всё было уже поздно, и эти Её земные вольности в обращении со временем Ей казались смешными. А ещё Она боялась прибыть куда-либо заранее хоть на минуту и ждать. И перестать торопиться. И эта пауза в Ней разрешила бы задуматься о случившемся и неизбежном — о будущем без Него. А это, как кататься на двухколёсном велосипеде. Остановишься — упадёшь. «Нет, надо не переставать крутить педали и постоянно торопиться», — напомнила Она себе с укором.

— Ну, скорей залезай в машину, ну, давай же, — строго сказала Она сынишке и дёрнула его за рукав.

— Ты же мне штаны забыла поднять, — захныкал он.

— В четыре года можно и самому это делать...

Он удалялся от них медленно. Вязкая тоска, заполнившая грудь женщины, притягивала Его к этим полям больших жёлтых цветов. Он медлил, пока Она не находила сил очнуться от воспоминания о зелёном платке с жёлтыми подсолнухами на фотографии, сделанной Им 20 лет назад в Нью-Йорке. Он метнулся в библиотеку Её дома под Мадридом. Этот снимок в рамке стоял среди других фотографий на верхней полке. А на нижней все написанные Им и Ею книги по-прежнему теснились вместе. Он засмотрелся на снимки Её с сыном и с бес-

покойством вернулся к обочине дороги возле жёлтых полей. Мальчуган уже вскарабкался в кресло и попросил «водички». Женщина вздрогнула от гудка пронёсшегося мимо грузовика: «Забыла даже дверь захлопнуть со стороны водителя, блондиночка», — услышал Он мысль молодчика за рулём...

Она двигалась, словно заторможенная, и Он дождался, пока Она сядет в машину и пристегнёт ремень... Женщина в течении километра, дожав спидометр до 130, нажала кнопку на руле — зафиксировала «круз-контролем» 120 км на спидометре. Когда машина послушно и плавно затормозила на неожиданном крутом повороте при спуске с горы, Она поблагодарила вслух сына за то, что тот уберёт их от аварии, попросив срочно остановиться.

Потом Она ещё долго и тщетно пыталась вспомнить первую строку стихотворения, так внезапно возникшего в памяти.

Он проводил их взглядом — дорога петляла лентой и вела снова в гору. Он ощутил, как распухает сердце в Её груди, и решительно прекратил думать о Ней. Нельзя — чуть не вышел казус... Он подсчитал расстояние и время — эта арифметика наложения событий была так же проста отсюда, как земная школьная арифметика. Да, Он правильно рассчитал: не разбуди Он малыша, Она, Его землянка, прочла бы строфу Его стихотворения до конца, и крутой вираж шоссе не поддался бы автомобилю после знака «80». И утонули бы они в жёлтых волнах подсолнухов. И поплыли бы вместе над морем красных цветов...

Он пообещал себе не отвлекать Её собою, особенно за рулём, — лучше во сне.

Он знал, что надо делать — этот навык перетекать во что-либо вне себя Ему нравился. Шум моря из Его земной памяти неизменно вызывал разные желанные состояния, и Он без труда прятался в них от своих капризных желаний передвигаться куда угодно между многослойными реальностями. Так и сейчас, насладившись воспоминанием о переливающейся солнечным светом волне, Он представил себя маленькой улиткой и забрался в перламутровую витую раковину. Он заморожено слушал шёпот волн. Там, на земле, в солёной воде растворился Его прах, и потому Ему особенно просто удавалось остановить себя в этой серебряной обители...

— Нажимай на четыре, — торопила в лифте сынишку женщина с зелёными глазами. Она нервно поправляла волосы и небрежно мазала губы перед зеркалом лифта.

— Извините, пришлось остановиться, не терпелось малышу, — виновато произнесла она в открывшуюся дверь. Подруга деловито подхватила мальчика на руки и понесла в салон представить его гостям.

— А вот и сынок нашей поэтессы и писательницы, — звонко произнесла она так, чтобы её слова донеслись и до опоздавшей гостьи, заспешившей в туалет. Женщина зажгла свет в коридоре и, не дойдя до туалета, остановилась возле тумбочки. Среди коробочек и свечек лежало несколько раковин. Она поднесла к уху одну из них — из серого перламутра — и заслушалась. К Ней подбежал сынишка, и Она протянула ему раковину, не вместившуюся в его ладонь.

— В морской раковине волны поют вечную песню моря, — сказала Она, — слышишь?

— Это так ушная раковина устроена, это вовсе не шум моря. Поднеси кружку к уху, и тот же эффект, — усмехнулся один их незнакомых Ей гостей подруги и обнажил зубы, покрытые металлической планкой.

«Поздно в таком возрасте прикус исправлять», — подумала Она и захлопнула дверь туалета. К Её удивлению, малыш не рвался к Ней, и Она даже успела вспомнить вторую строку бесценного стиха из своей молодости.

Сынишка ждал Её около тумбочки в коридоре — он переслушал все раковины поочередно и согласился, что «та, с завитком серебряного цвета» шумит громче... С морской раковиной мальчуган не расставался весь вечер. И когда взрослые особенно громко спорили, а итальянец с проволокой на зубах заливался смехом возле его мамы, он прикладывал раковину к уху и качался в такт «морской музыки». Подруга мамы позволила забрать раковину домой, но мама не разрешила. Побоялась, что возьмет её сынишка с собой при очередном визите к отцу на выходные и забудет там...

В лифте, безразлично разглядывая морщины вокруг глаз, женщина вдруг объявила, что будет писать новую книгу, когда вырастит сынишку, и у неё будет больше времени.

— А как она будет называться? — спросил малыш.

— «Почтальон с небес», или «Записки ангела-хранителя», — уверенно сказала мать, не удивившись этому внезапному ответу, возникшему вне Её. Так уже часто бывало, особенно после бокала вина. И стихи, и проза изливались из Неё водопадом, а Она еле успевала записывать... Она утешила себя Его словами:

«Мне повезло, я на 20 лет старше, и мне не положено судьбой тебя увидеть старой...»

«Ни мне — тебя», — сказала Она Ему в себе.

Бывали у Неё и мгновения провалов — внезапно на короткий миг Она вообще ни во что не верила. Кроме того, что Он Её слышит. А это неизменно возвращало и осознание невидимого мира, чьи очертания то таяли, то маячили в воображении. Они, к счастью, приобретали почти видимые контуры в Её душе ещё и тогда, когда Она заслушивалась музыкой или любовалась природой вместе с сыном. Любовалась болезненно, ибо уже смотрела на всё прекрасное и земное глазами Его печали, как на уже недозволенное, утраченное. Так ностальгически до Его смерти Она не ощущала мир, хотя говорить с Ним внутри себя во время разлук вошло в привычку. Он Ей не раз признавался в том же. Иногда Ей казалось, что из-за их любви Она способна дать Ему видеть всё земное Её глазами. И уверовала в эту способность, как в необходимость. Иначе было невыносимо смотреть на величественные сосны на склоне гор — на сосны, которыми Он уже не мог любоваться. Почему именно на сосны или на ивы над водой было смотреть труднее всего, Она не знала. После Его смерти видеть их зелёное обличье стало необъяснимо нестерпимым...

Выбравшись из раковины, разнеженный и умиротворенный, Он донёс себя до белесого камня возле скалы, уходящей в море, и задумался: «Нет, лучше, чтобы роман назывался «Дневник ангела-хранителя», а следующий Её сборник земных стихов — «Почтальон с небес».

Он увидел себя над Её старинным секретером: перед Его портретом горела свеча. Его женщина сидела за компьютером и перепечатывала стихотворение с листа. Изредка Она поднимала глаза на свечу, и Он читал одну и ту же Её мысль: «Восьмое января — вместе день и месяц составляют число 9 — эзотерическое

число. Но что я читала именно об этом, что же значит, когда сумма числа дня и месяца рождения человека делится на 9?»

«У Неё сегодня мой день рожденья, потому и свеча...» Он стал следить за экраном компьютера Её глазами. Она не удивилась волне холода, побежавшей по телу. Поёжилась и добавила тепла на счётчике кондиционера-обогревателя. Пальцы Её похолодели, и Она застегнула свитер. И уже залпом, не отрываясь, допечатала стихотворение. Потом встала и погладила Его портрет: «Спасибо за подарок — за стихотворение. С днём рождения тебя!».

Она отважилась долго смотреть на Его портрет. В Его глаза. Он смотрел на Неё и тоже затянулся этим взглядом. Ей показалось, что портрет ожил, и Она перекрестила его и пошла в комнату сына. Погладила его лоб и легла рядом, взяв его за ручку... Женщина заснула, уткнувшись в тёплую ладошку сына.

*«Обрывки слов твоей молитвы
Доносятся к мне сквозь сон,
Мне голубой конверт открытый
Принёс небесный почтальон.
Он сел под утро в изголовье,
Мой сон крылом благословил:
«Пришлось прервать на полуслове —
О недозволенном просил
Твой небожитель,
Твой мужчина,
Я всё стихами записал,
Всё, что душа его просила
Уже родные небеса:
«О, дай мне сил
В крылах могучих
Парить над брэнною землёй ...
Пока она жива, и тучи
Нависли над её судьбой...»*

*...«Так Ангел только —
Твой Хранитель —
Молиться мог бы над тобой...»
Прочла на голубом конверте*

*На месте адреса во сне:
«Молись об Ангеле-поэте,
О белой чайке на волне...»*

Он почувствовал усталость и тягу раствориться в фиолетовой тени вокруг дерева с пышной кроной того же ядовитого цвета. Но, сделав усилие, Он направился над морем по направлению к своему излюбленному месту — принадлежавшему только Ему острову белых скал. Этот Его заповедный остров всегда оставался неизменным посреди безграничного мира перетекающих один в другой миражей и ждал Его, стоило только пожелать. О, как Он ликовал, увидев его впервые, потерянный среди этих безлюдных просторов неопишуемой красоты! О, как Он обрадовался этому уцелевшему вместе с Ним миражу из жизни: этот остров белых скал посреди лазурной глади воды ожидал Его так давно! Он возвращался к нему — своей обители, где Он мог успокоиться, вообразив себя одинокой горделивой сосной над недвижимой водой, хранящей все Его человеческие тайны...

Глава 1. ЖЕНЩИНА-КУВШИН

...Частенько Его затягивало и на оранжевый полуостров. Но Ему было неинтересно оставаться среди себе подобных — оранжевых скал с абрисами людей-гигантов. Такими себя воображали бывшие земляне с воспалённым чувством собственного достоинства. Возвышаясь над зеркальной поверхностью воды на своих глыбах-пьедесталах, они любовались отражением собственной грандиозности. Некоторые из человеко-скал изредка отрывали свой взгляд от отражения в воде и смотрели вверх, дабы насладиться близостью небесного купола над головой: их исполинские размеры и впрямь позволяли им упираться головами в небосвод, как и легендарным атлантам. Но их многотонная гордыня в этом вакууме остановившегося времени делала их не мобильными — им только изредка удавалось волей духа сжать себя во что-либо более иллюзорное, и потому их перемещение в мирах ирреальности затруднялось беспредельно. Он не раз убеждался, что даже повернуть голову и полюбоваться величием соседа им стоило сил. Еще труднее было найти себе ме-

сто среди подобных группировок этих удивительно красивых каменных исполинов — они плотно примыкали друг к другу, и побродить между ними стоило немалого труда. Но едва растворив себя воображением до плотности тени, Ему с лёгкостью удавалось скользить между оранжевыми силуэтами человеко-скал. Он несколько раз уже оставался с ними, наливаясь леденящей лавой гордыни, но освободиться от магнетических оков гигантского отражения в воде становилось с каждым разом всё труднее. Он подолгу пытался вообразить себя птицей или стрекозой, но собственное отражение в воде завораживало, и Он терял желание к движению и метаморфозам. Так и на этот раз, почувствовав, что вырастает в валун-пьедестал, Он принялся воображать себя свободной чайкой, качающейся на волнах. Обессилев, Он перевёл взгляд на синеву над головой и возжелал стать облаком из всех сил. Не вышло: стал задыхаться в себе самом — каменной глыбе, не интересной ни одной душе. И тогда Он взмолился, как ребёнок. До этого молиться, как прежде бывало в подобные минуты слабости на земле, Ему не пришло бы и в голову.

«Дозволено ли небожителям молиться?» — ворвалась к Нему порывом ветра спасительная мысль. «Молиться за любимых, оставшихся на земле, — продолжала шептать ему чарующая голубая вода голосом Его женщины, — или они нам могут только сниться украдкой, от ангелов в тайне...» Эти слова потекли живой силой по Его каменной неподвижности, и Ему снова удалось раствориться в податливую Его воле собственную тень...

Удаляясь от острова оранжевых скал, Он с облегчением вспомнил о белокаменном острове, который Он облюбовал для размышлений и покоя. Он остановил свою тень на камне над водой, уютно вместили себя в образ одинокой и гордой сосны, и предался раздумью. Стихотворные строки Его поэтессы на земле освободили Его из оков человека-скалы и перенесли на Его любимый утёс, дали возможность превратиться в сосну, и всё произошло тотчас же после молитвы. Он подумал о Ней осторожно и понял, что Она спала — а Он Ей снился... Он увидел Её сон — скалу над водой, залитую солнцем, — таким видела Его Она всегда: возвышавшимся над людьми и над бытием, вне

времени, больше жизни, неистребимым. Он запутался в своих мыслях: кто из них двоих начинал менять их обоих? Он Ей снился скалой и потому в неё превращался по воле неведомых даже небожителям законов? Или это Ей приснилось, что Он попал в беду, и Она Его освободила во сне своими строками стихов, подсказав молиться?.. Или одно перетекало в другое, и причина становилась следствием, подобно скале и сосне?

Он изо всех сил пожелал найти ответ и склонился с утёса заглянуть в воду — Ему нравилось это Его обличье вечнозелёного дерева. Кипарисом было оставаться труднее — нельзя было лентяйничать, приходилось размышлять. А Он устал и скитаться, и искать ответы, и задавать новые вопросы. А ни о чём не думать удавалось лишь в ракушках — и то только наглухо закрытых, с плотно сомкнутыми створками. Иначе Он мог бы не заметить и снова Ей начать сниться, едва затосковав по Ней. Или еще хуже: если просочится Её земная реальность в Его спиральный мир, и Она не будет пребывать во сне в тот скрестившийся миг двух параллельных измерений, Её неизбежно начнёт затягивать в Его неземную древнюю печаль, накопившуюся за все Его заточения во плоти, а это нельзя... Ведь Его последняя жизнь окончилась внезапно именно по этой причине: Он вдруг на миг вспомнил сразу все расставания...

Она очнулась среди ночи от сердцебиения. Пока включался компьютер, женщина лихорадочно искала авторучку — не забыть бы приснившиеся строки... Погладив сына по влажным волосам, Она приоткрыла окно и закрыла глаза: не хотелось расставаться с последним кадром из сна. Белые скалы над неподвижной водой... Она полётом птицы приближается к острову с одинокой сосной на утёсе и продолжает путь над лазурной водой, почти задевая её поверхность, к стройным кипарисам вдаль — к голубому заливу с мостом из мраморных скал... Тот самый арочный мост, ведущий к Её несбывшейся заветной мечте...

Малыш закашлялся во сне, и Она торопливо закрыла окно...

Он с облегчением покидал кипарис, и, захлопывая уютные створки фиолетовой раковины, радостно повторял заключительные строки Её стиха, начало которого Он услышал, задыхаясь в оранжевой скале-великане:

*«Дозволено ли мёртвым сниться —
К нам возвращаться с того света?
Я знаю... им дано проститься
Во сне. Посмертно...
Мы молим Господа,
Чтоб души смертных спас.
О, небожители,
Как молитесь за нас?»*

Свою молитву о ней Он прочитал трижды:

«Не забывай меня, женщина ты моя, да не потухнет свет твоих глаз от утрат, да останется твоя земная красота нетленной в строках твоих, да не иссякнет в душе твоей лучезарный ток...»

Она подошла к зеркалу и рывком сняла через голову пижаму. Ей нестерпимо захотелось увидеть свое обнажённое тело. Она нащупала выключатель на стене ванны и, борясь с охватившей Её волной вожделения, прикрыла дверь. Вид собственного тела, прикосновения ладоней к налившимся грудям с отвердевшими сосками, заставили Её прислониться к стене и медленно сползти на пол. Её обуяло желание такой силы, что губы Её задрожали, и Она с силой раздвинула себе ноги руками, словно в желании овладеть самой собой... Подобное исступление плоти Ей переживать не приходилось... Очнувшись, Она прижала руки к груди. Сердце так бешено колотилось, что Она трудом поднялась с холодного пола и упала на диван в гостиной, не дойдя до кровати. Слезы безудержно лились из глаз... Она отдалась конвульсиям — безмолвные рыдания сотрясали Её несколько минут. Потом наступило ликование, и Её разобрал смех: «Истерика — реакция плоти на разрядку. У меня давно не было мужчины...»

Он ругал себя, заползая под небольшой камешек в мелком заливе: «Ей нельзя видеть моих снов! Идиот! Ишь, загляделся на мраморную красотку без головы и рук, видите ли! И зачем её изваяли эти греки! И понаставили же здесь двойников этих земных шедевров мне на горе! И забыл, нельзя с Ней сравнивать! Ей же мои сны снятся! Кто так пошутил и придумал эту телепатию между небожителями и землянами! Как же научить-ся мне управлять собственной мыслью — ведь плоти не под силу оргазмы души!»

«О, Создатель!», — Он со злобой обрушил проклятия на соблазнительный женский торс возле дерева с ядовито фиолетовой листвой... Наконец, Ему удалось переплавить женский торс в кувшин, удлинённой и такой же пленительной формы... «Как ребёнок здесь, понимаете ли, — бормотал Он, выбираясь из недр кувшина, куда попал неожиданно для себя, — всему учиться надо заново, как в детстве: кто же знал, что горлышко сосуда напоминает этот сокровенный вход в женское таинство... Задохнуться ж так можно от избытка ощущений: теперь понятно, откуда сказочки эти про джиннов, запертых в лампах и кувшинах... Наделали здесь земных реплик — музей на лоне природы придумали! Ладно, эта музыка из моря, от которой только и думаешь, что о любви, так ещё нагота плотская в мраморе на искушение повсюду подстерегает! Где же здесь учебники, или книги какие, или хоть инструкции для начинающих небожителей — как со всем этим обращаться, начиная с собственной неуправляемой сути?!» Он тщетно себя отвлекал занятой мыслью о том, что трупы землян своим цветом напоминают именно этот серо-холодный мрамор, но в обнажённых покойниках это отталкивающе, а в нагих статуях — обворожительно... Кувшин снова начал округляться под удлинённым горлышком, и Он с досадой перевёл взгляд на разноцветную рыбину, застывшую над травой справа от него, дабы не видеть краем глаза, как в расширенной части сосуда стали образовываться ягодички настолько аппетитные, что Он всё же повернул его к себе, дабы полюбоваться безупречными грудями на оборотной стороне... Он взмолился о пощаде, когда мраморные руки «кувшина» обвили вокруг Его сути, и Он увидел в своих объятиях Её, жадно втолкнувшую Его плоть в свою... Он ликовал, Он сжимал Её груди в ладонях, Он впивался в Её губы... Он смел ласкать Её, как на земле... Он обрел плоть — Он был живым!..

Дребезжащий звук пронизал голубой залив... Он поплыл над травой, торопливо втиснув себя в образ той рыбины, подальше от статуи великолепной Афродиты и фиолетовой тени у подножия дерева на траве...

— Подделка, копия! — возмутился Он.

— Нет, я оригинал, — услышал Он её усмешку вслед, — а на земле меня воспроизводили по памяти...

То, что обезглавленная статуя посылала Ему свои мысли в ответ на Его собственные, было самым не удивительным из всего, происходящего вокруг...

...Будильник дребезжал, но Она медлила будить сына в школу... Мальчишка споткнулся о мамину пижаму на полу в ванне и спросил: «Мама, кто же её скинул на пол?»

«Сама упала», — соврала Она себе и сынишке и заверила себя, что ночной экстаз Ей приснился...

На тумбочке с обложки Её романа на Неё смотрела обезглавленная женская статуя с дивными изгибами...

...На белоскальном острове одинокая сосна подумала: «Мы снимся друг другу — вот как всё просто задумано. И потому я с плотью внезапно воюю собственной, а Она — стихи залпом пишет... Я переживаю то, что видит Она во сне. А Ей снится то, что вижу я наяву здесь. А иногда нам снится одно и то же, и тогда возникает явь...»

А Её земные сны Он научился отличать от своих посмертных без труда: в них не было ни цветных теней, ни фиолетовой листвы, ни морских раковин того же цвета...

Глава 2. БЕЛОКАМЕННАЯ РАДУГА

*«Мы вновь с тобою над землей
По радуге пройдемся вместе, —
Ты, невредимый и живой,
И я, в руке сжимаемая крестик...»*

...Глаза у Неё были неземные. Он знал это ещё при жизни. В них словно отражался невидимый живым запредельный мир. Её взгляд вызывал в Нём беспокойство, — казалось, Она нередко всматривалась в недозволенную никому завораживающую реальность. Она принесла с собой из небытия с рождения правду нетленного, чего-то желанного, но недоступного для Него, чего-то, что высмеивало саму смерть и утоляло тоску по несбыточному. И Ему неистово захотелось присвоить себе Её

взгляд, отвоевать Её у этого заворожившего Её мира, перевести Её внимание на себя, и незаметно подглядеть Её тайный мир, этот неведомый источник излучения потустороннего света. Он знал в теории все таинства бытия, запретные основы Каббалы, изучил множество философских трудов, передумал о бесчисленном количестве теорий и догадок человечества. Но что-то в глазах этой незнакомки заставило Его усомниться во всём, что Он знал. Она узнала нечто, что Он не найдёт уже никогда, иначе как сделал Её своею...

Встреча с Ней и само знание о Её существовании изменит всю Его жизнь, как бы Он не сопротивлялся. И это всё уже когда-то произошло и повторялось по Его же желанию, потому что когда-то Он жил не так, как хотел, что-то не успел и не понял вовремя. Он что-то важное загадал очень давно, так давно, что само загаданное стёрлось из памяти, но Он, едва увидев Её впервые, сразу же понял, что этому заветному желанию суждено исполниться именно через Неё. Понял и тут же испугался, ибо интуиция подсказала Ему, что оба они дорого заплатят за всё обещанное. Он не успел взвесить все трагедии, которые Его сознание стремительно перечисляло, пока Он осматривал Её с головы до ног. Представив Её без разноцветного широкого свитера, беззащитной и дрожащей на ветру, и почему-то ступающей босиком по снегу в темноте в берёзовой роще, Он лишь успел опередить собственные мрачные мысли и загадал умереть первым. Он знал, что они расстанутся в далёком будущем, став настолько необходимыми друг другу, что Его главным желанием перед кончиной будет поскорее встретиться с Ней снова в любом измерении и в любой форме, даже если Он будет деревом, а Она его корнями...

Он усмехнулся, вспомнив собственные строки, написанные годом позже, после их встречи:

*«Как в небо — ствол, и в землю — корни,
Так никогда не быть вдвоем».*

От следующей строки — «но сохранять смешную верность, куда бы ни ступали мы, пока не втянемся в поверхность без высоты и глубины» — Ему стало тесно в раковине воспоминаний

и Он, представив себя ветром, посмел отважно взглянуть на эту поверхность «без высоты и глубины», усыновившую Его после расставания с Его зеленоглазой землянкой.

Это пространство вокруг Него сочилось изумрудным светом — да, именно тем самым зеленоватым родным свечением глаз Его любимой женщины. В памяти маячил Её свитер с крупными разноцветными квадратами и широкие штаны фиолетового цвета — точно такого цвета были и кроны деревьев в Его безмолвном царствии небытия. Рассматривая этот кадр памяти из Его первой встречи с Ней, Он уже не удивлялся, что Ему было дано и читать мысли других в тот момент. И Он повторял с наслаждением подслушанную Им мысль Его будущей возлюбленной: «Ну и угораздило меня сегодня одеться так несуразно! Нет, чтобы как всегда — в обтягивающие трико и короткую юбку. Наверняка Он подумает, что я бесформенная под этим балахоном!»

«Да, такие глаза у Неё неземные, — сообщил он зелёному пространству вокруг себя, — и я знал это ещё до смерти. Может, потому и полюбил Её, мою зеленоглазку, и узнал, ещё до встречи, на той модельной фотографии в квартире друга. И потому и поставил ультиматум другу: не уйду, пока не придёт. Пусть по его звонку срочно придёт. Это было тогда так важно — увидеть ту женщину на фотографии перед собой и заглянуть Ей в глаза. «Почему? — с усмешкой в растерянности спрашивал Он себя тогда, изучая Её изгибы, облаченные в ланжаре, на оборотной стороне модельной карточки. — И сдалась же мне эта незнакомая баба на фотке», — но все в Нём запротестовало против обычного выражения «баба».

Это прозвище для красивых женщин Ему неизменно помогало тут же забыть и об очередной новой беспокоящей воображение незнакомке, и о самом беспокойстве, которое неизменно поселялось в Нём в ответ на присутствие новой приманки Господней, облачённой в легко снимаемые одежды. Но в этот раз беспокойство в Нём только нарастало.

Мысль о том, что встреча с Ней не состоится, лишала его желания двигаться и вообще чего-либо желать. «Каприз пресытившегося мужика?» — раздражённо допрашивал он себя, пытаясь перебить Её взгляд на фотке воспоминанием о сладких

стонах последней бабы в Его объятиях. Он поморщился, вспомнив шёпот томной брюнетки на прощанье: «Позвонишь?» Нет, конечно же, не позвонит, — ни ей, ни всем остальным. «Я женатый — и никогда не уйду от жены, люблю её, но тебе не понять...». Обычный ответ. Его личная выстраданная правда, которой ни одна из них не была достойна... Нет, Она была не одной из них. Она была родом — оттуда. Куда Он так хотел заглянуть внутри себя. Она нужна Ему для чего-то важного в Нём самом.

Он ждал Её прихода и, стесняясь самого себя ещё больше, чем друга, допивал третий стакан коньяка.

«Только не влюбляйся», — сказал Ей друг, положив руку на дверцу холодильника. Он машинально открыл морозильник и медлил, пока из него тянуло дымчатым холодом. Она передернула плечами от холода и усмехнулась.

— Он женат, и все от Него сходят с ума, просто типаж такой — увидишь.

— Мне это не грозит. Обещаю: ничего серьёзного у нас не будет.

Она не спешила пройти в комнату, где Её ждал настойчивый незнакомец. Задержалась в коридоре перед зеркалом, окинула себя взглядом. Пожалела, что одета в широкий длинный свитер и в штаны, не облегающие ноги. После балетной репетиции, с влажными волосами после душа, она выглядела хуже обычного.

— Он там от твоей фотки приторчал. Странно: этот красавец-мужчина искушён до ужаса. Учти.

Друг захлопнул холодильник, забыв положить Ей кубики льда в стакан для спиртного.

Она молча села на диван напротив ожидавшего Её красавца-мужчины. Друг медлил на кухне, всё не мог найти подходящего фужера. «Красавец-мужчина» с глазами Мефистофеля кашлянув в кулак и сдвинувшись на самый край дивана, спросил шутиливо, что Она обычно пьёт. Она не услышала вопроса: взгляд Её, прикованный к глубокой ямке на Его невыразимо впечатляющем подбородке, осторожно скользнул к Его такой же дерзкой переносице и впился в Его глаза. В Его взгляде светилась затаённая усмешка, не то горечи, не то осознания собственной неотразимости.

Она растерялась.

Пауза была такой долгой, что Она успела прочитать всю свою мысль, застрявшую в сознании, словно ледокол во льдах. Он — этот мужчина перед ней — станет гербом Её судьбы; во имя Него Она не побоится совершить подвиги и безумства; Он обречёт Её познать любовь и заплатить за это любую цену. Ей стало спокойно: Она не уйдёт с земли, не познав невероятной любви. А главное — между ними будет нечто несравненное, — такое бывает у немногих. О такой любви слагают легенды и пишут романы. После такой любви ничто уже не утешит. Никто. «Даже если не навсегда. Даже если расстанемся навсегда. Даже если будет изменять и любить других, — торопились в Ней собственные предсказания, — даже если бросит. Даже если навсегда останусь одна. Даже если...», — Она перечислила вихрем всё, кроме «даже, если Он умрёт, и придётся жить после. Без Него»... Это в голову Ей не пришло. Он показался Ей бессмертным, Он стал Её идиолом и полубогом. Он заключал в себе мир, о котором Она не смела заикаться сама с собой. И Он смотрел на Неё не отрываясь, в изумлении. словно увидел перед собой нечто неповторимое и невозможное.

Друг подал Ей стакан амаретто и сел напротив Неё рядом с красавцем-мужчиной. Он понял, что произошло некое замыкание во времени — догадался впервые, несмотря на свои тридцать, что некоторые события заранее начертаны в ином — управляющем этим — мире и нависли неумолимой тучей над головами двух друзей его, сидящих в тот миг в его скромной комнате в центре циничного металлического Нью-Йорка. Он втайне позавидовал их обречённости. Он прочёл в их глазах готовность не останавливаться ни перед чем.

Не мешкая, друг вышел, сославшись на срочные дела.

В уже опустелом баре, на первом этаже отеля, в котором Он неизменно останавливался во время командировок в Нью-Йорк, Она снова пила амаретто. Уже было 4 утра, — а они не могли наговориться, словно встретились после разлуки, и нужно было рассказать много важного о себе перед тем, как их тела начнут разговаривать на ином языке. Перед тем, когда разговаривать не будет необходимости.

Они растягивали время. Они отдаляли миг неминуемого погружения друг в друга. Он испытывал неловкость девственности

ка перед Ней. А Она воображала себя героиней секс-фильмов о манекенщицах Парижа, дабы не показаться смущённой. Он прокручивал все варианты, как же с Ней начать первый миг сближения. А Она представляла, как Его губы прикоснутся к Её груди впервые, и готова была потерять рассудок только уже от этой одной мысли. Оба они не скрывали уже ясного обоим тайного сговора о близости и взаимном согласии потерять всякий стыд. Нет, они просто не признавались самим себе, каждый по-своему, что все прежние сексуальные опыты стёрлись в памяти при их встрече, и они впервые должны были отдаться плотскому приключению неведомой природы... И каждый вместе с тем недоумевал: всё это уже было когда-то с ними? Не потому ли так страшно — снова прыгать в ту же пропасть...

Годами позже Он с нежностью вспоминал не раз, как Она стеснялась открывать глаза, когда Он впервые, стараясь не раздавить Её своей тяжестью, шептал Ей, что хочет смотреть в Неё глубже, чем кто-либо заглядывал в другого. Она приоткрывала глаза лишь на секунду, прикрывая их не от невыносимости наслаждения, а в попытке не открыть Ему себя. Своей безоружности перед Ним. Своей покорности. Своей готовности на всё, лишь бы удержать Его в себе. Он не мог насытиться Ею всю ночь. Пресыщения не наступало. Наоборот, Он желал Её ещё больше, чем минуту ранее. Он тонул в Ней и в себе рядом с Нею.

Наутро Он пообещал себе посетить всех подруг срочно после Неё, дабы Её поскорее забыть. Никто никогда не будет иметь над ним такую власть. Ни одна самка... Он уткнулся в Её волосы и понял, что ослабел, как мальчишка. Его посетила любовь, Его, цинично отрицавшего верность и... За этим «и»... таилось неразгаданное. Единственное неразгаданное таинство бытия. В Ней, этой женщине, пропитанной Его запахом, таилась разгадка беспокоящего Его таинства неумирания, самой жизни в иной форме, чем данной всем. Их история любви будет единственной на земле — так никто ещё не любил...

«Ну и напился же я», — сказал Он себе в ванне, оглянувшись на кровать, где Она уже заснула, утомлённая его натисками. Он заснул, отвернувшись от Неё, от себя самого, с мыслями о всевидящей сове из детства.

В следующий свой приезд — через неделю — Он привез ей

фигурку совы, строгой мудрой совы с выпуклыми глазами, и поставил на Её подоконник.

«Она всегда будет знать твои мысли и твои измены мне, учти — она видит всё, даже в темноте, невидимое никому, и сообщает мне во сне. Я всегда буду знать о тебе всё — каждый вздох твой и шаг...». Он сам не понимал, что говорит правду.

Она содрогнулась, но это внимание к Её персоне говорило о многом. Она не возражала. И думала о семи конвертах — они лежали в столе, цветные конверты с присланными Им стихами — по одному на каждый день...

...Залюбовавшись изумрудным цветом пустоты вокруг Него, Он понял, в чём дело — Её глаза были с другой планеты, где Он сам никогда не рождался. Там жили, не умирая, питаясь животворным светом добра и мудрости, излучающимся от особой звезды-солнца. Там творили прекрасное и любили друг друга, не принося боли. Именно оттуда посылались на землю невидимые проводники вдохновения и прозрения — именно оттуда пришло в сознание многих людей их желание творить музыку и писать картины неземных красот... Именно оттуда лились потоки будущих стихов и мотивы песен... И там все танцевали и собирали цветы. И музыка была такой же многоголосой и наполняющей, как оргАн в соборах на земле... Именно там обитательницы в женском обличье обладали подобным взглядом, умудрённым знанием прекрасного и вечного.

Он ощутил печаль и ностальгию по этому недозволенному Ему миру. И снова, как прежде, тут же возникло перед Ним видение белокаменного арочного моста, походившего на мраморную радугу, и дарившая покой мысль, нет, уверенность, что настанет миг, и Она, Его инопланетянка с зелёным взглядом, поведёт Его за руку по другую сторону — там Его ожидал Её мир. Он ждал терпеливо, ибо миг их совместного великого перехода во вселенную избранных ещё не настал по Её земному времени, державшему Её взаперти. Но Она уже предвидела этот миг, и Он знал это из Её стихов, написанных Ею после Его смерти.

*«...Мы вновь с тобою над землёй
По радуге пройдемся вместе, —*

*Ты, невероятный и живой,
И я, в руке сжимаемая крестик...»*

Умиротворённый этим воспоминанием об их первой встрече, Он позволил себе вслушаться в Её мысли перед сном. Она записывала строки нового стиха:

«Ты и я — разводные мосты над просторами пустоты...»

Она погрузилась в сон. Ей снилось, будто Она — в длинной белой шали с разноцветными квадратами, в широких индийских штанах — шла по каменной радуге над морем с зелёными водами. Она вела за собой за руку пленника — Его крылья были связаны, на ногах были цепи, сплетённые из жёлтых роз с острыми шипами. Его рука крепко сжимала Её руку каждый раз, когда Он оступался. Она шла, уверенно ступая по обледенелой радуге. Её словно поддерживала невидимая сила, и каждый раз, когда Ей грозило быть скинутой вниз от рывка оступившегося пленника, Её словно приподнимало над поверхностью моста, и Она становилась всё невесомее и сильнее в своей уверенности, что они достигнут конца радуги. Она не смела оглянуться на идущего позади Неё. Она знала, что достигнув цели — ступив на землю по другую сторону океана пустоты — Её огромный светящийся спутник будет свободен. Спадут надетые им самим цепи, и расправятся Его могучие крылья. Ему снова будет позволено обитать во всех желанных мирах. Но Он забудет о Неё, о той, кому поручили провести Его по стольким судьбам за собой, дабы в итоге завоевать право избранных — право великого перехода в пространство необратимости, в отчизну, откуда изгнали всех позабывших главное таинство бытия. Они — Она и Он — снова вспомнят его, дойдя до конца вместе. И не будет потом ни встреч, ни расставаний, ни печали. Будет память об их шагах по радуге, сделанных вместе, воспоминание в виде зеленоватого свечения, — именно оно будет призывать других, позабывших и потерянных, проделать путь по мосту-радуге через пустоту...

Когда они достигли середины — самой верхней точки дугообразного белокаменного моста, перламутровая волна сверху бережно подхватила обоих, и они, едва касаясь скользкой поверхности, начали свой спуск по обледенелой радуге к подножию зелёного простора...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В день своего пятидесятилетия сын зеленоглазой возлюбленной нашего безымянного небожителя изрядно выпил. Слишком много виски он выпил после того, как в очередной раз с грустью листал альбом с фотографиями покойной матери. Его неизбежно влекло взглянуть в бездонные чёрные глаза самого важного мужчины в Её жизни. Так долго смотреть на фото своего небесного сторожа он отважился впервые за долгие годы. И когда навязчивая мысль о том, что мать и душехранитель его детства наконец вместе, стала невыносимой, он захлопнул альбом и налил виски не в рюмку, а уже в синий гранёный стакан. Потом ему показалось, что в груди у него лопнула пружина, и он онемел от шквала обрушившейся тишины, насыщенной чем-то знакомым и долгожданным. Он начал задышаться от этой упоительной тишины, расстегнул порывисто пуговицы на рубашке, но горло внезапно сдавило, и он беспомощно опустился в кресло матери возле письменного стола. Он лихорадочно искал ручку и бумагу в одном из ящиков с Её стихами, и, почувствовав, как пальцы его холодеют, начал записывать слова, разрывавшие мозг...

Проснулся он от боли в шее, голова его лежала на листе с каракулями, в руке была зажата авторучка. Камин давно догорел, и в комнате было холоднее обычного. Он поднял с пола упавшие очки и принялся читать написанное им на пьяную голову несколько часов накануне. Около четырёх утра, судя по дате под строками, как оказалось, стихов:

*«А мне видится — где-то, когда-то,
Между радуг спиральных широт
Мы витали, свободно крылаты,
В одеянях эфирных сирот...
И цвета распадались на звуки,
И звучали земные стихи
О любви неземной и разлуке,
И набатом звучали шаги
По каменным гРУдям Земли,
И не вяли цветы на могилах,
Отражённые в зеркале неба,*

*Пока имена любимых
Теплились в памяти верных...»*

.....

Так сын зеленоглазой женщины начал писать стихи... Годы позже он их пел, писал к ним музыку, а его неотразимая внешность и загадочная грусть во взгляде, приправленная тремя ямочками на лице, когда он улыбался, покоряли слушателей и доводили представительниц женского пола до экстаза... Три ямочки — одна на подбородке, две по бокам, на щеках. И ещё у него были удивительно чёрные и густые для блондина ресницы и еле заметное родимое пятно чуть ниже левого глаза, формой напоминавшее слезу...

Пройдёт много лет, он напишет много песен и стихов, но то, самое первое стихотворение, написанное ночью на обороте одного из рукописных листков с текстом романа его матери, будет неизбежно оставаться его самым родным и любимым. Он унесет его с собой и споеет им — Ему и Ей — при встрече. Это будет его подарок с земли в дань их любви. И там он узнает их истинные имена. А они, узнав его, тоже назовут по имени... Этим древним именам изумрудного цвета будет непостижимо много лет...

— Ты — это я. А мы — это ты, — при встрече скажет ему ирадоН, и бывшая землянка, атевС, поймет, наконец, смысл этих самых слов, сказанных няней Её месячного младенца когда-то там, на Земле. По словам той русскоговорящей няни, ей привиделся накануне черноволосый исполин, который велел передать ее хозяйке именно эти слова: «Я — это Она, а он — это мы».

*Переводы и стихи на английском,
испанском и французском языках*

DOES GOD CRY?

(авторский перевод)

Inscribed in eternal archives,
engraved in the blue horizons
there are pages of our lives
our truth diluted with lies...
initials of the fates
in letters of various sizes
follow the voyage of waves
that join into one tsunami
dissolving the sea into sky
erasing the earth — divider.
...the dictionary DIVINE
of destinies named like stars
of destines unaccomplished.
and surnames of our souls
embossed with a golden dust
shed traces of loss and loves...
all that's left from us
when we equal to our past...
and water in our seas
shines with that golden dust
and tears are made of same --
same salt dissolved with light
and I wonder: Does God cry
turning the pages divine?..
Does God CRY? CAN God cry?
IN Joy or in GRIEF like sky,
like mothers when children die,
like children when mothers die,
like lovers when lovers die,

like souls that long for the sky....
DOES God cry?
only thru us?
or when die the stars?
or when stars
stop shining inside us?
CAN GOD SMILE?
Yes... now I know why
(the grief of the loss
embossed)
HE gave us the empty sky
the tearful fragile eye
and loves that will never die
and souls that will never fly
until our names inscribe
engraved in His sacred book
add one more unfinished life
one chapter yet to rewrite
by hand of THE HOPE DIVINE...
Only born into flesh can cry
are given the wings to fly
to endlessly roam the sky
that sheds pure rain
into earthly oceans of pain
salty waters of seas
taste like our mortal tears
and our waves ever shine
with mist from THE SMILE DIVINE...*

---

* Включено в антологию Американской Библиотеки Поэзии «Forever spoken» 2008 год, 1 с.

CONFESSION TO ETERNITY

Forgive me, Time! — For I have sinned...

Eternity! I seek retreat and shelter in the sky,
Forgive me, Time, for I have sinned: Enough is not one life!
And only in the endless sky am I beloved's bride:
O! Be my witness there and sign our names, when we unite!
Not yours, my love, not even mine: belonging nowhere,
I am a forgotten empty shelf without books to share.
My heart! — By loneliness embraced: an orphan's cruel fate!
And you and I, from far away still cry for love betrayed.
We long insatiable thirst for what we lost, unfound;
Hearts burnt by love, so merciless: not vows —
by rumours bound.
And so I hope, for I can't help: Eternity is life,
And if the Earth were to divide, the sky shall us unite.
So! I confess my mortal sin, forgive me with your smile!
O! Hear my secret, lonely Time: to death I love this life!
For I confide to you alone: I cannot bear my debt
Of being endlessly reborn Eternal mortal soul.*

---

* Включено в антологию Американской Библиотеки Поэзии «Evolving Secret», 1999 год.

***

What's the colour of love?
I do not know.
If I paint it white —
Then the purest snow
Will not shine as bright,
And the moon will glow
As a silver coin...
If I paint it blue —
Then the clearest sky
Will resemble dew,
Colourless and dry;
And if love is pink —
Then the morning rose,
If compared, will stink:
No colour is close
To the hue of love,
To that magic hue —
It's a shade above
All the best in you...

УЛЫБКА ПОД ЧАДРОЙ
(Мавританская Луна)

Улыбается солнце устало,
А луна — мавританка в чадре —
Только очи свои показала
Засыпающей к ночи земле.

Смотрят горы ревниво на море,
Отдают ему солнечный жар,
И в безмолвии волн тонет
Расплывшийся огненный шар...

На улицах ходят парами,
Рука приникает к руке,
И только одна гитара
Подпеваает моей тоске,

Да кастаньеты фламенко
Вторят пульсу в моих висках,
Так тревожно бывает редко:
Вся память моя — в слезах.

И так она, бессердечная,
Рвёт кадры мои драгоценные,
Словно это наряд подвенечный,
А не счастья обрывки тленные...

А луна выше гор взошла,
В первый раз улыбнувшись в окне, —
Ночь чадру — тень судьбы — сняла
С улыбки луны при мне...

THE MOORISH MOON
(smile under a veil)
МАВРИТАНСКАЯ ЛУНА
(Улыбка под чадрой)

Tired smile of the sun saves the day;
the moon, only eyes, half-veiled,
glows teasing the sleepy earth:
night is young, day is old — all yours!
Sun's passion melts in the waves.
Hills, envious, stare at the sea
as the night's enigmatic embrace
takes the lover of each lonely tree.
My heartbeat, already an echo,
chases a rhythm of pulsating flamenco,
Never sadness so complete,
burnt like ice from my heart to feet.
And memory, all tears, shreds,
erasing without trace,
what it kept like a bridal dress,
timeless as the moon's gaze,
Untouched, like a veil's lace,
and only guitar understands
what happened this night for years
Under veil, with a smile, eyes in tears,
awaited a Moorish Moon,
praying it happens soon.
A shadow veil removed,
glows my Moorish Moon,
and shows its smiling face,
saved by this night's grace...*

---

* Включено в Антологию «Best Poems'98» (Американская Библиотека Поэзии).

***

I thank you for the rain that started late,
That ended with a silence of a promise
That I will once rewrite my own fate,
And life is not the saddest of all stories...

I thank you for the endless morning ride,
For empty road, for stopping in the middle,
For cutting sharp my loneliness and pride,
For making me remember how little

Remains unsolved, unanswered and unlived,
For making me believe, that Time, undamaged,
Erases deepest ulcers of the Grief,
For facing truth — my greatest, only challenge.

I thank you for the timing of your glance,
Coincidence of space and burning shyness,
For knowing that living only once —
Is tempting death by faith-her Royal Highness...

Стихи из романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ»

ПОСЛАНИЕ В БУДУЩЕЕ

«Когда ночью глухой в темноту канет свет,
То при блике луны ты увидишь портрет —
Он проступит из мрака сердец и времён:
Без теней и без цвета — тобой оживлён,
Ни при свете дневном, ни в мерцанье зеркал
Он не виден другим — пред тобой лишь предстал:
Ты узнаешь его, хоть черты не твои —
Это тень из веков, это призрак любви.
Той любви, что всё бродит и ищет покой,
Той любви, что всё стонет и манит рукой, —
В тех чертах незнакомых, во взгляде чужом,
Отраженье ты вспомнишь, что в мире ином
Не смогло раствориться со смертью вдвоём:
Обернулось над озером тёплым дождём —
Обречённо скитаясь, оно чрез века
Душ людских не щадя истязает сердца,
Удалиться не смеет, тебя не найдя,
И вернуться должно ещё раз сквозь тебя. —
Ещё раз возвратиться ему суждено,
Ещё раз воскресить, что свершилось давно,
Осветить и согреть, и от зла уберечь:
Добротой защитит и... в руке дрогнет меч,
Ты увидишь тот лик много раз в своём сне —
Не пугайся, дитя, — подойди при луне
Ближе к зеркалу ты: отраженья не тронь! —
И с озёрного дна свет уймёт твою боль,
Ты взглядишь в темноту и себя ей доверь —
Там начало пути, то не зеркало — дверь! —
Приглашение в путь тебе время дало —
В темноту без труда ты пройдёшь сквозь стекло:
Там Её ты увидишь, застыла в мольбе,
Успокой, усмири причитанья судьбе,—
Подари долгожданный покой и сотри

Преступления грех — искушение любви,
Поклонись ты ей низко, с колен подними,
Ту старушку, всю в белом, из лужи крови...

С. де К. 1119 год»

From the novel «The Love Beggar»

EPISTLE

«When the darkness of night
Swallows whisper of light
Then a silvery moon
Shall reveal to your sight
A forgotten mirage
Of a face that will shine
From the voids of the hearts
From the abyss of time,

Not one shade — only shimmer
Brought to life by your will:
Not a trace in the mirror,
In the daylight unseen,
But unveiled to your gaze,
Only yours, dream alike,
You will know the face,
And remember the smile,
That you knew long ago —
It's a phantom of love,
Lonely ghost of a sorrow
From the caves of the heart —
Burning, merciless quest
Of one love, lost in torment:
Searching, aching for rest,
In your soul's gloomy corner,
Empty stare in the eyes —
A familiar face —

Calm her sorrowful sigh,
Wipe the blood from the fate,
Help her up from the knees —
End the tremor of bow
And erase Sin of Sins —
A Temptation of Love...
S. de C. 1119 AD»

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Сначала я жила одним тобою,
Так долго, что казалось мне всегда.
Потом пришлось довольствоваться болью
Такой, что, чудилось, не стихнет никогда,
И вот теперь обоих больше нету, —
Вы просто вдруг исчезли без следа,
И мне осталось жить одной любовью:
Без боли, без тебя, и навсегда...

Кларина С. Январь 2001 год,
Сурада К. 1111 год

Любить? Или нет? — Не любить:
Наш выбор, увы, неизбежный.
И в каждой судьбе рвется нить,
Где замерло время в надежде...

Венера-не-Вера. Июль 2019 года

UNTITLED

At first I lived by you, and you alone,
For so long it seemed like that was always,
And then I starved on sorrow — lonely moan,
So endless that it felt like deadly poison,
And both now gone, like melted shadow:
You both vanished — not an echo, not a trace,
And all that's left without you, without sorrow
Is love alone — for heart forever to embrace...

To love or not to love? —
The choice not to escape:
One instant for each fate,
When time forgets its shape...
S. C. April, 1111, 2001*

SANS TITRE

D'abord je ne vivais que seulement par toi —
Aussi longtemps — toujours il paraissait,
Après il ne restait que le chagrin —
Aussi profond qu'il partirait jamais,
Voici les deux pour moi ne sont plus là —
D'un coup vous deux ont disparu en l'air,
Et je ne garde à moi qu'un pur amour:
Sans toi, et sans chagrin, et pour toujours...

Aimer ou ne pas aimer?
Le choix épouvantable:
On est donné
A chaque destin —
Qu'un seul instant
Ou s'arrête Le Temps
Tremblant d'Espoir...
S. C. Avril, 1111, 2001

---

* Включено в антологию Американской Библиотеки Поэзии «The Fabric Of Life»

Stichi na ispanском языке

EL MENDIGO DEL AMOR
(ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ)

Tres Canciones Tristes

I

La noche de luna llena,
La noche de alma plena,
Sale La Reina-Condesa —
La Estimada Tristeza...

Sale de sueños míos,
Y corren arroyos fríos —
Lagrimas congeladas,
Lagrimas sin dolor...

La noche de salvamento...
Mis lagrimas me despiertan
Y ultima — tan caliente —
Desde la cueva-fuente;

La Cueva del Nacimiento
De alma, mitad muerta,
La otra mitad — el poeta
De un amor, La Tormenta...

Hay fuego allí en el centro,
Y un angelito negro,
La nieve del mes de enero,
Las aguas azul-hielo;

Y un angelito blanco
Dentro de la gran barca
Me espera — espera — espera,
Años, mi vida entera;
El hielo azul y la nieve

Corren — arroyos fríos,
Corren y nacen ríos,
Los ríos de mi amor,

Y angelito blanco,
Y angelito negro
Se pierden en este sueño —
El sueño del corazón;

Y mi dolor tan frío,
Tan frío y congelado,
Había nacido el río,
Un río desesperado —

Un río de fuertes fuentes,
Un río de nuevos vientos,
Un río de noches largas,
Un río de nubes blancas...

II

Una imagen en mi espejo...
La cara de una Vieja —
Un amor con la mano temblorosa —
Un día tan generosa...

La Vieja en sus rodillas,
Rogando algo al Dios,
O, puede ser, lo peor —
Ofreciendo al cielo su dolor;

Su mano trémula, vacía —
Enfrente de mis ojos nacían
Las líneas del Destino —
Son del alma — mi nuevo camino...
En este espejo-puerta
De mi corazón entro —

Allí me espera adentro
La Vieja, ni viva, ni muerta...

Mi deseo secreto le cuento,
Deseo del alma-poeta,
De rodillas el amor se levanta
De nuevo tan elegante...

III

La noche de luna llena,
La noche de alma plena,
Del espejo me mira la sombra —
La mirada oscura del hombre...

La mirada de ojos negros,
Del Sultán que se llama Eros,
Una imagen perdida en Tiempo...
El espejo me abre su puerta —

Al fondo me espera La Culpa —
Un monstruo con manos del pulpo,
Con la cara de un ladrón,
¡Yo chillo, ruego «Perdón!»

La culpa negra me dice
Con una sonrisa triste:
«Tu eres la masoquista —
Repites los pasos del Cristo.»

Me clava el pecho su espada —
La tristeza de su mirada,
Mi dolor se ha equivocado,
Mi amor no pedía nada...

Yo miro el espejo nublado
Con el corazón quemado
De la vieja sonrisa-mirada —
La de Culpa — La Pena Sagrada...

PARA N. D.

    Mi amor, mi dolor, mi amigo,
Desde que te has ido
Acabé de hablar conmigo
Y mi corazón dolido
Solamente habla contigo;

    Mi amor, mi dolor, mi amigo,
Escúchame y te digo:
No hay mas que un solo camino —
El de viaje en el destino;
El día que te he perdido,

    Mi amor, mi dolor, mi amigo,
El mundo se ha convertido
En un paisaje azul de silencio
Con el eco de tu presencia;

Te hablo — y te encuentro
Al fin del camino — adentro,
En mi corazón te siento:
Mi amor es tu casa secreta...

    Mi amor, mi dolor, mi amigo,
Sin palabras a ti te digo.
Hay un viaje de mi memoria —
Tu y yo, y nuestra historia,

Hay la sombra de tu sonrisa,
El silencio de tu mirada,
Hay la vida con mucha prisa,
Hay salida después de entrada...

    Mi dolor, mi amor, mi destino,
Hay Tiempo y hay Camino,
Hay la ultima gran parada —
Y después hay todo o nada...

LA MADRUGADA SIN TI.

¿Para que levantarme mañana? —
Como duele la madrugada,
No me buscas con tu mirada...
¿Despertarme? — no quiero nada;

Yo prefiero dormir soñando —
¿Para que esperar la noche
Sin tenerte a mi lado?
Yo no tengo ningún reproche:

Solo miro tus ojos fríos
Y tus manos que no me tocan,
Solo oigo que tu te ríes
De las palabras que equivocan;

¿Para que esperar el día? —
¿Cuántos quedan? — Algunas semanas
Y te vas a buscar la vida
Con mi corazón en tus manos;
Soñando tenerte al lado...
¿Para que levantarme temprano? —
No soy ni mujer ni madre...
Y vivir para mí es tarde
SIN TI...

***

Me pongo el mejor abrigo,
Pero tengo frío en verano —
Porque no estás conmigo,
Y no siento el calor de tu mano;

En un palacio lleno de gente
Estoy sola, sin casa, perdida —
Porque no estás enfrente,
Y nada tiene sentido;

Una canción de amor y de alegría —
La historia de otra pareja,
Me parece lejana y fría,
Como mi alma — cansada y vieja;

Soy la gitana disfrazada, la niña,
Andando las calles de la vida,
Buscando un regalo de cariño,
Buscando la casa perdida —

La casa antigua de uvas,
Con patio que huele a jazmín,
Con la escalera por la que subes
Para verme soñar en el jardín...

En el mundo no hay nada nuevo:
Las palabras, las mentiras se repiten,
De mil sueños nace un poema,
Y se mueren promesas, como un ritmo...

СЛОВА НА ВОДЕ

И с Временем, созданным нами,
И с Всевышним, всюду и нигде,
И с незримыми небесными послами
Объяснюсь строками на воде.

Напишу слова на тихой глади
Озера, сотрёт их тут же рябь,
Заповеди из моей тетради
Запишу в невидимую явь:

Имена впишу — за них молитву.
Занесу в прозрачные архивы
Тайны сердца, над водою иву
Расспрошу о главном и забытом.

Если слышно эхо наших жалоб
Где-то в недозволенных мирах,
Значит, не напрасно я писала
Пальцем на искрящихся волнах...

А тогда...

Когда уже не будет
Ни меня, ни тех, кто дорог мне,
Кто-то вечный, может, не забудет
Повторять молитвы на волне....

LES MOTS SUR L'EAU* (СЛОВА НА ВОДЕ)

Et avec le Temps que l'on a crée,
Et avec Dieu, partout, nulle part,
Je m'exprimerai avec
Les mots écrits sur l'eau du lac.

Sur ça surface calme je laisserai les noms,
Tracés avec mes doigts,
De chaque femme, chaque homme
Dont mon cœur a eu besoin.

Avec ces noms j'ajouterai une prière —
Seulement par ce que je crois
Que l'écho de nos rêves
S'entend quelque part, très loin. —

La. —

La bas. —

Dans les cieux, parmi les chemins
D'étoiles — les routes du destin.

Et si c'est vrai, tout ça,
Je n'aurais pas écrit pour rien
Ces mots de prière sur l'eau,
Par ce que quand il n'y a

Plus ni moi, ni mes aimés
Quelqu'un en haut —
Beau et Eternel,

N'oubliera jamais
De répéter ces mots,
Ceux — la que j'ai
Ecris sur la surface de l'eau,
Effacés par le souffle du vent...

---

* Перевод на французский — автора. Traduis par l'auteur.

**Стихотворения на конкурс
«ПУШКИН В БРИТАНИИ»**

*(Первая пушкинская строка задана
администратором турнира)*

«В высоком лондонском кругу»

Поэты не рифмуют чувства —
Там речь идет не об искусстве
И не о деревьях в снегу...

В высоких лондонских кругах
Высокомерье щеголяет
С изысканнейшей чашкой чая,
И сплетни тают на устах...

В высоком лондонском кругу
Нет места пушкинской Татьяне,
Там небылицы о Диане —
Принцессе из народа — вслух

Друг другу шепчут по секрету,
Простому люду сообщат —
Чей самый модный цвет плаща,
Кто что сказал — к утру газеты...

Не воспевать же мне в куплетах
Погасший блеск в глазах принцессы,
И смех неискренний, и жесты
Дам с кавалерами в беретах?

Нет, в тех кругах не до поэтов!
В высоком лондонском кругу
Душа изогнута в дугу,
И чванство ходит в эполетах...

И вспоминаются сонеты —
Сердца и души нараспах...
В высоких лондонских кругах
Смешны Ромео и Джульетта,

И всё, что Байроном воспето...
Однако времени запреты
Нарушил Пушкин, став поэтом,
С пропискою на облаках
В высоких... Ангельских кругах!
.....

«Моря достались Альбиону»...

Но далеко не все моря —
Владенья Нептуна-царя
Блюдёт британская корона.

Брега Америки ласкает
Южнее целый океан,
А «Тихий» сразу сколько стран
Своим владеньем величают?

Моря достались Альбиону...
А песня моря — кораблям,
Достались звезды Ориону —
А Небу отдалась Земля.

Не поделить на страны небо,
Но каждому — свой горизонт,
А тем, кто в Альбионе не был,
Совет: носить с собою зонт.

Because it's almost always raining —
Там частый и капризный дождь.
Туманный Альбион осенний! —
Зима ли, лето — не поймёшь.

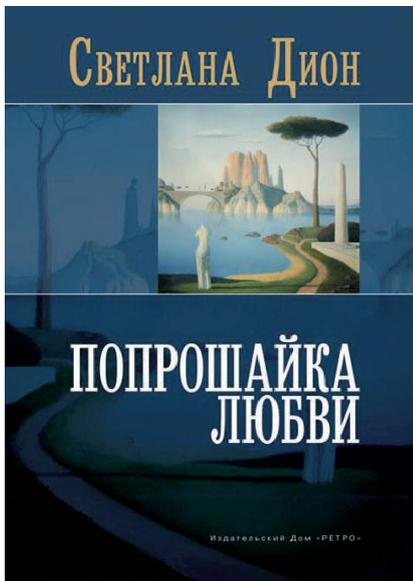
(Недаром ездят англичане
Погреться к нам — в Испанию!
У нас ведь тоже есть моря,
И те же звездочки горят.)
И пусть моря — у Альбиона,
Свободны и прибой, и волны.
У них царят свои законы...
И волны, и прибой свободны,
Как свет, как дождь, как непогода...

Отрывки из романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ»

Духовно-фантастический детектив в двух томах.

ИД РЕТРО, СПБ 2006. — 568 с. (Номинант Российской литературной премии «Национальный бестселлер» 2006)

АННОТАЦИЯ

Главная героиня этого духовно-фантастического детектива, действие которого разворачивается параллельно и в прошлом, и в будущем — в XII веке и в 2013 году, взглянувшая в лицо смерти, возвращается в жизнь. Спасенная с помощью чудодейственного этреума, Вера должна понять, почему она видит сны о чужих жизнях. Ей предстоит заново узнать себя. Справиться с ужасами собственной памяти. Отыскать в лабиринтах времени правду об одной любви, увидеть в осколках разных судеб свою собственную. Вере предоставляется редкая возможность проверить свою догадку о «невидимой-но-существующей» связи между ее

новыми странными знакомыми и персонажами свершившейся средневековой драмы, среди которых — роковой мужчина из первого сна героини после ее возвращения в жизнь. Стечения обстоятельств и неслучайные совпадения наяву и в странных сновидениях помогают Вере распутать давно затянутые узлы обмана и ошибок на нитях судьбы загадочной озаренной Кларины. А все началось со сверки четверостишия из рукописей исчезнувшей Попрошайки любви со стихотворением снящейся Вере черноволосой красавицы, казненной девять веков назад... За каждым неожиданным поворотом истории главная героиня натывается на самые невероятные открытия в «науке о душе». В ее руки попадает и ключ от бессмертия. В ее власти — устранить «искусственную вечность», грозящую человечеству. Как и найти мужество заглянуть в зеркало своей души. Мужество жить, не боясь смерти, потому что на свете есть Любовь. А с ней — надежда на то, что нам дан шанс переиграть собственные судьбы под другими именами в другом сценарии, ибо «Бог верит в человека даже тогда, когда человек не верит в Бога».

«ПЯТЬ ЗМЕЁВ, ИЛИ ГРАДУСНИК МУЖЕСТВА»

отрывок из романа

— Я видела в лесу пять змеёв! — бросилась я в колени отцу со слезами. — Честное слово!

— Кого?! — переспросила мать, не оборачиваясь.

— Пять змеёв, я видела... — тараторила я.

— Сколько?! — прервала меня бабушка.

— ...Пять змеёв, — захлебывалась я от страха.

— Не гнусавь! — И не змеёв, а змей, — перебил меня отец и резко поднялся со стула. — Она сочиняет на ходу! — повторил он и взялся за пряжку ремня. Колотить меня вдруг перестало. И мой первый в жизни испуг сменился удивлением. — Я стояла в центре нашей веранды в окружении пятерых взрослых, застыв от ужаса: никто из них мне не верил! Отец что-то шепнул матери и обнял ее за талию.

— Может, не надо? — донесся до меня ее тихий голос, слившийся с потрескиванием масла на сковородке. В воздухе стоял сильный запах жареного лука и грибов. Я оглянулась в сторону моей няни:

— Милые вы мои, ведь несмышленная... — ее дрожащий голос осекся.

Отец решительно направился ко мне через всю веранду: он еще никогда не казался таким большим и сильным. Ко мне вернулся дар речи, и неслушавшиеся меня губы старались улыбнуться: «Па-а-апочка, я больше-е не бу-у-д-д -у вы-ы-ходи-и-ть за-а кали-и-тку одна-а...», — поддывала я, задыхаясь, — теперь уже от радостного нетерпения. «Мой папа ничего не боится: сейчас мы вместе пойдем с ним в лес, и он расправится с ужасными пятаю змейми, — змеями», — поправила я сама себя уже вслух, и протянула обе руки кверху — к папе. Он одним махом поднял меня, и на мгновение я ощутила знакомый, пугающе приятный аромат, тут же ускользнувший в запах «Беломора».

Комната перевернулась вверх ногами, и перед глазами возникли отцовские ботинки без шнурков. Превозмогая резь в глазах, я пыталась разглядеть стоптанные башмаки под стулом в углу. Они шаркнули по полу и зашагали прочь, оказавшись ногами моей бабушки. Над ними донесся ее голос:

— Нет, надо сеткой высечь, а не ремнем, и пять раз — за каждого змея, чтоб не выдумывала больше.

— Нет, нет. Четыре, — деловито торопилась мать, — ведь одного-то, по крайней мере, она видела.

— А остальные ей померещились с перепугу-то, — услышала я голос няни.

— А, может, это были змеята в гнезде, будущие? — успокоил меня звонкий и спокойный голос Ангелины — моей тети и маминой сестры, которую я звала всегда по имени, как и подруг по яслям. Когда Ангелина была рядом, ничего дурного или несправедливого произойти не могло.

Уже догадавшись, что я лежу кверху попой поперек жестких колен отца, я боялась только одного: вдруг слова моей тети спасут меня слишком поздно, и отец успеет стянуть с меня штаны, и все, особенно муж Женя моей лучезарной Ангелины, увидят мою голую... Додумать я не успела.

Первый удар, обжегший мои голые ягодички, я не услышала из-за хлопнувшей одновременно со свистом ремня в воздухе дверью. Закусив нижнюю губу, я открыла глаза. В проеме стеклянных ромбиков двери на крыльце я увидела удаляющиеся новые ботинки моего дяди. Моя благодарность и уважение к нему зародились в тот момент и сохранились на всю жизнь — на много лет и после смерти нашей молодой Ангелины. Дав себе слово не проронить ни звука и не заплакать, я еще крепче ухватила зубами нижнюю губу... Я насчитала еще четыре удара после хлопка двери и открыла глаза. И... не увидела нигде на полу веранды белых искрящихся лакированных туфель — ног Ангелины.

«Неужели?..» — снова не успела додумать я, как последний — шестой — обрушившийся на меня удар и слова отца — «А это на будущее» — застали меня врасплох. Нижняя губа предательски вырвалась из моих редких молочных зубов и издала новый для меня звук «Аммм!». Нечто среднее между «ай» и «мама!». На середине удара, вернее эха от него, потрясшего все тело, мне все же удалось снова закусить непослушную мокрую от крови губу и не дать ей договорить «ама».

Кстати, «ам» вовсе и не был новым, изобретенным мною звуком. Его произносили каждый раз, держа меня за обе щеки, — чтоб я не выплюнула набитую в рот кашу, которую я стойко не желала глотать, несмотря на бесчисленные «ам» мамы и бабуш-

ки. Силы воли у меня обычно хватало не больше чем на пять «амов», так как мой постоянный, измотавший всех насморк — по рассказам кормившей меня бабушки, — не позволял мне дышать через нос.

Никто из взрослых и не подозревал, что количество «амов» имело прямое отношение к количеству красных полос на моих ягодицах после той знаменитой первой порки, во время которой я убедилась, что мужество мое можно измерить и что равно оно пяти, а сила воли — это ловкость закусывать нижнюю губу и не дать ей вырваться, чтобы не произнести ни звука.

В мужестве в тот год я упражнялась все лето. Мои стоические пять «амов» окончательно извели бабушку, занятую дачниками. Когда я расшибла себе левый висок, ударившись об угол скамейки, она пожаловалась родителям, что ей за мной не уследить. Окончательно бабушка сдалась после того, как меня доставили в местную больницу с необычным диагнозом: «села на пень». Дерево было спилено неровно, и острые зазубрины яростно впились в мои уже настрадавшиеся в то лето ягодицы. Бабушка позвонила маме в город и сообщила две новости. Первая, что я села на пень, но моя невинность, по заключению областного врача, не пострадала. Вторая, что меня срочно следует «снять с ее шеи» и определить в круглосуточный летний детский сад через дорогу от дачи.

«Сама себя высекла», — строго сказала мать, когда я, вися на калитке детского сада, стала громко ныть, будучи не в силах бороться с горечью первого расставания. Меня покинули против моей воли.

Высокие фигуры родителей исчезли за поворотом. Я осталась совершенно одна.

Все еще всхлипывая, но уже тише — только для самой себя я успокоила себя тем, что здесь не будет ни «амов», ни капроновой сетки из-под картошки, заменявшей отцовский ремень. Видимо, ремни деда бабушка не хранила после его смерти. Не будет и крапивы, заменявшей сетку, если та была занята картошкой.

«Не будет здесь и няни», — подумала я и почувствовала странную резь в горле. Я закусила губу. Не успев досчитать и до четырех своих обычных «мужественных пяти», я почувствовала во рту не сладковатый знакомый привкус крови из истязаемой губы, а соленый и горький. Слезы текли по щекам,

попадали в рот и точно собирались в горле, где защемила моя тоска по няне.

Я огляделась — вокруг не было ни души. Только лес за калиткой и пустая поляна с качелями и песочницей позади меня. Я выпустила губу на волю и стала громко всхлипывать, не закрывая глаз. На всякий случай: вдруг кто-нибудь услышит? Боль из горла поползла вниз и исчезла в животе.

Мне вдруг почудилась мама, выглянувшая из-за кустов за поворотом дороги, но только на миг. Потому что в тот момент меня потрясло новое открытие: оказалось, что когда мужества хватает меньше чем «до пяти обычных», то, заплакав, можно перехитрить боль и утопить ее в животе. Но только если вокруг никого нет и плакать можно вслух.

«Значит, хныкать можно только когда я одна, — а при всех нужно закусывать губу и считать... до пяти, — объяснила я себе на будущее и дала клятву, что — «когда вырасту, научусь считать до ста».

И тут меня осенила догадка: «Мне сейчас — пять лет, и я могу досчитать мужество до пяти. Каждый год я буду прибавлять мужество на один и стану очень сильной. Интересно: знает ли об этом моя бабушка? И до скольких считает мой папа? И вообще все взрослые? И все ли они знают, что надо считать мужество при всех и тогда можно продержаться и не дрогнуть. — Не показать свою слабость. И никто не заметит, что на самом деле очень больно. А может, не все взрослые «считают»? Вот няня, например, наверняка не считает». При мысли о няне боль спохватилась и поползла из живота к горлу. «Надо научить ее считать хотя бы до трех», — пообещала я себе вспомнив, что глаза няни всегда становились влажными, когда она меня обнимала.

Я решила отвлечь себя от одиночества этой игрой в мужество и стала вспоминать всех знакомых взрослых: «Интересно, до скольких сумела досчитать моя солнечная Ангелина, перед тем как одновременно с первым ударом ремня хлопнула за ней и за «мужем Женей» дверь?» Я задумалась. «Змеёв было пять. Ударов тоже. Лет мне пять. И мужества моего тоже пять. И начну его прибавлять на один в каждый день рождения», — снова поклялась я себе торжественно, потеряв на ходу мелькнувшую догадку о неслучайности совпадений на много лет вперед.

Я сползла с калитки и присела на корточки. Прутиком нацерила длинную линию и разметила на ней цифры от одного до десяти. Рядом написала имена взрослых родственников, начиная с няни. Напротив каждого имени я ставила цифру мужества.

Против няниного имени долго не знала что поставить. Отец хотя и научил меня уже считать до десяти и рисовать градусники на песке, про ноль еще не говорил. После многих исправлений на песке около имени няни образовалась ямка, и я бы еще долго мучилась, если бы на мой чертеж не упала тень, а прямо перед носом не остановились бы белые лакированные туфли. На секунду я обрадовалась, вспомнив искрящиеся туфли Ангелины, которые всегда точно так же поблескивали на солнце, когда мы с ней пололи грядки с клубникой. Резиновые сапоги в огороде надевать она отказывалась, несмотря на угрозы бабушки, что еще раз импортные туфли ей дарить никто не собирается. «Приедет ли Ангелина ко мне в родительский день через неделю? Как жаль, что я так и не успела расставить всех моих взрослых в линейку», — с грустью подумала я и задрала голову. Меня ослепило солнцем, и я зажмурилась.

— Ты что же тут делаешь одна? — раздался незнакомый звонкий голос над туфлями.

Я открыла глаза и, привыкнув к солнцу, увидела очки в обрамлении желтой косынки. Снизу от очков была улыбка.

У меня мелькнула шальная мысль проверить мое новое открытие, и я спросила «улыбку в косынке»: — А вы до скольких можете считать? Больше чем до пяти? — спросила я.

Улыбка весело рассмеялась.

— Конечно, могу! А ты?

Я смутилась.

— Пока только до пяти, — врать мне ей почему-то не хотелось. И тут же прибавила: — А вот через год я смогу сосчитать до шести, еще через год — до семи... ой, а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать пять, а тебе?

— Значит, вы можете досчитать до двадцати пяти! Ничего себе: сколько у вас мужества! — не ответила я на ее вопрос.

Улыбка села передо мной на корточки. Я с любопытством заглянула ей в очки. Позади полупрозрачных стекол на меня смотрели в упор раскосые зеленые глаза. «Как у Ангелины, только меньше», — обрадовалась я и вспомнила с досадой, что

так и не поставила мою светящуюся тетю на песочный градусник мужества.

— Откуда ты знаешь это слово — «мужество»? Ведь оно только для взрослых. Ты знаешь что оно значит? — очень серьезно спросила Улыбка.

— Знаю и давно, — похвасталась я. Мне ужасно захотелось ей понравиться, как и моей тете. Мне нравилось нравиться Ангелине больше, чем всем остальным.

— Как давно? — ничуть не удивившись, спросила Улыбка.

— Со дня, когда уснул мой дедушка, — тогда моего мужества было только три, но я еще об этом не догадывалась.

— Еще? — удивилась, наконец, Улыбка.

— Да. Еще. Я тогда не умела считать, да и не нужно было: меня тогда еще не били по... — я осеклась.

— Не били? — Улыбка сняла очки и взяла меня рукой за подбородок.

Боль из живота вдруг опять прыгнула в горло, и я принялась считать до пяти. Удалось: я загнала ее на место — в живот, и соврала:

— Я сказала: не были...

Я знала, что говорить правду про ремень и сетку другим взрослым нельзя. Однажды меня высекли за то, что я объяснила одной бабушкиной дачнице, что крапива растет для того, чтобы ею наказывали по голой попе плохих девочек, когда картошка еще не вся съедена. Глупая дачница обвинила бабушку при всех, что она закармливает меня картошкой. И мне опять «досталось» в тот вечер «за вранье». Высекли сеткой — картошка в тот день как раз кончилась.

Улыбка больше не улыбалась. Я виновато посмотрела на нее. У нее в глазах стояли слезы. Я с облегчением вздохнула: «Она тоже мне один раз уже соврала. Ее мужество меньше чем на десять», — сосчитала я, точно не зная, на сколько двадцать пять больше, чем десять. Не буду ей врать, — пообещала я себе строго, — сосчитаю до шести, но не буду». Я смело посмотрела Улыбке в глаза и улыбнулась.

— А что это такое — мужество? — поинтересовалась она, торопливо надев очки.

— Это то, что надо иметь, чтобы за него держаться, когда нельзя плакать на людях, но когда очень хочется, потому что больно в горле или на попе, — выпалила я.

Зеленые глаза позади очков стали круглыми и очень большими — почти как у мамы. Улыбка, казалось, застыла, а я вспомнила, что точно так же потеряла дар речи, когда догадалась, что про «пять змеёв» мне не поверили. Мне стало ее жалко, и я решила ей помочь:

— Когда мой дедушка лег спать в гроб, моя мама — тогда ее мужество я еще считать не умела — стала рыдать на груди дедушки, который от этого не проснулся. Моя бабушка ей тогда сказала: «Держись, имей мужество, не плачь на людях, — смотри, как крепко держится твоя младшая сестра, — не плачет на людях. Не плачь при ребенке». Ребенок — это я, а сестра мамы — моя лучезарная тетя Ангелина.

Улыбка качнула головой:

— Ну, теперь мне все ясно. А почему она — лучезарная, твоя тетя?

Я смутилась, но, мужественно досчитав до пяти, призналась:

— Это секрет, но я вам скажу, так как один раз я вам уже соврала.

Она снова понимающе кивнула.

— Я никому ничего не скажу.

— Я как-то притворилась в машине, что сплю, и подслушивала. А мой дядя, который появился после того, как дедушка начал спать в гробу, сказал моей тете в машине: «Какая ты у меня лучезарная». Мне так понравилось это слово. Оно очень похоже на мою Ангелину.

— Чем же оно на нее похоже?

— Оно очень солнечное и долгое. Оно длиннее, чем его буквы. Длиннее, чем десять. Ангелина — тоже бесконечная и светится. У нее даже туфли блестят, и она очень стройная и тоненькая, «прозрачная и призрачная», как говорит ее муж Женя. — Я перешла на шепот. — И еще мне часто кажется, когда горит ночник, что она не кончается там, где она кончается. Вокруг нее как тень. Только не серая, как у всех взрослых, а белая. Светящаяся.

— Лучезарная тень? — подсказала мне Улыбка, так сильно улыбаясь, что я успела рассмотреть: у нее тоже нет зуба сбоку. Как и у меня. Она мне понравилась еще больше.

— Ангелина — это твоя родная тетя? А еще у тебя кто-нибудь есть, у кого тень тоже светится?

— Да, моя очень добрая старенькая няня. Только мужества

у нее меньше, чем один, в отличие от Ангелины. — Она сразу же плачет, не досчитав и до одного. Но она в школе не училась и считать не умеет. А вы на самом деле до сколько считаете?

— То есть сколько у меня мужества? — сразу поняла меня Улыбка.

Я ликовала: «Значит, я правильно догадалась, и мужество взрослые считают!»

— Больше, чем десять? — нетерпелось мне услышать.

— Гораздо меньше, чем полагается в мои двадцать пять. И гораздо меньше, чем у твоей тети Ангелины.

Это было мое второе в жизни разочарование после «пяти змеёв»:

— Как?! Значит, мужества не прибавляется «на один» каждый год — и я не смогу досчитать до десяти, прикусив губу, когда на людях хочется плакать, но надо держаться? — Я чуть не разревелась от досады, что, оказывается, у взрослых все устроено вовсе не так, как я придумала.

— У кого как: у кого прибавляется, а у кого и убавляется, — грустно сказала Улыбка скорее самой себе, чем мне, и сняла платок. Длинные волосы рассыпались ей на плечи и оказались тоже светло-желтыми.

— Значит, если взрослым одинаково лет, а мужество у них разное? — окончательно сбитая с толку, пыталась я загрустившую Улыбку.

— Да, очень разное, — сказала она застенчиво и принялась разглядывать мой «градусник мужества» на песке. Я заметила, что она сидит рядом со мной на песке, подстелив свой платок под светло-зеленое платье.

— А какое самое большое мужество после десяти? — заглянула я ей в веснушки.

— Оно беспредельно.

— А сколько это?

Веснушки наклонились к моему градуснику и ткнули в десять:

— Это у тебя шкала взрослых? — прочла она «бабушка» рядом с отметкой «десять». — Значит, твоя бабушка никогда не плачет? А няня? Почему не цифра, а ямка?

— Ее я сама начну учить считать и держаться за мужество, — гордо заявила я. — Она чуть что — в слезы. Особенно, когда меня жалеет. Ее я буду учить считать с одного.

— С нуля, — поправила меня Улыбка.

— С чего?

— Ты не знаешь про ноль? — удивилась она. — Я тебе сейчас все объясню.

У меня захватило дух:

— Это что — секрет?

— Нет, это еще меньше, чем один. Это ничего. Ты знаешь что такое «ничего»?

— Да, — серьезно, как и Улыбка, сказала я. — Это когда не нужна крапива, потому что его («ничего») нет в сетке. — И пояснила: то есть это то, чего нет в сетке, когда не нужна крапива.

Улыбка пристально на меня посмотрела. Потом она перевела взгляд на мою шкалу, как она почему-то назвала мой песочный градусник, и неожиданно спросила:

— Чем тебя секли — крапивой или сеткой, в которой было «ничего», когда ты первый раз сосчитала свое мужество до пяти, держась за него, чтобы не заплакать на глазах у всех взрослых: у своей жалостливой няни, строгой бабушки и волшебной Ангелины, когда тебе было пять лет? Это было совсем недавно? Да? И неужели никто за тебя не заступился, даже мама?!

Я остолбенела: «Как же это Улыбка догадалась обо всем и про всех?!»

В горле у меня так сдавило, что губу защемить не удалось. Я тщетно пыталась поймать ее зубами, чтобы начать считать и не разреветься. Но губы онемели и не слушались. Тогда я схватилась за запасное мужество: стала загибать пальцы на правой руке по одному и считать про себя «один», «два»...

Мне удалось не всхлипнуть, и я попробовала не дышать «до пяти». Я умудрилась не издать ни звука, но слезы уже предательски жгли обкусанную губу.

Улыбка «с мужеством меньше двадцати пяти» притянула меня к себе, — очень осторожно, чтобы не стереть на песке мой «термометр», как называла градусник няни бабушка.

— А ты поплачь, поплачь, — сказала она мне ласковым голосом моей няни. — И я окончательно запуталась в этой загадочной Улыбке, которая знала не только про ноль в сетке, но к тому же самое главное и про меня, и про мою чудесную Ангелину, и про няню. И еще она знала, что бабушка у меня строгая. Но самое невероятное — Улыбка была похожа и на мою лучезарную тетю, и на добрую мою няню с «мужеством в ноль», а глазами напоминала печальную маму.

Уткнувшись в ее ароматные золотые волосы, я тихо всхлипывала. Она молчала и, раскачиваясь вместе со мной, поглаживала меня по волосам.

Мне вспомнились ласковые руки мамы, гладящие меня по голове после порки из-за «пяти змеёв». И звук перелистываемых мамою страниц книги с огромной змеей, обвитой вокруг палки, на обложке. Я закрыла тогда глаза, чтобы не видеть это ядовитое напоминание о причине порки.

(Точно такой же странный символ медицинской науки, по настоянию бабушки, вырезали на плите у подножия могилы Ангелины годами спустя: она, как и мама, была врачом. А около гранитного памятника мама моя посадила тоненькую березку. Она прижилась, и мама ее всегда поглаживала и шептала ей о самом трудном в ее душе. Она была старше своей единственной сестренки на десять лет и любила ее на пятнадцать лет дольше, чем меня. Когда мама лишилась Ангелины, она перестала «чувствовать чувства». И, как однажды призналась мне, лишь помнила об их присутствии...)

Я прижалась теснее к Улыбке. Мне показалось, что знаю ее очень давно, еще даже до порки из-за змеёв. Боль лениво расползалась по всему телу и спряталась снова в животе.

Улыбка осторожно разогнула по одному мои сжатые пальцы правой руки. Потом она так же разжала мой левый кулак и рассмеялась:

— Смотри, мой маленький герой, ты только что смогла до считать до десяти, перед тем как расплакаться от боли, когда можно не бояться никого вокруг. Видишь, оказывается, у тебя мужества вдвое больше, чем полагается на твои пять лет. И тебе не надо ждать до десяти лет, чтобы дорастить мужество свое до десяти. «Жаль, что пальцев у меня только десять, а то бы я ей показала еще храбрее», — мелькнула у меня в голове беспокойная мысль, что я ей не понравлюсь.

Улыбка долго рассматривала мою ладонь и, наконец, ткнула пальцем в самый ее центр:

— Смотри, какая у тебя необыкновенная ладошка: две разные линии — ума и сердца — слились в одну длинную. Значит, ты думаешь сердцем. — Она серьезно заглянула мне в глаза. — А так бывает редко, только у самых отважных и мудрых.

— А у вас тоже так? — я взяла ее за левую руку.

Она повернула ее ладонью вверх и провела пальцем по зиг-

загу в центре ладони между двумя короткими параллельными линиями.

— Говорят, это знак трудного пути к самому себе: душа и ум ссорятся, а в сердце путаница...

Я ее заверила, что тоже путаюсь в себе постоянно, и она снова повеселела.

— За что тебя наказали тогда? — спросила Улыбка, наклонившись над моим рисунком на песке.

— За то, что заслужила, — повторила я слова мамы. — Никто, кроме Ангелины, мне тогда не поверил. А она одна догадалась. Она все видела на расстоянии и знала правду. И защищала ее тогда. «Стояла за правду», — как сказал «муж Женя».

Улыбка внимательно разглядывала градусник на песке:

— Посмотри на свою шкалу: я не вижу имени твоей тети. И знаешь, давай начертим новую шкалу и поставим тебя рядом с «десятью», а няню твою напротив «нуля» не будем ставить. Ладно?

Я полностью доверилась Улыбке и начертила новый градусник. Над первой черточкой Улыбка нарисовала кружок.

— Ноль! — догадалась я.

Она чмокнула меня в лоб и дала мне прутик.

— Поставь десять сама. А завтра я тебя научу считать дальше.

Я нарисовала десять на конце и рассмеялась. Оказывается, ноль я уже знала, просто не замечала его в цифре десять!

Улыбка взяла палочку из моих рук и продолжила линию на земле до самого забора, пока та не уперлась в крохотную елочку у калитки.

— Мужество равняется бесконечности? Да? Надо поставить спящую восьмерку! — догадалась я и обрадовалась, что теперь все уже понимаю. Я вывела на песке знак бесконечности, как учил отец, и ткнула пальцем в горизонтальную восьмерку, надеясь еще больше удивить Улыбку.

Она снова присела рядом со мной на корточки и взяла мои руки в свои:

— Ты очень умная и мужественная девочка, как и моя дочурка, — медленно сказала она, взяв мои руки в свои, и вдруг расплакалась.

Я растерялась.

— Вот видишь, мое мужество меньше, чем твое: я не успела

досчитать даже до двух, вспомнив мою дочурку, которая год назад стала спать в гробу, как и твой дедушка.

— Не плачьте, Улыбка, — громко сказала я заботливым тоном моей няни. У доброй воспитательницы все еще катились слезы из-под очков. — Скажите, лучше, куда мы с вами поставим мою Ангелину на этой «клаше»?

— Шкале, а не клаше, — поправила она меня и, к моей радости, снова улыбнулась. — Самое большое мужество — это не бояться правды, а не своей боли или слабости, мой маленький герой. Твоя тетя тебя защищала, потому что верила: ты говорила правду. Понимаешь? Кстати, ты мне так и не сказала: за что же тебя наказали.

— За пять змеёв, то есть змеев, — призналась я.

— А мне «змеёв» даже больше нравится. Особенно, когда их целых пять. Ведь их было пять, да?

— Там в траве было пять яиц, я хорошо сосчитала, — сказала я правду.

— А может, они были птичьи, а не змеиные?

— Нет, точно змеиные. — Одно яйцо было разбито, и около него извивался малюсенький змеёк...

— Змееныш, — сказала она и заключила: — Ты просто видела то, что еще не случилось. Ведь остальные четыре яйца превратятся в «змеёв» позже. Ты говорила правду, и твою храбрую тетю Ангелину, которая тебя пыталась защитить, мы поставим на шкалу почти рядом с калиткой...

Много лет спустя, когда Ангелины уже не было в живых, я вернулась вместе с Колей и Ромочкой на то место, где мы с Улыбкой размечали наш градусник мужества. Калитка была уже другая, но на прежнем месте.

«Оказывается, Улыбка тоже тогда увидела будущее», — подумала я четыре месяца назад, стоя рядом с забором детского сада и объясняя Ромочке, что «на этом месте» я когда-то была такая же маленькая, как он. Вспомнив свою добрую воспитательницу и первый день в садике, я нагнулась и провела на земле длинную черту — от того забора, где давно-давно было выведено «Ангелина», до самого леса через проселочную дорожку. Там, где линия уперлась в срубленный березовый пень, я начертила две заглавные буквы — через черточку: «Т» и «А». «Т» — для тети, и «А», — конечно, для Ангелины.

Обе лучезарные, Ангелина и Улыбка одновременно стояли перед глазами, поблескивая на солнце белыми лакированными туфлями. «И это — не совпадение», — я пыталась сосредоточиться на ускользающих догадках и воспоминаниях. Сынишка тянул меня за руку и просился обратно на веранду с «ломбиками», где нас ждал Николай, перегревшийся в то утро на солнце. Возвращаясь на дачу, еле поспевая за своим расторопным малышом, я вспомнила, что так и не призналась тогда Улыбке в том, что вместо «шкала» нарочно сказала «клаша». Чтобы ее рассмешить и она перестала плакать. Мне так хотелось, чтобы Улыбка улыбнулась...

Жаль, что я тогда не вспомнила, как именно звали мою солнечную воспитательницу, которая в наш первый день знакомства объяснила мне и про ноль, и про мужество. А позже не только научила меня считать до двадцати пяти, но и открыла мне секрет, что случайными совпадения кажутся только тем, кто не умеет видеть то, что еще не случилось.

КАКТУС И ГЛАДИОЛУС

отрывок из романа

Черновики романа, стертого с компьютерных дисков я в комнате Кларины не обнаружила. Единственным доказательством, что этот роман существовал, было несколько страниц, найденных мною среди рукописей в папке «Воспоминания после смерти». Они были написаны от руки и прикреплены скрепкой к стихотворению «Казус». На оборотной странице со стихотворением было напечатано оглавление романа с названиями глав. Тот, кто позаботился о полном уничтожении других страниц, видимо, либо не знал, либо забыл об этих случайно уцелевших. Текст, приводимый далее, как я полагаю, — два единственных уцелевших отрывка из уничтоженного романа Кларины.

«...На протяжении долгих лет, он носил в себе две трудных любви. Он охранял их от мира и еще более самоотверженно

друг от друга. Когда одна брала верх и была готова подмять под себя другую, превратив ее в бывшую, он мужественно бросался на ее защиту, не щадя ни собственного сознания, ни перетрудившегося сердца. Он жил долго и привык к мысли, что так будет продолжаться, но мысль о погибших кактусе и гладиолусе, поселившихся в одном горшке на балконе, не давала ему покоя.

Ему не нравился конец этого шуточного стихотворения, написанного Клариной уже много лет назад. Он беспокоился, что сердце его окажется в итоге пустым, как тот цветочный горшок, в котором погибли оба — и кактус, и гладиолус. Он сочувствовал тому, кто каждый день должен был выбирать, как надо поливать — ради кактуса или ради гладиолуса? Раз в пять дней — или в день раз пять?

Рассадить два растения, разумеется, никто не догадался.

«Что делать, если живем мы однажды? — рассуждал он, — а для двух отдельных любовей, сосуществующих в одном сердце по воле судьбы, надо прожить дважды. И я вовсе не виноват, что не смог ни прожить дважды, ни умертвить собственными руками одну из своих любовей. Что выбрать: кактус, служивший долго, и выживший даже без заботы хозяина, без воды, или новый расцветший гладиолус, требующий столько воды и каждодневного ухода? Но ни его верная и любимая жена, ни внедрившаяся в его сердце беспокойная Кларина не предлагали ему сделать выбор. Они лишь периодически смирялись с существованием друг друга в его жизни, уставая протестовать, осознавая, что дополняли одна другую. Со временем даже научились уважать и ценить друг друга за общее качество — за абсолютную необходимость их существования для него.

Он же долго так мучился, рвался из стороны в сторону, пока, утомленный иными препятствиями судьбы, наконец, решил больше не решать. А когда он перестал этим заниматься, устав за многие годы ограждать обе свои любви, и оставил их на произвол своего сознания, оказалось, что обе они когда-то уже погибли — одна превратившись в долг, другая в вину...

...Он стоял перед зеркалом, напряженно вглядываясь в пустоту внутри себя. Она сияла ярким блеском черного льда из глубины его темных глаз. Он когда-то видел этот — похожий издали на мрамор — черный лед. Он напрягал память: где именно

он его видел? Вспомнил даже прикосновение его к своей ладони и, успокоив себя мыслью, что, видимо, это воспоминание из сна, принялся разглядывать свои новые морщины.

Он захлебнулся тоской о собственной молодости, вспомнив строку из стихов его женщины о его глазах: «Как оникс — в оправе жемчуга, как ночь — от снегов белизны».

«Я контрастный и вовсе не прекрасен! Как хорошо знала она меня! Лучше, чем я сам, — признался он зеркалу. — Но в отличие от меня самого умудрилась меня полюбить, чего я сам так и не достиг, увы, обладая теми же знаниями о себе», — он снова сморщился, вспомнив, что от каждой усмешки над собой его любовь к Кларине таяла, и, спохватившись, по привычке бросился ей — его беззащитной любви — на помощь.

Он пытался разоблачить Кларину, снова вспыхнувшую перед глазами в виде белоснежного ангела, идущего по воде. Он пытался снять с нее так не идущие ей крылья, которые шумели в такт ее неслышных шагов. Он старался не видеть ее теперь всезнающей улыбки. Он не смел посмотреть ей в глаза, — не хотел увидеть в них ни ее любви, ни ее отсутствия. Ему даже померещилось, что Кларина несет что-то ему в руках с неба. Обладая изощренным воображением, дразнившим его этой ужасной карикатурой на одну из тех, кого он любил так долго, он догадался, что в руках Кларина несет не иначе, как собственное сердце.

Он по привычке бросился защищать ее образ от насмешки собственного сознания, посягнувшего варварски исказить самую суть его Кларины, подавшись настоянию перезревшей в нем вины. Он бросился на сражение с собственным воображением, стал снимать с видения прозрачные ангельские одеяния, чтобы сделать Кларину земной. Заторопился вспоминать ее стоны любовной неги, запах ее кожи, обожженной солнцем в горах Испании, где им было так незабываемо хорошо.

Но крылья по-прежнему шумели на ветру, несмотря на его усилия.

Он полез в воду, дождался, пока Кларина приблизится, не касаясь поверхности воды, и обнял ее ноги, но схватил ладонями воздух. Она прошла сквозь него, не заметив, словно он тоже был призрак — плод чьего-то больного воображения. И он испугался, что ему привиделось будущее, когда он тоже уже умер.

Он спохватился и метнулся на берег, едва успев выбраться из каменеющей на глазах воды.

Оглянувшись на Кларину, увидел ее по-прежнему скользящей по воде в ее волшебных балетных пуантах, но уже без одежды. Кожа ее просвечивала, и он передернулся, ужаснувшись изысканному коварству своего мозга. На месте груди у прозрачной Кларины билось два сердца. Он схватился за собственное, догадавшись, что одно из них было его, и вздрогнул от прикосновения ко льду. Отдернув руку от груди, обнаружил, что по ней течет черная вода, — вода из черного льда, растаявшего от тепла его ладони.

Он снова искал глазами прозрачную Кларину над водой. Вода замерзла, превратившись в черный лед. Он проводил взглядом удаляющиеся следы. Они серебрились на солнце. Он посмотрел в странную застывшую черно-белую даль, в которой исчезала его прозрачная обнаженная Кларина, уносившая оба их сердца.

«Она вернулась за тем, что принадлежало ей, за моим сердцем», — пояснил он свой кошмар сам себе и сморщился от боли в груди.

Он уселся в кресле поудобней и открыл глаза. Снова заглянув в черный лед своих глаз в трюмо, заметил, что морщин стало еще больше. Но теперь он уже не расстраивался из-за этого. Он давно устал защищать и образы любивших его двух женщин, и свое право не стареть, как все.

Снова прижал руку к сердцу, вспомнив о пустом цветочном горшке из стихотворения Кларины — «Казус», который он часто читал. Это было его единственным спасением от ее укоризненно-ангельского образа. Читая «Казус», он неизменно вспоминал ее смех, — она смеялась не останавливаясь, порой до икоты. И смущалась от неожиданности.

Гладиолус расцвел много лет назад, когда он приехал в Испанию фотографировать молодую Кларину для рекламы старинных ожерелий. Белый гладиолус расцвел через день после желтой розы, распутившейся на том же балконе в горах Андалузии, где его ждала Кларина. На ее балконе. Он вспомнил, как Кларина радовалась одинокой розе на пожухшем кустике в цветочном горшке. Она уверяла его, что роза расцвела накануне в честь его приезда.

Он вспомнил, что о судьбе гладиолуса узнал из стихов, так как уехал через несколько дней, как обычно, пробыв не полных две недели. «Вечно что-то происходило в жизни, — пробормотал он виновато зеркалу, — не хватало времени остаться с ней подольше». — Он сморщился, проследив, как каждая морщина состарилась на десяток лет вперед, на которые он не рассчитывал, и снова изменил позу в кресле. Сердце стихло и перестало болеть. Он отложил коробку нитроглицерина и придвинул к себе стакан с коньяком.

«За твоё здоровье, Кларина, моя ты женщина!» — громко сказал он, впервые не защитив её образ от нападок собственно-го сарказма. А желать здоровья мертвым — нехорошо, вспомнил он, пьянея, а значит, она живая, так как я не нехороший все же человек, — вяло заключил он и усмехнулся: «Железная логика для профессионального философа». За любовь, Кларина, слышишь, женщина ты моя, не надевай больше эти крылья, а то я... За нашу с тобой, за неё... За то, что у меня болело твоё сердце...»

Онпил медленно, не как раньше, в молодости — лихо и залпом, так же медленно, как читал «Казус», растягивая каждую строку, чтобы слышать её смех из прошлого подольше:

На балконе вышел казус:
Гладиолус — рядом кактус.
Все бы было хорошо,
Если б солнце не взошло —
Да в одном горшке зерно.
Мне бы было все равно, —
Но однажды, летним днем
Гладиолус вдруг расцвел
Прямо рядом за окном
Вслед за утренним дождем.
Мне бы было все равно, —
Но решение мое —
Гладиолус воду пьет,
Кактус от воды гниет.
Все бы было ничего,
Если солнце бы не жгло,
Гладиолус воду ждёт —

Кактус от воды умрет,
Поливать — не поливать?
Раз в пять дней —
Иль в день раз пять?
Гладиолус — чтобы жил,
Или кактус — чтобы сгнил?
Я стою над ними с лейкой,
Над судьбой смеюсь, злодейкой.
Кактус долго мне служил,
Гладиолус так раним,
Все бы было хорошо,
Но мне вовсе не смешно.
Высох алый гладиолус,
Для меня большая новость:
Не жалела я воды,
Не ждала я сей беды.
Может, кактус пил всю воду,
Или все из-за погоды?
Видно, кактус перепил —
Через день он тоже сгнил,
На балконе за окном.
Мне бы было все равно,
Все бы было хорошо,
Но стоит пустой горшок;
И остался лишь стишок...

На этом рукописный текст Кларины обрывался. «Он» ни разу не был назван по имени, словно писала она только для себя. В той же папке я нашла второй отрывок из уничтоженного романа Кларины...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

отрывок из романа

...Он очнулся оттого, что в нем что-то неожиданно заторопилось. Нет, не от тревоги во сне, несмотря на давку вокруг и тоскливые гудки поездов. Сквозь рыхлый пивной сон он услышал, как сердце стало спешить, словно опаздывавшие на поезд пассажиры. Он вскинул взгляд на вокзальные часы и сжал в руке билет. Оставалось пять минут до отхода поезда. Он не успевал: перрон был внизу, а надо еще пересечь подземный переход, а до этого заплатить за пиво. Он опаздывал к ней: опаздывал из-за жары, из-за многолетней усталости и еще из-за чего-то вязкого в самом себе. Это что-то не позволяло ему опустить глаза на собственные часы, чтобы поинтересоваться, не спешили ли вокзальные. На всякий случай — может, он еще успеет. Но для этого надо торопиться, бежать, волноваться. Есть и следующий поезд, а можно и не ехать вовсе. Он задержал в себе эту последнюю мысль о спасительном исходе — о возвращении в себя, о спокойствии — и стал поглаживать большим пальцем пену на стакане сквозь стекло. Пена медленно сползала вниз, на дно граненого стакана, к его запястью — к циферблату его часов. Оставалось десять минут: вокзальные часы спешили. Он снова поднес стакан к губам и стал ждать, пока пена сползет на язык. Облизав горечь на губах, положил смятую пятидолларовую бумажку под стакан и подсунул под нее билет. Спустившись по остановившемуся эскалатору, он медленно побрел к выходу. На ступеньках вокзального выхода помог беременной женщине спустить брюхатую сумку на колесах и почувствовал себя еще спокойней. Пока колеса ее багажа гулко отсчитывали ступеньки, он представил себе Кларину на ее месте. Где-нибудь на вокзале, когда-нибудь потом. Нет, не на том вокзале, где она ждала его в тот вечер, чтобы он уже никогда больше от нее не уезжал, а на другом. И гораздо позже, когда все в нем стихнет, и он забудет, как когда-то в жизни торопился. Представил и ужаснулся, что она будет одна, без единого близкого на Земле. Потом поспешно представил ее с чужим — не его — ребенком на руках, но рядом с кем-нибудь, кто тоже никуда не торопится.

Беременная женщина с благодарностью пожала ему руку своей влажной ладонью, и он вздрогнул от того же, не имевшего названия чувства, что заставило его все-таки сверить свои часы с вокзальными. Где-то позади него, на площади, забили часы, вторя неторопливым ударам его сердца об ноющую грудную клетку. Он с облегчением считал глухие удары. Они отсчитывали минуты его жизни, уже прожитые им в обратном направлении — по направлению к себе и в удалении от Кларины. На последнем ударе часов он впервые себя не пожалел, впервые не помрачнел, вспомнив, что сердце у него больное еще с молодости. Как и впервые не вспомнил о тревожном звоне колоколов в детстве, вселявшем в него тревогу, что все когда-нибудь кончается.

Проводив взглядом сумку беременной женщины, он присел на ступеньки и закурил. Стройная блондинка — гораздо моложе напрасно ждавшей его где-то Кларины — с любопытством разглядывала незавязанные шнурки на его ботинках. Он дал ей прикурить и вернул зажигалку в карман своих парадных брюк — черных в полоску. Когда-то они вместе купили ему этот костюм — он и Кларина, — единственный, который он не выбрал с женой. Она — жена — ждала его именно в этот миг, когда забили часы: ждала, зная, что он не уедет. Знала, так как сама запаковала ему оба чемодана и небольшую сумку, отпустив его к Кларине, без которой он не мог жить. Он взял только сумку с двумя футболками и несколькими своими книгами. И еще с адресом станции, где предстояло попробовать жить заново. Только с Клариной. Где предстояло торопиться, напрягаться, чтобы ускользнуть побыстрее от себя самого: дабы не видеть последнего прощального взгляда жены. Взгляда сквозь него — в его с ней будущее: его с Клариной, наедине с виной и спешкой, утомительной для стареющих сердечников. И еще придется ускользать от понимающего взгляда его надломившейся от мудрости дочери — взгляда такого глубокого и знакомого, что отменялось в нем все: даже главная его немая правда о беспомощности перед идеей уступить Кларину кому-то другому...

Он пошел домой пешком, несмотря на опасные для белых «черные» районы чужого ему американского города. Недалеко от подъезда замедлил шаг. Он сам открыл ключом дверь, хотя свет у него в доме горел во всех окнах. Даже длинноухий пес его ждал спокойно: словно он тоже почувал, что хозяин вовсе и

не уезжал на всю жизнь часами раньше, а просто прогулялся на вокзал в последний раз, чтобы больше уже не повторять ложного исхода. Пес вяло вилял хвостом и тыкался мокрым носом ему в ладони.

Седа́я мать встретила его на кухне в переднике с безмолвной улыбкой. Она была в белой выходной блузке, которую после смерти его отца надевала только по особым праздникам. Он сел за стол, ссутулившись в кресле, как старик, словно, с тех пор как он не уехал с вокзала к Кларине, прошло двадцать лет. Стол был накрыт на четверых — будто никто в доме не заметил, что на этот раз он собирался уехать навсегда. Он усмехнулся, когда увидел из коридора два своих распакованных чемодана на диване в комнате дочери. Его мудрой дочери, успевшей дважды ему заглянуть в глаза, когда он уходил из дома часами раньше. Размешивая сметану в супе, он вспомнил, как искал по дороге на станцию, что сказать Кларине, если она спросит, почему он к ней приехал жить на всю жизнь только с одной сумкой и с одной парой брюк. Вспомнил, что ничего лучше объяснения о потерянном ключе от камеры хранения, не придумал. Потом вспомнил, как мысленно представил себе годы жизни с ней без возвращения домой, где можно было никуда не спешить, сидеть за письменным столом в халате и слушать еле слышное шарканье матери по паркету, когда та подносила ему кофе без молока...

Он усмехнулся благодарному взгляду пса, вертевшегося у стола. Тот смотрел на него безо всякого укора: а ведь он читал его мысли, казалось, лучше, чем жена, дочь и его постаревшая мать, которой он никогда не скажет о письме, доверенном ему отцом перед смертью. Не скажет ей о маленьком домике на краю жизни, в глухой деревне на Кавказе, куда он доставил это письмо неделями позже по просьбе покойного отца. Не расскажет о немолодой женщине, открывшей ему дверь, о том, как дрожали — в его памяти много лет — ее губы, когда она читала на пороге последнее письмо его отца. Ни о том, как он не выдержал и опустил глаза, когда она прижала к груди пустой конверт с ее именем.

Он перевел взгляд на свою семью — на своих. Все они — так долго знакомые и верные ему — все они непринужденно переговаривались, словно его не было за столом. Словно мысленно не прожили они без него — каждая по отдельности —

всю оставшуюся жизнь за эти несколько часов, пока он ждал поезда на вокзале. Поезда, который не увез его к станции, где его ждала Кларина, к которой он уходил, оставляя их — этих его трех женщин, сидящих за столом. Нет, не оставляя их — а лишая себя их каждодневного присутствия. Он попросил у матери добавки своего любимого жаркого и снова скормил его псу под столом, тайком от нее.

Мать бесшумно убрала со стола и, тихо затворив дверь за женой и дочерью, мыла посуду стараясь не плескать водой, чтобы не мешать ему молчать с самим собой.

Когда он шаркнул стулом, она, не оборачиваясь, попросила его не торопиться и допить остывший чай. Он взял чашку с собой и, впервые не прочитав перед сном молитвы, миновал свой кабинет и направился к двери спальни жены. Пес ударился о его ноги в темноте, когда он тихо постучал и, не услышав ответа, перешагнул порог отворившейся двери...

БОГ ВЕРИТ В ЧЕЛОВЕКА ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА ЧЕЛОВЕК НЕ ВЕРИТ В БОГА

*(Заключительный отрывок из рукописей Кларины
«ВОСПОМИНАНИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ»)*

В любящем человеке любовь порождает тягу вобрать в себя и внутренний мир любимого, и саму искру Божью, таящуюся в нем. И потому можно утверждать, что в результате любви к ближнему вера в Бога возникает неминуемо. Неверующие — это обделенные любовью несчастные души. Именно потому самый насущный для души вопрос после очередной жизни — испытал ли человек чувство любви...

Несомненно, путь к Богу не обязательно лежит через любовь к себе подобным, к искусству и т. д. Даже еще ни разу не испытав никакого чувства любви, человек может принести с собой на Землю врожденную преданность своему небесному Создателю.

Но я убеждена, что невозможно, однажды испытав чудо

любви в душе, по-прежнему не только не верить в Бога, но и не любить Его.

Значит ли, что верить в Бога — это любить Его? И наоборот: одно ли и то же любовь и вера, когда речь идет о Всевышнем, о Творце, о Спасителе?

В моем понимании — нет, не значит. Ибо можно верить и не любить. Вера подразумевает слепое принятие самого существования Создателя, стремление к исполнению заповедей, надежду на спасение и помилование. Любовь же к Богу подразумевает не только смирение, повинование, восхваление, но и самопожертвование. Потому истинная любовь человеческая к себе подобным, лишенная эгоизма и не знающая преград, не поддающаяся голосу разума, — любовь всепрощающая, как бывает у матерей к детям, например — готовит душу к любви более чистой и всеобъемлющей. Любовь бескорыстная открывает душе необозримые горизонты внечеловеческой реальности, где всенасыщающая любовь способна утолить эту безымянную тоску, которая рано или поздно чиркнет по сердцу каждого из нас.

Увы, в отличие от нашего Творца, даже когда человек верит в Бога, он не всегда истинно любит Его... Бог верит в человека даже тогда, когда человек не верит в Бога, ибо любит его независимо, верит ли тот в Него или нет... Он любит нас настолько, что поделился с нами этим удивительным своим даром, сделал его нашей духовной необходимостью — нашим спасением. Каждый уверовавший в эту божественную правду не может не возлюбить Создателя, и смириться с нашей смертностью и с уготовленной судьбой. Ибо только любовь оправдывает смерть. И потому человек по замыслу Творца способен быть больше жизни. И тогда слово Человек начинается с большой буквы, как и Бог.

Я бы и любовь писала тоже с большой, а не с маленькой буквы. Но только в тех случаях, когда Она из человека сделала Человека, а из его Смерти — всего лишь смерть. И тогда он прожил Жизнь с большой буквы. И на шкале его Души она будет единственной и главной...

Этими строками заканчивались «Воспоминания после смерти».

«...Именно это стремление к подвигу во имя любви, это безрассудная способность самопожертвования во имя другого делает нас узнаваемыми от жизни к жизни для самих себя. И тогда однажды встав перед зеркалом, мы на миг уловим мелькнувший перед нами знакомый незаконченный портрет собственный души. И мы его узнаем. Но это не все. Его расплывчатые черты будут удивительно похожи на невидимого двойника, созданного в сердце тех, кто нас любил так искренне...»

Сурада дэ К. 1111 год, 2001 год (**Отрывок из романа «По-прошайка любви»**).

КРИТИКА

Проза С. Дион

О романе «Попрошайка любви»

«Новый роман Светланы Дион отсылает читателей к лучшим опытам Паоло Коэльо и Артура Переса-Реверте».

«Комсомольская Правда» Испания 25 мая 2006

Роман Светланы Дион насыщен размышлениями о вечности, Боге, смерти, любви, душе. Ее перу принадлежат фразы, претендующие на аксиомы науки о душе: «Любовь — это божья тень, скользящая по душам на земле. Со смертью мы столкнемся в жизни дважды. Впервые, когда поймем, что умрем, как все, — и тогда расстанемся с детством. А еще раз, когда поймем, что бессмертны наши любимые, и тогда мы заглянем в вечность». ...Герои Дион — представители разных стран — Америки, Испании, Англии, России. Они находят общий язык вовсе не потому, что в их жилах течет русская кровь. Их, как выясняется, объединяет одна история из прошлого, мистическая подоплека которой заставляет изумляться и порой даже забывать о том, что роман прежде всего труд писателя, вымысел в большей степени, а вовсе не простое описание реальных событий, ...клубок событий все же больше напоминает светящийся шар в руках медиума — посредника между душами живых и мертвых, читателя прошлого и предсказателя будущего. Сложность расклада пасьянса, за который взялась С. Дион, и состоит в том, что только кропотливое и вдумчивое, последовательное и осторожное ведение игры поможет картам сойтись. Оттого довольно объемное сочинение, состоящее из двух томов... композиционно выстроено по довольно строгой схеме. Без подобной подачи материала — с рефренами и уточнениями — читатель бы упустил нить повествования. Остается только догадываться и восхищаться тем, как мастерски «расправляется» с деталями сюжетных линий сама Дион. С. Дион держит в руках все многочисленные ниточки, как кукловод управляя персонажами, каждый из

которых основной, главный, значимый. И к тому же с филигранно выписанным характером и четко обрисованной внешностью... героине (романа), которая вызывает симпатию у любого, кто столкнется с ней и на страницах романа, и в той, виртуальной книжной жизни, тоже пришлось несладко. Вера путается в реальном и вымышленном, путает свое и чужое, путает причины и следствия, подозревает и верит, ведет собственное расследование, теряет и обретает любовь. А главное — приходит к выводам, способным ошеломить даже здравомыслящего человека...

О. Мерзликina

«СНЫ О ДРУГИХ» —

«Московская Правда» — Зазеркалье. 5 июля 2008

«...Выпустив свой первый роман, балерина и поэт Светлана Дион предстала в новом качестве — как вдумчивый и глубокий писатель. Философский склад ума и ясная логика позволяют ей создать стройное повествование из пестрого калейдоскопа десятков самых разных персонажей, собрать воедино несколько сюжетных линий, не потеряться на перекрестках времен — ведь действие разворачивается параллельно и в прошлом, и в будущем, в XII веке и в 2013 году... У Светланы Дион особый дар «кинематографического» письма. Читатель становится одновременно и наблюдателем, и участником описываемых событий, словно превращаясь то в одного, то в другого героя жизненной киноленты... Вы верите в то, что любовь спасет мир? Что жизнь возвращает нас туда, где была сделана ошибка, чтобы исправить ее и начать все сначала? Вам кажется, что все происходящее с вами когда-то уже случилось? Подобные мысли не могут не возникнуть при знакомстве с романом Светланы Дион « Попрошайка любви»... Объемное произведение — более пятисот страниц — воспринимается легко и как бы исподволь вовлекает читателя в свою причудливую «сновиденную» реальность. При этом автор ничего не навязывает, растворяя выводы между строк и позволяя читателю самому прочувствовать «невидимое-но-существующее» вокруг нас...»

Е. Ерофеева-Литвинская

«НЕВИДИМОЕ, НО СУЩЕСТВУЮЩЕЕ» —

Журнал Балет-«Линия», Москва, 2006.

«Балерина Светлана Дион написала сновидческий роман, игнорирующий законы классической физики и всемирного тяготения... Экзотический сюжет (романа «Попрошайка любви») умело соткан из тонких линий десятка периферийных персонажей. Захватывающая детективная интрига, приправленная изрядной долей мистики...»

Журнал Бьютти — Москва, 2006

«Юрий Ананьев (критик, философ, писатель — Мадрид) в ходе представления духовно-фантастического романа Светланы Дион «Попрошайка любви» (длинный список номинантов Российского НАЦБЕСТ-2006) отметил «яркую самобытность жанра... полифоничность центральных идей романа, красивый стиль и высокий уровень русского языка», а также подчеркнул, что «сложная мистическая коллизия адекватно изложена в интригующем сюжете и вместе с тем не противоречит литературной ткани..., произведение к тому же написано красивым русским языком, тонким, интересным и богатым, что и ставит автора в один ряд с такими писателями, как Л. Улицкая и Е. Токарева».

*«Славянские Корни»
апрель 2007 — Испания*

«За каждым неожиданным поворотом истории главная героиня натывается на самые невероятные открытия в «науке о душе». В ее руки попадает и ключ от бессмертия. В ее власти — устранить «искусственную вечность», грозящую человечеству. Как и найти мужество заглянуть в зеркало своей души. Мужество жить, не боясь смерти, потому что на свете есть Любовь. А с ней — надежда на то, что нам дан шанс переиграть собственные судьбы под другими именами и в другом сценарии, ибо «Бог верит в человека даже тогда, когда человек не верит в Бога».

*Журнал «Русское искусство»
май 2008*

«Мистический роман. Чудесный, полный философских размышлений и в то же время динамичный роман с нелинейным сюжетом о людях, однажды (или не однажды) перенесших клиническую смерть, возрожденных и пытающихся вспомнить о себе в новой жизни...»

Сергей Гомонов и Василий Шахов
(с сайта **ОРИТАН**)

«В одном из наших разговоров Светлана Дион спросила: «Вы верите в перевоплощение душ?» Я ответила: «Нет», потом, подумав, смягчила свою категоричность... «Сомневаюсь, уж больно смутные этому явлению существуют доказательства».

Однако, точно, безо всяких сомнений, уверена: чтобы описать существование таких перевоплощений художественно и достоверно, требуется талант. Талант автора, который может послать читателю такие стихотворные строки: «Где начало тебя в этом мире? Где кончается мой полукруг? Нас друг в друге давно растворили, мой бесценный, далекий мой друг!»

Далекую и близкую по духу Кларину, затерявшуюся в лабиринтах времени (подумать только, XII век!) видит в своих фантастических сновидениях Вера, главная героиня романа Светланы Дион « Попрошайка любви». И что там происходит? Обманы, ошибки и предательства... Они столь же горьки и сегодня, они будут также отдавать горечью в годах грядущих, как это было много веков тому назад. А любовь? И она мало чего претерпела за минувшие столетия. Все те же слезы радости и печали...

Автор мастерски сумела показать все это на страницах романа, в котором много экстремальных ситуаций: заглянув в лицо смерти, Вера снова возвращается к жизни и любви. Она — человеческая душа — и есть «попрошайка» в глазах неба...

А чужая жизнь из снов... Ну что же, такая связь между поколениями вполне закономерна, средневековые драмы проецируются на нашу жизнь, также полную драматических коллизий. Если сейчас не казнят так, как это делали в минувшие столетия, то бывает другая, не менее мучительная казнь. Многое пережила героиня романа, и все это красочно описала в нем писательница Светлана Дион.

Роман фантастический, роман пророческий. Благодаря отличному языку и детективному построению сюжета, читается на одном дыхании.

Такое перевоплощение в далеких предков мне нравится, в такое мне хочется верить. Значит, со мной, после прочтения романа, тоже случилось «некое»... Подействовало. Задумалась.

Как и героине романа Вере, уж точно не стоит грустить о бес- смерти, хотя и не надеюсь получить от него ключ. Роман светлый. Он не любовный, он о большой Любви».

Людмила Петриковская,

*главный редактор русско-немецкой газеты «Росток по-русски», член
Международного Союза писателей «Новый современник», серебряный
лауреат Международного конкурса
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»*

≡ ————— ≡

«А сам роман — хорош!

Представьте себе психологически — исторический детектив, круто замешанный на эзотерике: тут вам и переселение душ, и кровавое отмщение, и «эликсир возвращения из мёртвых», и русская мафия, охотящаяся за этим эликсиром, и любовь до гробовой доски в прямом смысле этого слова, и предательство. И всё это «в одном стакане», а «стаканчик» сделан просто здорово: прекрасный образец полиграфического искусства весом около килограмма!

Название для романа Светлана придумала просто замечательное: « Попрошайка любви» — это она так о ДУШЕ! Действительно, чего просят наши души, пока мы живём? Только ЛЮБВИ! Большой и чистой. И чтобы всегда, везде и постоянно».

Юрий Берг

≡ ————— ≡

РЕЦЕНЗИЯ: «Градусник Мужества» — с портала «Точка. Зрения»

Редактор отдела прозы, **Виолетта Башиа**. сноска: http://lito.ru/read.php/68418?id=68418_svetlana_deon: «Градусник Мужества».

«Поразительно солнечный рассказ, точнее — похожий на солнечный дождик, который почему-то называют слепым...

«Мне сейчас — пять лет, и я могу досчитать мужество до пяти. Каждый год я буду прибавлять мужество на один и стану очень сильной».

Постижение мира через порку и любовь, несправедливость и терпение, борьбу за правду — пусть и маленькую, детскую правду маленького человека... А разве бывает маленькой правда? А разве бывает маленьким человек?

Заглянуть в то время, когда «деревья были большими», а жизнь казалось бесконечной...

Пятилетняя героиня учится мужеству. И в своей гениальности — а разве все дети не гениальны? — создает то, что вряд ли придет взрослому в голову — свою шкалу мужества. Градусник...

Меня поразила эта пятилетняя, такая взрослая девочка.

А может быть, взрослея, мы теряем что-то главное? Непосредственность восприятия мира, постижение его иным, более чутким прибором — детской душой, его сказочную реальность, которая сродни гениальности?»

ОТЗЫВЫ КОЛЛЕГ И ЧИТАТЕЛЕЙ

☞ ————— ☞

«...Произведения Светланы Дион не относятся к развлекательному чтиву, хотя и читаются достаточно легко, но чтение её романа не простое, оно постоянно заставляет задумываться. Интересны её размышления о смысле жизни, ну и, конечно, о любви, ведь это главная тема романа.

Её объёмный роман (более 500 страниц) « Попрошайка любви» написан с искренним чувством. Произведению свойственна философская глубина, многослойность, сложность и витиеватость сюжета...»

Сергей Арно, Член Совета Союза писателей Санкт-Петербурга,
Почетный член семинара Б. Н. Стругацкого,
Член оргкомитета «АБС-премии».

☞ ————— ☞

«По-моему эта глава даёт возможность оценить достоинства всего романа, со сложной литературной канвой, включающей самые сокровенные вопросы нашей жизни и связи с Высшим.

Духовно-нравственной составляющей романа соответствует и эстетический авторский язык произведения.

В тексте есть и собственно хорошие поэтические включения.

Иногда сам прозаический текст становится поэтическим:

«А зимой самый зеленый цвет в мире — у тебя в глазах. Ох, знала бы ты, как мне больно и страшно заглядывать в тебя — в твою зеленую недозволенность мне, в твою невозможную неведомость».

«Я так и не успел тебе сказать, Кларина, женщина ты моя, — подумал он, — что глаза у тебя цвета лета, а волосы цвета прядей ивы зимой, а улыбка твоя была цвета осеннего солнца, когда оно выходит после долгих проливных дождей, и пасмурное небо от него вынуждено просветлеть...»

Представляется, что такой роман можно написать, имея богатый литературный опыт и обретя жизненную мудрость».

Вячеслав Моргачев

✦ ————— ✦

«Светлана, у Вас блестящая, интереснейшая и глубокая книга. Примите мое искреннее уважение».

Злата Рапова. (Графиня де Рапп де Кольмар-Строгонова)

Член международной ноосферной духовно-экологической ассамблеи мира, член Международного Союза писателей.

Президент Всемирного Союза деятелей искусства.

*Шестикратный Лауреат международных конкурсов
«Золотое перо Руси» 2007.*

Член Всемирной Академии наук.

Член руководства Княжеского Совета Всяя Руси.

✦ ————— ✦

«Что особенно хочется сказать? Побольше бы нам сейчас именно такой литературы, а не того, чем завалены книжные полки.

Роман прекрасен. И действительно — именно для тех, кто не просто задумывается о главном, но и вообще способен думать, размышлять, понимать. Не для чтения в электричках, в общем».

Шульга Елена о романе «Попрошайка любви»
(с портала ozone.ru)

✦ ————— ✦

«Светлана, какие удивительные строчки рождаются под Вашим пером! Первое стихотворение «А смерти нет» без слез читать просто не могла... Оно так близко моему нынешнему настроению! И так хочется верить, что родные, близкие люди уходят не навсегда, что встреча с ними обязательно когда-нибудь произойдет...»

Дина Лебедева

Уважаемая Светлана! Мне понравилась Ваша безграничная любовь к искусству и верность избранной профессии. Искусство — это галерея образов, и я рада, что Вы их открываете перед читателем. Сцена и жизнь — это те грани, которые постоянно близки, но в то же время далеки друг от друга... Очень понравилось: «И обречённая Жизель, Цветы роняя перед Миртой, Невидимую отворяла дверь — К самой себе, давно забытой». В Ваших стихах есть что-то неуволнимо-тонкое, необычное, воздушное, как балет...

С уважением, *Ольга Сысуева*

О романе «Записки Ангела Хранителя»

(Готовится к печати)

РЕЦЕНЗИЯ на отрывки из романа «Записки Ангела Хранителя» «Белокаменная радуга» и «Женщина-кувшин».

«Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице — так сказал Екклесиаст. Хочется с этих слов начать свою короткую рецензию, потому что они как нельзя лучше отражают мои мысли после прочтения Белокаменной радуги. Что такое любовь? Она непостижима. Как только человек узнал радость творчества, он начал писать о любви. Романтические и даже эротические поэмы проникли даже в сакральные тексты. Проходят века, и все же люди не пишут ни о чем так много, как об отношениях между мужчиной и женщиной. А чувство по-прежнему остается тайной. Что заставляет сердце замирать при виде одного человека и брезгливо отворачиваться, посмотрев на другого? Какое короткое замыкание происходит в нашей голове, когда мы влюбляемся? Как симпатия перерастает во влюбленность, чтобы потом затопить сознание пламенем страсти? Ученые так стараются объяснить нам это, разложить наши эмоции на ряд химических реакций. Но мы продолжаем читать и писать о любви, потому что она у каждого своя, у каждого неповторима, у каждого, как непознанная вселенная.

В данном произведении, любовь это белокаменная радуга, по-

могающая преодолеть все препятствия, саму смерть, чтобы встретиться за гранью. Удивительные образы, перемещают читателя в запредельный мир, туда, где стираются запреты и различия, где все становится неважным кроме одного: силы любви.

Напрасный труд пытаться передать в рецензии красоту романа, могущество эмоций, радость прикосновения к таинству. Желаю пережить это самому читателю, когда он окунется еще раз в удивительный мир, созданный Светланой.

...Дар творчества — это попытка отразить на бумаге то, что лежит на дне твоей души, то, что мучит и не дает спокойно жить, то, что приходит во сне и накатывает среди бела дня. Иногда это похоже на музыку, иногда на картину, иногда на бред воспаленного воображения. Так хочется суметь рассказать об этом другим, чтобы и они могли прикоснуться к таинству вселенной, находящейся внутри тебя. Это не всем удастся воссоздать. И не каждому удастся прочесть. Но изредка возникает удивительное созвучие писателя и читателя, когда слова автора перетекают в душу другого и становятся его частью. Когда человеку, живущему за тысячи километров от создателя удивительных образов, вдруг начинает казаться, что все, что написано здесь, с ним происходило и как удивительно, что кто-то это услышал и записал так, как ему самому никогда не удастся. Такое созвучие, как прозрение, оно открывает нечто новое о тебе самом и изменяет тебя. Оно напоминает единственную любовь, к которой хочется прикоснуться воспоминанием снова и снова, чтобы ощутить себя ближе к тому, что больше никогда не будет доступно.

Читая отрывки из произведений Светланы Дион, я чувствую себя именно таким читателем. Это созвучие мешает включаться рассудку для того, чтобы вычислить недостатки и достоинства. Пусть их ищут другие. Я же просто получила удовольствие от прикосновения к тайне творчества».

Даркина А. Л.,
рецензент сайта Литсовет

— ❦ ————— ❦ —

«Я не читал ничего на нашем конкурсе более стилистически оригинального в прозаическом варианте, чем «Записки Ангела Хранителя». Вот так, господа, не читал! Выверты — читал, изыски — читал, футурологические бредни — читал, а прозу в таком

исполнении нет. Она как расцвеченные витражи, подойдёшь близко — разлетается на отбеленные цветные стёклышки, отойдёшь подальше — и перед тобой цельная картина маленького мирка, в котором живут герои её романа. Хотелось пересказать содержание, а не получается и это странно. Хотелось чуть поругать, но не могу. Вот в чём проблема. Видать, Светлана знает тайный ведьмин приворот».

Леонид Шубин,
критик

«Светлана, прочёл с огромным удовольствием! Редко кто пишет на эти темы, а тема интересная и важная. ОБЩЕНИЕ ДУШ продолжается, несмотря на барьер между мирами и после смерти. И, если общение идёт, то можно ли говорить о двух мирах и о барьере? Но поскольку оно ограничено определёнными условиями, то барьер всё же есть... Тем не менее, души взаимосвязаны и влияют друг на друга, могут и помочь, и повредить друг другу, и здесь, и там... Поэтому очень важно на основе чего идёт такое общение? И здесь Вы снова подводите нас к корню всего — к любви. Если любовь жива, то через такое общение идёт дальнейшее совершенствование чувств, идёт совершенствование и взаимообогащение душ и миров... А если в основе лежат иные чувства? Поэтому и есть преграды и ограничения... и миры отделены. Дети и дела — наши якоря здесь на земле... Так как душа, живущая здесь должна оставить результаты своей жизни для помощи этому миру. И любящая душа там, оттуда может в этом помочь... Если души продолжают любить и тянутся друг к другу, то они неминуемо, рано или поздно соединятся и обретут свою новую жизнь, как в том, так и затем в этом мире в новом воплощении. Любовь непобедима! ВЫ ПИШЕТЕ ОБ ЭТОМ И ЭТО ЗДОРОВО!»

Яков Шафран,
инженер, психолог —
Высший психологический колледж при
Институте Психологии РАН,
по призванию поэт, писатель и философ,
Тула

«Дар творчества данный Вам выше правил и расчётов (мне кажется, что то, что Вы пишете, иногда даже происходит помимо Вас, всеми гениальными и талантливыми людьми руководят, наверное, какие-то Высшие силы) восхищает. Мне кажется, Вы одна из тех избранных, посредством которых человечество учат и воспитывают. Слушайте своё сердце! А ваше понимание, подача и расшифровка такого широкого понятия как любовь, настолько глубоки и естественны, что Вам нужно отдаться течению творчества и на этих волнах плыть всё дальше и дальше. Ни в коем случае не гребите против течения (я имею в виду насилие над собой — так называемые муки творчества). Вашим пером кто-то водит! И слава Богу! Творчество, в моём понимании, полёт, счастье когда ты творишь (прошу прощения за такое громкое и выспренное слово), это на тебя нисходит...»

***Камил Шуаев,**
член союзов композиторов,
Харьков*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.

Л. Некрасовская «Серебряная нить любви»..... 5

Из цикла «ТАИНСТВО РОСЫ»

Что жизнь? — Не песня ли души? <i>Триптих</i>	
А смерти нет, но есть прощанье.....	10
Что жизнь? — Не песня ли души.....	10
Таинство росы.....	11
«А что, если в небе читают стихи...»	12
Снежная реинкарнация.....	12
Божественная книга судеб (<i>размышления</i>)	13
«Безымянный в груди квадрат...».....	15
«Я поэзии училась у прибора...».....	15
Звездный Чародей	16
«Нет выхода — я верю только в чудеса...»	17

Из цикла «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ»

«Среди чуждых людей и пейзажей...».....	18
«А ландыши в чужой стране...».....	18
«Встречала я зарю с красноглазкой птицей...»	19
«По дорожке краям — факелы...»	20
Московским дворнягам	20
От любви до моркови.....	21
Серебряный пепел вербы	22
Недостроенный замок чудес	23
«На семи холмах, в глубине морской...»	25
«Тише, тише! Спите, крыши...».....	25
«Одна бреду по бездорожью...»	26
«Что делать, если некуда вернуться...»	29
«Бывает, что проснёшься утром рано...»	29
Дверь в искаженье.....	30
И ни поздно, и ни рано	32

Из цикла «МОЯ СУДЬБА УЖЕ НАДЕЛА ТРАУР»

«Сквозняк. Открытое окно...».....	34
«Над обрывом — галопом — на резвом коне...»	34
«По самой кромке, по обочине, не каюсь...»	35

«Как ртуть, Горошинами по углам...»	36
«Спасибо, Грусть, Сто крат!..».....	37
«Птицы сошли с ума...»	38
«На удивление не больно...»	39
«Я всё реже и реже бумаге...»	40
«Всё, что вижу, я видела раньше...»	41
«Разноцветные листья опавшие...».....	42
«На страже моего покоя...».....	42
«Рассёк ладонь один лишь шрам...».....	44
«Моя судьба уже надела траур...».....	44

Из цикла «СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ» 1997-2002 гг.

Из сборника «Кружево Времени»

«Я мечтала увидеть дальние, недоступные нам миры...».....	46
«В пустую склянку брошу память...»	47
Исповедь.....	47
«Я к тебе неизбежно вернусь...».....	48
«Мне тебя уже видеть не надо...».....	49
«Говорят, что все бессмертны...».....	50
Реквием. <i>Диптих</i>	
«На небе слишком много звёзд...».....	51
«Моя душа пусть будет тебе кровом...».....	52
«Море с небом слилось в серой дымке...»	53
«За все прошу — ты жизнью был оправдан...».....	55
Конец света	55
Сон после жизни	56

Из цикла «СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ» (2003- 2010 гг.)

«Я только ангелам доверю...»	58
«У нас с тобой ни одного свиданья...»	59
«Я тебя отпущу...»	60
«И снова кто-то над бедой...».....	61
«Мне тебя подарила весна...».....	61
«Как будто тень на дне реки...».....	62
«Тише, тише. Где-то свыше траектория проста...»	63
«А ты ночами не грусти...».....	64
«Позволь, тебя я околдую...».....	65
«Непрошенный мой друг...»	66
Вдоль безупречной памяти воды. <i>Триптих</i>	
«У нас с тобой не будет ничего...»	67

«Мне от тебя не нужно ничего...»	68
Звнящая малиновая грусть	69
Снежная элегия. (Моя душа в твоём кармане)	70

Из цикла «ПОЭТ И БАЛЕТ»

Поклон	73
«Звучала музыка во мне...»	74
«Однажды загадала я взлететь...»	75
«На одной скачу я ножке...»	76

Из цикла «ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО БОКАЛА»

«Пусть что-нибудь получится у нас!...»	78
«Одиночества белый бархат...»	79
«О, где пристанище мое, где я сумею...»	79
«Тревожно, горько и печально...»	80
«Давай, мы всё начнём сначала...»	81
«Рваные облака. Сумерки в пятнах...»	81
Шуточное («А вокруг одни Хуаны...»)	82

Из цикла «ИСПАНИЯ МОЯ, ЗЕМЛЯ ЧУЖАЯ»

«Испания! Меня ты не растила!...»	85
«Оттого ли я пригелась...»	85
«Цветет Испания красой земного рая...»	86
Вынос изваяний девы Марии и Христа в Сакрамонте	87
Рассвет в Гранаде	89
Взгляд со стороны (поэма)	90

Из цикла «ДОЗВОЛЕНО ЛИ НЕБОЖИТЕЛЯМ МОЛИТЬСЯ?»

«Я на секунду попрошу...»	92
«Дозволено ли небожителям молиться?...»	93
«Останься строками со мной...»	95
Угасшие, с волшебными глазами	96
«Где же вы теперь, мои земляне?...»	97
Поэма последней ночи (<i>обрывки стихов с посвящениями</i>)	98

Из цикла «ПИСЬМА НЕБОЖИТЕЛЮ»

«Помнишь, мы уже с тобой встречались?...»	107
«Я растворюсь, как дождь в озерной глади...»	107
Клочок Солнца. <i>Триптих</i>	

Посмертное	108
Прощальное.....	109
Клочок Солнца.....	110
«О, как тебя благодарю...».....	111
«Сегодня снова на земле восьмое января...»	112
«Четвёртый день в апреле...»	113
Прыжок в небо.....	114
В годовщину твоего бессмертья	115
«С каждым годом мне небо все ближе...».....	116
Открытка в небо	117
Сон для взрослых. <i>Диптих</i>	
Сон для взрослых	118
Диалог из сна	119
Небесный почтальон.....	121

Отрывки из романа «ЗАПИСКИ АНГЕЛЯ ХРАНИТЕЛЯ»

Аннотация.....	123
Пролог	124
<i>Глава 1. Женщина-Кувшин</i>	131
<i>Глава 2. Белокаменная радуга</i>	136
Послесловие	144

Переводы и стихи на английском, испанском и французском языках

Does God Cry? (авторский перевод)	146
Confession to eternity	148
What's the color of love?.....	149
Улыбка под чадрой.....	150
The moorish moon (smile under a veil).....	151
I thank you for the rain that started late	152

Стихи из романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ»

Послание в будущее.....	153
From the novel «The Love Beggar» Epistle.....	154
Без названия.....	156
Untitled	157
Sans titre.....	157

Стихи на испанском языке

El mendigo del amor (попрошайка любви)	
<i>Tres canciones tristes</i>	158

Mi amor, mi dolor, mi amigo (para n. D.).....	161
La madrugada sin ti.....	162
Me pongo el mejor abrigo, pero tengo frío en verano	162

Слова на воде.....	164
Les mots sur l'eau	165

Приложение

Стихотворения на конкурс «ПУШКИН В БРИТАНИИ»

«В высоком лондонском кругу» поэты не рифмуют чувства	166
«Моря достались Альбиону» — Но далеко не все моря.....	167

Отрывки из романа ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ

Аннотация.....	168
«Пять Змеёв или Градусник Мужества»	169
Кактус и гладиолус.....	181
Возвращение к себе	187
Бог верит в человека даже тогда, когда человек не верит в Бога	190

Критика. Проза С. Дион

О романе «Попрошайка любви».....	193
О романе «Записки Ангела Хранителя»	200

Всемирный клуб
петербуржцев

Всемирный клуб петербуржцев возник в Рождественскую ночь, 7 января 1991 года. Клуб объединяет людей, осознающих духовную силу и нравственное значение культуры Санкт-Петербурга и заботящихся о судьбе своего великого города. Важнейшая миссия Клуба — единение и взаимообогащение разных ветвей культуры: литературной, художественной, научной...

Президент клуба — директор Государственного Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский.

Председатель правления — Валентина Трофимовна Орлова.

Деятельность Клуба разнообразна и насыщена. Ежедневно проводятся встречи членов Клуба, на которых обсуждаются важнейшие для города и страны события, проходят философские дискуссии, представления написанных членами Клуба книг, встречи с выдающимися людьми, художественные выставки... Активно работает дискуссионный «круглый стол» по эстетике городской среды.

Клуб принимает участие в акциях, проводимых Администрацией Санкт-Петербурга, генеральными консульствами и различными организациями города. А также является организатором международных проектов.

Еще одна важнейшая миссия Клуба — воспитание подрастающего поколения — творцов XXI века. «Связать разорванную нить» — приоритетная детская программа Клуба.

Клуб осуществляет выпуск книг в серии «Библиотека Всемирного клуба петербуржцев», альманахи «Тебе, Петербург», «Я иду по Миллионной», «Петербургские вечера» и «Автограф времени».

Важной миссией Клуба является связь с петербуржцами, живущими вдали от невских берегов. Радиомосты между Всемирным клубом петербуржцев и радио «Надежда» (Нью-Йорк, США) получили высокую оценку в конкурсе «Петербург. Возрождение мечты», который проводился Информационным управлением Президента РФ и Медиа-Союзом.

Свои выездные заседания Клуб провел в Лондоне, Нью-Йорке, Берлине, Милане, Париже, Таллинне и Москве.

Слово «всемирный» начинает название Клуба не только потому, что в его составе есть люди, живущие за рубежами России. Клуб петербуржцев всемирен еще и потому, что открыт для сотрудничества с любым гражданином мира, безразличным к судьбе нашего города. Потому что культура Санкт-Петербурга — всемирное достояние.

Адрес Всемирного клуба петербуржцев:

190107 Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., д.6, Марининский дворец

Тел./факс (812) 570-3236

e-mail: wwclub@yandex.ru

<http://www.wwclub.spb.ru>

Библиотека Всемирного клуба петербуржцев

Светлана Дион
Небесный почтальон

Стихи и проза

Редактор — Евгений Степанов
Художественный редактор — Андрей Глазов
Компьютерная верстка, макет — Марина Кива
Дизайн обложки — Светлана Дион
Корректор — Фёдор Мальцев

Бумага офсетная

Гарнитура Times

Тираж 500 экз.

Сдано в набор 20.05.2010

Подписано в печать 30.06.2010

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75
Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.